

ББК 63.3  
И 905

**Исторический Ежегодник. 2016.:** Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Институт истории СО РАН, Параллель, 2016. 160 с.

**ISBN**

Главный редактор: д.и.н. А. Х. Элерт. Ответственный секретарь: к.и.н. Р. Е. Романов. Члены редколлегии: к.и.н. М. А. Семенов, к.и.н. Д. Л. Шереметьева, И. А. Шипилов.

Рецензенты:

д.и.н. А. А. Николаев  
д.и.н. М. В. Шиловский  
к.и.н. А. В. Дмитриев

*Рекомендовано к печати учёным советом  
Института истории СО РАН*

В девятом выпуске ежегодника представлены исследования молодых историков, посвященные актуальным вопросам истории России. В сборнике содержатся разделы, в которых отражены аспекты историографии и источниковедения, взаимоотношений власти и общества, социально-экономических и демографических процессов, военной истории. Тематика ежегодника охватывает отечественную историю с XVIII до начала XXI века.

Издание рассчитано на специалистов, преподавателей и всех интересующихся историей России.

ISBN

© Институт истории СО РАН, 2016

## Содержание

### Источниковедение и историография

<i>Крылова А. А.</i> Документы церковного учета населения в контексте генеалогической культуры русского дворянства XVIII–XIX веков.....	4
<i>Светачева У. В.</i> Этнографическое изучение системы расселения русских Минусинского края (XVIII – начала XXI в.): историографический обзор.....	19

### Общественно-политические и социокультурные процессы

<i>Шарапов С. В.</i> Значение кампании самокритики в контексте «Шахтинского дела» 1928 г.....	32
<i>Ряпусова Д. Н.</i> Сплошная кинофикация Молотовской области: (1940-е – начало 1950-х годов).....	44
<i>Попытаев А. С.</i> Проблема нормативного регулирования поведения советских школьников в условиях раздельного обучения (1943–1954 гг.)...60	

### Социально-экономические и демографические процессы

<i>Медников Д. М., Гончаров А. Е., Карелин Н. М.</i> «Англо-Сибирский торговый синдикат» в России в конце 1880-х – начале 1890-х годов.....	75
<i>Лапердин В. Б.</i> Хлебозаготовительная кампания 1932–1933 гг. в Западно-Сибирском крае.....	86
<i>Романов Р. Е.</i> В тисках продовольственного кризиса: натуральные стимулы крупных военно-промышленных центров Сибири (1941–1945).....	104
<i>Тиникова Е. Е.</i> Особенности возрастной структуры городского населения юга Красноярского края в 1970-е – 1980-е годы.....	125

### Войны в зеркале аналитики и пропаганды

<i>Магадеев И. Э.</i> Красная армия и стратегическая ситуация на советско-германском фронте в оценках британских военных.....	133
<i>Зубков Н. А.</i> Информационная кампания России в период вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г.....	148

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

УДК 929.53“18/19”

**А. А. КРЫЛОВА****ДОКУМЕНТЫ ЦЕРКОВНОГО УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ  
В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА XVIII–XIX ВЕКОВ**

главный архивист

Тверской центр документации новейшей истории

В статье рассматриваются информативные возможности метрических книг и исповедных ведомостей для изучения различных аспектов генеалогической культуры русского дворянства XVIII–XIX веков. На материалах рода Свечиных и родственным им семей показано, что данные метрических книг и свидетельств могут быть использованы при изучении института восприемничества и стратегий имянаречения в дворянской среде. Метрические книги и исповедные ведомости могут использоваться как основной источник для выявления незаконных родственных связей дворян. Кроме того, при комплексном подходе к анализу данных исповедных ведомостей этот источник может быть использован для определения численности представителей дворянского сословия, а также местонахождения дворянских усадеб.

*Ключевые слова:* источниковедение, исповедные ведомости, метрические книги, документы по церковному учету населения, дворянство, дворянская усадьба, генеалогия.

Метрические книги и исповедные ведомости являются учетной документацией и могут быть отнесены к массовым источникам российской истории. Эти виды документов начали активно изучаться с конца 1980-х годов как источник сведений о численном и социальном составе населения<sup>1</sup>, а также как основа для проведения генеалогических исследований<sup>2</sup>. В последнее десятилетие появились источниковедческие работы, сфокусированные на сопоставлении требований законодательства по регистрации записей с конкретными архивными источниками<sup>3</sup>, а также на выявлении региональных

---

<sup>1</sup> *Материалы* церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. ст. Барнаул, 2007; *Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 20. М., 1989. С. 102–117; *Сарафанов Д. Е.* Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития Барнаула в XIX в.: дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2006; *Федорец А. И.* Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40–80-х гг. XVIII в.: дис... канд. ист. наук. М., 2014.

<sup>2</sup> *Антонов Д. Н.* Восстановление истории семей: метод, источники, анализ: дис... канд. ист. наук. М., 2000.

<sup>3</sup> *Маркова М. А.* Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII – первой половине XIX в. как исторический источник: метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки: дис... канд. ист. наук. СПб., 2005.

особенностей<sup>1</sup>. Отсутствие комплексного анализа в этих исследованиях препятствует объективной оценке и раскрытию полного информативного потенциала данной группы источников.

Особую ценность материалы церковного учета населения представляют для изучения генеалогической культуры русского дворянства XVIII–XIX веков. Под генеалогической культурой подразумевается совокупность ценностей, знаний и представлений о генеалогических фактах и событиях. К элементам генеалогической культуры относятся: система генеалогических ценностей, генеалогические традиции и обычаи, генеалогический этикет. Стабильность и уровень развития генеалогической культуры зависят от уровня развития знаний и представлений каждого нового поколения о генеалогических фактах и событиях<sup>2</sup>.

Данные метрических книг и исповедных ведомостей позволяют изучить ряд отдельных проблем в рамках исследования генеалогической культуры русского дворянства XVIII–XIX вв.: состав семьи, незаконные родственные связи, стратегии имянаречения, институт восприемничества, терминология родства, механизмы установления родственных связей и поддержания их в актуальном состоянии, численность представителей дворянского сословия, численность и локализация усадеб. Все эти проблемы в рамках работы над диссертационным исследованием рассматривались автором данной статьи на примере тверской ветви дворян Свечиных и родственных им семей.

Метрические книги предоставляют материал для изучения института восприемничества в дворянской среде. Крещение было одним из важнейших событий в жизни любого православного человека в изучаемый период. Оно трактовалось церковью как духовное рождение человека – младенца или взрослого, решившего перейти в православную веру. Помимо физических родителей у принявших православное крещение были духовные родители – крестные (восприемники), которые, в соответствии с принятой в обществе традицией, включались в систему особых отношений не только с воспринятым от купели ребенком, но и его родителями.

Во время обряда крещения восприемники являлись свидетелями и поручителями веры и обетов крещаемого, а при крещении младенцев кроме того они произносили за них Символ веры и давали необходимые ответы. В даль-

---

<sup>1</sup> См., например: *Чернякова И. А.* Ревизские сказки и исповедные ведомости – сравнительный анализ содержания с точки зрения достоверности и полноты информации // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: материалы XII Всероссийской конференции. Архангельск, 19–23 июня 2001 г. Архангельск, 2001. С. 366–375.

<sup>2</sup> *Крылова А. А.* Генеалогическая культура русского дворянства и внутренняя политика самодержавия в XVIII – начале XX в. // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М., 2016. С. 303–306.

нейшем крестные родители должны были иметь попечение о нравственном и религиозном воспитании крестника. Таким образом, восприемничество не могло быть заочным: «Самым чином таинства предполагается их (восприемников – А.К.) личное присутствие при его совершении, восприемники допущение заочных восприемников, а потому, в случае просьб об этом, не следует поступаться церковным правилом в угоду суетности»<sup>1</sup>. В крайних случаях заочное участие было позволительным для лиц, «не безусловно нужных при крещении»<sup>2</sup>: восприемниц для мальчиков и восприемников для девочек. Но вписывать в метрические книги данные об этих лицах священник мог только с их согласия, а не со слов родителей младенца. Заочное восприемничество было распространено, в основном, среди дворянства и чиновничества.

Социальный статус крестных играл большую роль в дворянской среде. Наиболее почетным считалось иметь в восприемниках членов царствующего дома. Конечно, члены царской семьи крайне редко сами присутствовали при обрядах крещения младенцев, родители которых подавали прошения об оказании им такой чести. Чаще всего их место «заступали» представители, которые, по сути, и являлись восприемниками. Однако в метрической записи обязательно упоминалось, что восприемником крещаемому был именно представитель царствующей фамилии. Хотя в метрическом свидетельстве, которое было необходимо при поступлении в учебное заведение и на службу, обязательно указывались данные только о восприемниках, то есть лицах участвовавших в обряде крещения, сведения о заочном восприемничестве члена царской фамилии обязательно вносились и туда. Поэтому даже заочное участие члена царской семьи в крещении служило хорошей протекцией для молодого дворянина. Оказанная честь рассматривалась, кроме того, как признание заслуг родителей младенца. Фактическими восприемниками в таких случаях были люди с высоким социальным статусом, часто – начальники родителей, как, например, при крещении старшего сына генерал-майора А. А. Свечина – Александра – императора Александра I замещал дивизионный командир генерал-майор Е. Ф. Керн<sup>3</sup>.

Добиться (пусть и заочного) участия члена императорской фамилии в крещении ребенка было непросто. С 1808 г. прошения на высочайшее имя об оказании такой милости можно было присылать только штаб- и обер-офицерам и только через свое непосредственное начальство, которое должно

---

<sup>1</sup> Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: В 2-х ч. М., 1993. С. 990.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 645. Оп. 1. Д. 3673. Л. 4.

было засвидетельствовать, что проситель действительно заслуживает оказания ему такой чести <sup>1</sup>.

По Требнику необходимым считался только один восприемник: мужчина для лиц мужского пола и женщина для лиц женского пола. Чаще всего родители старались пригласить пару восприемников – мужчину и женщину. Но бывали случаи, когда в восприемниках у одного ребенка было сразу несколько человек. Так, знаменитый русский писатель и ученый А. Т. Болотов вспоминает: «Крестины мои отправлялись обыкновенным у нас в деревнях образом. У меня было два отца и две матери крестных, – все родственники и приятели моих родителей» <sup>2</sup>. Вероятно, приглашение «лишних» восприемников объясняется и желанием угодить, и стремлением укрепить и расширить круг родственных связей. Московская дворянка Е. П. Янькова, вспоминая о крещении своего внука Дмитрия, родившегося в деревне, утверждает, что в крестные были выбраны они с братом, тогда как восприемниками от купели стали родственники со стороны отца ребенка <sup>3</sup>. Вполне вероятно, в данном случае решающую роль сыграли обстоятельства (например, ранние роды): выбранные восприемники не могли присутствовать на обряде, поэтому пришлось пригласить тех, кто был «под рукой».

Церковными правилами было запрещено допускать к восприемничеству одного младенца двух мужчин или двух женщин. Согласно указу Синода от 18 июня 1834 г., в качестве восприемников священникам разрешалось допускать лишь пару (мужчину и женщину), а остальных, приглашенных родителями на обряд, вспоминать в молитвах. Таким образом, другие присутствующие на крещении лица, даже специально приглашенные, являлись только свидетелями. В изученных метрических книгах и свидетельствах за 1759–1916 гг. также не нашлось ни одной записи, где восприемниками младенца были записаны лица одного пола. Лишь в трех случаях в метрической записи было указано одновременное наличие очного и заочного восприемников <sup>4</sup>.

В качестве крестных родителей не могли выступать лица с психическими расстройствами, несведущие в вере, преступники, «явные грешники», а также лица, не бывшие у исповеди длительное время. Однако думается, что в вопросах морально-нравственной чистоты кандидатов священник мог пола-

---

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 45 т. СПб., 1830. (ПСЗРИ). Т. XXX. № 23041.

<sup>2</sup> Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 23.

<sup>3</sup> Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 284.

<sup>4</sup> ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 35375. Л. 81 – 81 об.; Ф. 645. Оп. 1. Д. 1972. Л. 2 об.; Д. 3673. Л. 4.

гаться лишь на мнение родителей младенца, в случае, если лица, выбранные в качестве крестных, не являлись его прихожанами.

Не могли быть восприемниками и лица, не достигшие гражданского совершеннолетия или хотя бы 17 лет, как не способные к обучению и не твердые в своей вере, кроме случаев крайней необходимости, но и в таких случаях они должны были достигнуть церковного совершеннолетия, то есть 15 лет для мальчиков и 13 лет для девочек. Тем не менее, в литературе и источниках можно встретить случаи, когда дворяне пренебрегали этими правилами. Так, Е. П. Янькова вспоминает, что по желанию отца ее восприемницей стала ее старшая сестра Екатерина, которой на тот момент было около пяти лет <sup>1</sup>. Восприемниками дочерей коллежского асессора А. Е. Свечина были: Веры (р. 1796 г.) – ее брат Алексей (р. 1781 г.) и сестра Екатерина <sup>2</sup>, Елизаветы (1793 г.) – ее брат Павел <sup>3</sup>. Даты рождения Петра и Екатерины неизвестны, но учитывая, что старшим ребенком в семье был Алексей, можно предположить, что на момент участия в обряде крещения Павлу было не более 10–11, а Екатерине – не более 13–14 лет.

Причиной выбора в качестве крестных родителей старших детей могло быть, с одной стороны, отсутствие надежных кандидатов в восприемники на момент крещения ребенка, а с другой – желание родителей установить между детьми более тесную связь. Так, например, дети от первого брака – Марья и Иван – были выбраны Аггеем Логгиновичем Свечиным и его второй супругой Натальей Никифоровной в восприемники дочери Ольги <sup>4</sup>. Возможно, так они хотели укрепить отношения между сводными детьми. Выбор собственных детей и крепостных крестьян в восприемники новорожденных в семье помещика Тверского уезда Б. И. Бехтера и его супруги Дарьи Александровны (по первому мужу Свечиной) выглядит очень симптоматичным и лишний раз свидетельствует об изолированности, в которой жила эта помещицья семья <sup>5</sup>.

Восприемниками одного и того же младенца запрещалось быть супругам, соответственно, брак крестных родителей одного младенца был невозможен и должен быть расторгнут. Таким образом, давая свое согласие выступить в качестве восприемников, мужчина и женщина исключали вступление в брак друг с другом в будущем. Это ограничение было пересмотрено Елизаветой Петровной в 1752 г., когда было запрещено разводить восприемников, всту-

---

<sup>1</sup> *Рассказы бабушки*: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. С. 21.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 3678. Л. 2.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15208. Л. 6.

<sup>4</sup> Там же. Д. 21040. Л. 26.

<sup>5</sup> Там же. Д. 15292. Л. 228; Д. 15291. Л. 892; Д. 15289. Л. 892 об.

пивших впоследствии в брак, а также супругов, крестивших одного младенца<sup>1</sup>. Окончательное решение по таким делам должна была выносить сама императрица, а с 1767 г. – Синод<sup>2</sup>. В 1810 г. был опубликован указ «О степенях родства и свойства духовного брак восприимающих»<sup>3</sup>. Согласно этому указу, брак был запрещен между восприимниками и родителями крещаемого и между крестными родителями и их крестниками. Относительно запрета на брак между крещаемыми и детьми восприимников, а также между двумя крестными родителями одного младенца не было ничего сказано. Священник С. В. Булгаков отмечал, что, несмотря на снятие запрета на брак между крестными родителями одного младенца, «у большинства мирян такое восприимничество считается непозволительным»<sup>4</sup>. Это говорит о том, что понятие «духовное родство» трактовалось обществом иначе, чем законодательством. Такое трепетное отношение общества и священнослужителей к отношениям между кумом и кумой в некоторых случаях могло являться лишним аргументом в пользу близких родственников при выборе восприимников, поскольку, по справедливому замечанию исследователя тверского чиновничества Ю. В. Бодровой, выбор родственников в качестве крестных не сужал круг потенциальных брачных связей<sup>5</sup>.

Другим обстоятельством, которое способствовало частому обращению к ближайшему родственному окружению при выборе крестных, было двойственное положение, в котором оказывались кандидаты на эту роль. Восприимничество связывалось не только с обязанностью воспитывать будущего христианина, но и с материальными затратами, поэтому найти подходящего человека за короткое время было довольно непросто. Как писал А. Т. Болотов, давая согласие на просьбы родителей быть восприимником их ребенка, хотелось тем самым их «обязать и одолжить»<sup>6</sup>. С одной стороны, просьба быть восприимником могла расцениваться как признание, как честь, но с другой – она связывала обязательствами, невыполнение которых грозило недобросовестному крестному родителю Божией карой и общественным порицанием. Родственники же, так или иначе, участвовали в жизни друг друга. Среди восприимников встречаются как кровные родственники новорожденных младенцев – бабушки и дедушки, родные и двоюродные братья

---

<sup>1</sup> ПСЗРИ. Т. XIII. № 10050.

<sup>2</sup> Там же. Т. XVIII. № 12860.

<sup>3</sup> Там же. Т. XXXI. № 24091.

<sup>4</sup> Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей... С. 994.

<sup>5</sup> Бодрова Ю. В. Институт крестных родителей в семейных традициях провинциального чиновничества первой половины XIX в. (на материалах Тверской губернии) // Святой благоверный Великий князь Михаил Тверской: 690 лет в народной памяти. Тверь, 2009. С. 137.

<sup>6</sup> Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. С. 544.

и сестры родителей, старшие братья и сестры самих крещаемых, так и свойственники.

В последней четверти XIX в. широкое обсуждение в церковных кругах получил вопрос о возможности допущения к восприимчивости лиц не православного вероисповедания. Актуальной эта проблема в большей степени была для ряда западных губерний и местностей. Но само обсуждение такой возможности говорит о том, что в выборе восприимчика огромную роль играли личные отношения, а не репутация кандидата в восприимчики как лица истинно верующего: «Священник должен внушать прихожанам, чтобы они при выборе восприимчиков для своих детей обращали внимание на нравственные качества избираемых, а не на их положение в обществе и состояние. Несогласно с учением Церкви выбирать восприимчиков из-за протекции или подарков. Самим восприимчикам священник должен внушать их обязанности под страхом суда Божия за нерадивое и недостойное исполнение их, объясняя, что истинные обязанности восприимчиков состоят не в материальных приношениях, а в духовном руководстве, чтобы крестники потом могли найти у своих крестных родителей опору, руководство и назидание»<sup>1</sup>.

Крещение младенца чаще всего совершалось в довольно короткий срок после его появления на свет – в пределах нескольких дней, чего настоятельно требовал закон и церковное начальство от священников. Поэтому люди, которых выбрали в восприимчики, должны были находиться поблизости. Возможно, часто именно расстояние играло решающую роль в том, кто становился крестным ребенка, вопреки планам его родителей и близких родственников. Свою роль могли сыграть иные обстоятельства, при которых кандидат в восприимчики по объективным причинам не мог присутствовать на крещении: например, по болезни или в период «очищения» для женщин.

Вне всякого сомнения, отношение к роли восприимчиков в жизни новорожденного младенца было разным, несмотря на попытки церковнослужителей внушать прихожанам всю ответственность и важность роли крестных родителей. На эту мысль наводит частота, с которой некоторые лица выступали в качестве восприимчиков. Едва ли человек, имеющий нескольких крестников (география проживания которых в будущем может перечеркнуть всякую возможность не только личного общения, но и переписки), может уделять им всем внимание, наставлять в вере, помогать решать жизненные проблемы и помогать материально, т.е. выполнять налагаемые церковью и обществом обязанности.

Выбор крестных родителей для ребенка в дворянской среде может быть рассмотрен и как один из способов расширения круга родственных связей,

---

<sup>1</sup> Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей... С. 994.

укрепления и актуализации уже существующего родства. На имеющемся материале, полученном при изучении метрических книг и свидетельств, приложенных к прошениям о внесении в родословную книгу, была сделана попытка определить основные критерии, играющие главную роль в выборе восприемников при крещении представителей тверских дворянских родов Свечиных, Кегелей и Корвин-Литвицких.

Всего было рассмотрено 69 случаев крещения младенцев за 1781–1916 гг., для которых имеются данные о восприемниках <sup>1</sup>. Лишь в 17 случаях восприемник при крещении был один. Подавляющее большинство таких случаев приходится на первую треть XIX века. Причем, только в шести случаях это касалось крещения незаконнорожденных детей. Каковы были обстоятельства, при которых младенцы оказывались лишь при одном крестном родителе, неизвестно.

Из 17 случаев, когда восприемник при крещении был один, в девяти случаях (то есть более чем в 50 % случаев) он не состоял в родстве с родителями крещаемого, в шести случаях – состоял с родителями ребенка в первой степени родства, в одном случае – во второй степени и в одном случае – приходился свойственником. В процентном соотношении случаи, когда при крещении оказывался лишь один восприемник, составляют 31 % от общего числа для рода Свечиных и 9,5 % для семей Кегелей и Корвин-Литвицких. Разницу в показателях можно объяснить тем, что, в отличие от Свечиных, Корвин-Литвицкие и Кегели остро нуждались в установлении близких связей в новом для себя обществе: в этот период оба рода обосновались в Тверской губернии, добивались включения в местное дворянское общество <sup>2</sup>.

Что же касается характера связи восприемников с родителями крещаемых, то из 52 случаев, когда у ребенка было два восприемника, в 14 – оба восприемника являлись родственниками отца или матери ребенка, в 24 – родственником выступал один из приглашенных в крестные. В 14 случаях восприемниками стали сослуживцы, соседи, священники и люди, родственная связь с которыми не обнаружена. Соотношение родственников и неродственников среди

---

<sup>1</sup> Источником сведений стали метрические книги и свидетельства: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 14372. Л. 833; Д. 14375. Л. 1491; Д. 14542. Л. 282 об.; Д. 15208. Л. 6; Д. 15225. Л. 9 об.; Д. 15226. Л. 2 об., 107; Д. 15232. Л. 107; Д. 15270. Л. 475 об.; Д. 15274. Л. 122 об.; Д. 15291. Л. 702; Д. 15293. Л. 860; Д. 15296. Л. 220 об.; Д. 15299. Л. 85 об.; Д. 15300. Л. 1215 об., 1216; Д. 15304. Л. 1095 об.; Д. 15305. Л. 1330 об.; Д. 15308. Л. 971 об.; Д. 15313. Л. 23 об.; Д. 15357. Л. 109; Д. 21015. Л. 98, 229; Д. 21040. Л. 26; Д. 21731. Л. 315 об.; Д. 35375. Л. 81 об. – 82; Оп. 15. Д. 229. Л. 267 об.; Ф. 645. Оп. 1. Д. 1392. Л. 2 – 3 об.; Д. 1772. Л. 7, 8; Д. 1774. Л. 5; Д. 1775. Л. 6, 7; Д. 1777. Л. 4, 5, 6; Д. 1778. Л. 2; Д. 1971. Л. 9, 11, 12 – 12 об., 13; Д. 1972. Л. 2 – 2 об.; Д. 1975. Л. 4 – 4 об.; Д. 1976. Л. 2 – 2 об.; Д. 1977. Л. 2; Д. 2495. Л. 4 об., 5; Д. Д. 3673. Л. 4–5, 24, 31; Д. 3677. Л. 2–3; Д. 3678. Л. 2; Д. 3679. Л. 2–3, 6–7; Д. 3680. Л. 21–22.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1775, 1777, 1971.

приглашенных в восприемники отличается у Свечиных и семей Корвин-Литвицких и Кегелей и в этих случаях: Свечины предпочитали приглашать в крестные родственников, укрепляя и актуализируя тем самым уже имеющиеся родственные связи, Кегели и Корвин-Литвицкие же использовали крещение для расширения круга близких личных связей и предпочитали приглашать в восприемники знакомых.

Среди общего числа восприемников в первой степени кровного родства по отношению к родителям младенца состояло 25 %, то есть почти четверть крестных составляли бабушки, дедушки, сестры и братья крещаемых. Половина восприемников до обряда относилась к числу знакомых, соседей, сослуживцев родителей. Однако, если для Свечиных доля неродственников среди восприемников в полтора раза больше, чем родственников (45 % и 30,5 % соответственно), то для Корвинц-Литвицких и Кегелей доля посторонних для этих семей людей значительно превышает число родственников среди крестных (14 % и 62 % соответственно).

Сведения метрических книг позволяют сделать некоторые выводы и относительно стратегии имянаречения в дворянской среде. Однако данные этого вида источников, в силу их информативной ограниченности (в метрических книгах, например, не всегда уточняется статус, чин или место службы восприемника, и почти никогда – его отношение к родителям крещаемого), необходимо анализировать вкупе с иными источниками, в частности – источниками личного происхождения, которые в некоторых случаях содержат информацию о мотивах выбора имени для ребенка<sup>1</sup>.

Из изученных метрических книг и свидетельств о крещении представителей родов Свечиных, Кегелей и Корвин-Литвицких видно, что в некоторых случаях имя ребенка совпадает с именем святого, день памяти которого приходится на день рождения или крещения. В рамках православной традиции среди Корвин-Литвицких и Кегелей названо 38 % крещаемых, среди Свечиных – 46 %, в остальных случаях выбор имени не был привязан к святым. Причем с середины XIX в. случаи наречения по православной традиции у Свечиных отсутствуют вовсе. Имена крещаемых с именами восприемников совпадают лишь в 11 из 69 случаев, для которых имеются данные о восприемниках. Сделать выводы относительно преобладания какой-либо конкретной стратегии имянаречения (по православному обычаю, в честь предка, родственника или восприемника) не представляется возможным, поскольку

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Крылова А.А.* Имянаречение в контексте генеалогической культуры русского дворянства XVIII – начала XX в. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016». [Электронный ресурс]. М., 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

нет оснований утверждать, что совпадения имен крещаемых с именами родственников или восприемников подразумевает наречение одних в честь других. Можно отметить, что небольшая доля совпадений имен крещаемых с именами восприемников объясняется тем, что приглашение в восприемники уже имело целью установить новую родственную связь или укрепить уже имеющееся родство, поэтому имянаречение использовалось как еще одна возможность актуализировать родственные связи или, например, «сделать приятное» вышестоящему начальству. Исключением являются случаи наречения младенцев именами восприемников из царствующего дома.

Исповедные ведомости, как и метрические книги, содержат данные о незаконном родстве, в том числе, и среди дворян. В этих документах достаточно часто ставилась отметка о внебрачном, незаконном родстве в тех случаях, когда это было оправдано. Именно это обстоятельство позволяет использовать метрические книги и исповедные ведомости для выявления внебрачных отпрысков и целых незаконных семей дворян. Так, например, представитель вышневолоцкой ветви рода Свечиных – Иван Кузьмич – в исповедных ведомостях до 1822 г. был записан как холостой и бездетный помещик<sup>1</sup>, однако из ведомости 1823 г. следует, что, бывший еще год назад одиноким, 54-летний дворянин внезапно обрывает семьей из жены и пятерых детей, трое из которых обозначены в документе как «незаконные»<sup>2</sup>. Старшей из них – дочери Мавре – 17 лет.

Вопрос о восприемниках является крайне важным, если речь идет о внебрачных дворянских детях. Было ли рождение таких детей тайной, которую благородные родители пытались скрыть от общества? Выявленные данные о крещении незаконнорожденных детей свидетельствуют о том, что в крестные приглашались отнюдь не крепостные или дворовые, и даже не священники, а сослуживцы или их жены и близкие родственники, старшие внебрачные дети. При крещении своего (вполне законного) потомства внебрачные дети предпочитали приглашать в восприемники своих родителей и близких родственников, пытаясь, по всей вероятности, тем самым «легализовать» свою связь с кровными родственниками.

Другим способом «легализовать» родственную связь было имянаречение. Так, например, свою дочь Андрей Кириллович Мамлянский и его жена Матрёна Михайловна (внебрачная дочь Михаила Аггеевича Свечина) назвали Александрой<sup>3</sup>. Так же была названа рожденная месяцем ранее дочь<sup>4</sup> Александра Аггеевича Свечина и его дворовой Ольги Анисимовой, которая была

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17308. Л. 790 об.; Д. 17325. Л. 185 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 17336. Л. 322 об.

<sup>3</sup> Там же. Д. 15300. Л. 1216.

<sup>4</sup> Там же. Д. 15300. Л. 1215 об.

приглашена восприемницей упомянутой дочери Мамлянских. Свою дочь Екатерина Павловна (внебрачная дочь Петра Аггевича Свечина) и Петр Михайлович Давыдов назвали Елизаветой<sup>1</sup>. Этот шаг можно рассматривать как своего рода «компенсацию» родной сестре Елизавете Павловне (второй внебрачной дочери помещика П.А. Свечина). Екатерина Павловна тремя годами ранее была приглашена в крестные сына своей сестры Елизаветы<sup>2</sup>. Таким образом, ответное приглашение в крестные было заменено наречением «в честь».

Исповедные ведомости могут рассматриваться как основной источник для исследования состава дворянской семьи и численности представителей дворянского сословия. Именно этот вид документа дает информацию о том, где, в каком составе и на протяжении какого времени проживала дворянская семья, кем друг другу приходились ее члены. Удовлетворительная сохранность исповедных ведомостей церковью Тверской губернии позволит проследить изменение состава дворянских семей и численности представителей дворянского сословия по городам и уездам губернии на протяжении 1730-х – 1860-х годов.

Уникальность заключенной в исповедных ведомостях информации позволяет рассматривать их в качестве основного источника для установления местонахождения дворянских сельских усадеб во второй трети XVIII – начале XX века. То обстоятельство, что под одним «двором» вслед за списком членов дворянской семьи шел перечень дворовых людей, убеждает в том, что и дворяне описывались подворно. Имея в виду, что чаще всего дворовые люди регистрировались в помещичьем «дворе» даже в том случае, когда сами помещики не жили в деревне, можно использовать исповедные ведомости для подсчета и определения местонахождения дворянских усадеб. В данный момент автор статьи осуществляет исследовательский проект, посвященный выявлению дворянских усадеб, располагавшихся территории Тверского уезда в 1730-е – 1860-е годы. При этом данные исповедных ведомостей сопоставляются с материалами Генерального межевания и другими источниками.

В качестве примера рассмотрим усадьбу Свечиных в селе Дубровка Новоторжского уезда. Из описи усадебного хозяйства 1848 г. известно, что в это время в селе Дубровка сосуществовали два барских дома: старый деревянный, в котором жили дворовые люди и прислуга, и построенный в конце XVIII в. каменный трехэтажный дом<sup>3</sup>. При этом в исповедных ведомостях 1780–1805 гг. священник записывал в отдельные группы («дворы»)

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15308. Л. 971 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 15357. Л. 109.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 10920. Л. 5 об. – 17.

семью вдовы Марьи Тихоновны Свечиной и ее малолетних детей и семью ее пасынка Ивана Михайловича Свечина с супругой Марьей Андреевной<sup>1</sup>. Во второй четверти XIX в. единственным хозяином всего усадебного комплекса был генерал-лейтенант Н. М. Свечин, живущий одним «двором» со своими сёстрами<sup>2</sup>, и за ненадобностью бывший помещичий дом был отведен для многочисленной дворни.

Другим примером может служить усадьба Свечиных в селе Богоявленское Тверского уезда. Благодаря сопоставлению межевых планов и исповедных ведомостей за разное время удалось выяснить, каким образом на территории села вместо одной помещицкой усадьбы появилось пять самостоятельных усадеб с разными владельцами.

Единственной ветвью тверских Свечиных, не нажившей по каким-либо причинам своей усадьбы к последней трети XVIII в., были потомки Степана Петровича Свечина. Внук Степана Петровича Аггей Логгинович женился на Наталье Никифоровне Чагиной и поселился в доме жены в усадьбе в селе Григорьево (которое после строительства в нём церкви было названо Богоявленским). Несмотря на то, что усадьба была дана Наталье Никифоровне в качестве приданого, молодая семья жила там под начальством Никифора Григорьевича Чагина<sup>3</sup>. Судьба этой усадьбы по-своему удивительна. Среди 13 выживших детей Аггея Логгиновича от брака с Натальей Чагиной унаследовать село и родовую усадьбу удалось троим сыновьям – Александру, Павлу и Михаилу. Однако в силу каких-либо обстоятельств холостые братья не захотели жить в одной усадьбе. Поэтому к началу XIX в. в селе было уже три усадьбы, в каждой из которых, судя по данным метрических книг и исповедных ведомостей, проживала своя незаконная семья<sup>4</sup>. В 1830-е годы внебрачные дочери Михаила и Павла Свечиных получили во владение часть родового имения<sup>5</sup> и обосновались в Богоявленском вместе со своими мужьями, которые, как и Аггей Логгинович когда-то, «вошли в дом жены». Молодые семьи Екатерины Павловны Давыдовой и Елизаветы Павловны Безобразовой, как и семьи Матрены Михайловны Мамлянской и Прасковьи Михайловны Змиевой, не могли ужиться в одной усадьбе, поэтому в конце 1830-х годов в Богоявленском существовало уже пять дворянских усадеб, что прослеживается не только по исповедным ведомостям, но и по межевому

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 18055. Л. 202, 203; Д. 18063. Л. 311 – 311 об.; Д. 18074. Л. 368 об., 369 об.; Д. 18090. Л. 410 об. – 411; Д. 18096. Л. 393.

<sup>2</sup> Там же. Д. 18101.

<sup>3</sup> Там же. Д. 16927. Л. 238.

<sup>4</sup> Там же. Д. 17012. Л. 180, 182 об., 184 об.

<sup>5</sup> См. подробнее: *Крылова А. А.* Как обойти закон: варианты передачи родовой собственности в России XVIII – начале XX вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». Тверь, 2013. Вып. 1. С. 63–70.

плану<sup>1</sup>. Вдова Александра Аггеевича Ольга Анисимовна (бывшая дворовая) и его законные и незаконные дети не смогли сохранить за собой усадьбу, поэтому в 1860-е годы в Богоявленском помимо потомков Свечиных появляется семейство Вейсов, купившее усадьбу вдовы Свечиной<sup>2</sup>. Несмотря на раздробленность родовой усадьбы, этой ветви рода Свечиных удалось не только сохранить локализацию родового гнезда и передать его потомкам (пусть и незаконнорожденных детей), тем самым обеспечив трансляцию родовой памяти, но и собрать на одной территории несколько близкородственных семей.

Таким образом, метрические книги и исповедные ведомости являются ценным и емким источником для изучения различных аспектов генеалогической культуры русского дворянства XVIII–XIX веков. Как показано в статье, данные о восприемниках и поручителях при венчании помогут определить круг родственных и близких личных связей дворянской семьи, стать основой для изучения института восприемничества, стратегий имянаречения в дворянской среде, выявления механизмов актуализации и укрепления родственных связей. Посемейные списки дворян с пометками о возрасте и генеалогических позициях членов семьи могут стать основой для выявления численности представителей дворянского сословия по городам и уездам, а также определения местоположения дворянских усадеб. В зависимости от поставленных задач, сведения этих источников должны дополняться и проверяться материалами судебных дел, дел по доказательству дворянского происхождения, материалами межеваний, источниками личного происхождения.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Антонов Д. Н.* Восстановление истории семей: метод, источники, анализ: дис... канд. ист. наук. М., 2000.

*Бодрова Ю. В.* Институт крестных родителей в семейных традициях провинциального чиновничества первой половины XIX в. (на материалах Тверской губернии) // Святой благоверный Великий князь Михаил Тверской: 690 лет в народной памяти. Тверь, 2009. С. 135–140.

*Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. 766 с.

*Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей: [в 2-х ч.]. М., 1993. 1772 с.

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 17054. Л. 9 – 9 об.; Ф. 852. Оп. 26. Д. 266.

<sup>2</sup> Там же. Д. 17061. Л. 1287 об.

*Крылова А. А.* Как обойти закон: варианты передачи родовой собственности в России XVIII – начале XX вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». Тверь, 2013. Вып. 1. С. 63–70.

*Крылова А. А.* Генеалогическая культура русского дворянства и внутренняя политика самодержавия в XVIII – начале XX в. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. материалов VI международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2016». М., 2016. С. 303–306.

*Крылова А. А.* Имянаречение в контексте генеалогической культуры русского дворянства XVIII – начала XX в. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016». [Электронный ресурс]. М., 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

*Материалы* церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. ст. Барнаул, 2007. 262 с.

*Маркова М. А.* Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII – первой половине XIX в. как исторический источник: метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки: дис... канд. ист. наук. СПб., 2005. 183 с.

*Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. М., 1989. С. 102–117.

*Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово.* Л., 1989. 471 с.

*Сарафанов Д. Е.* Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития Барнаула в XIX в.: дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 229 с.

*Федорец А. И.* Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40–80-х гг. XVIII в.: дис... канд. ист. наук. М., 2014. 255 с.

*Чернякова И. А.* Ревизские сказки и исповедные ведомости – сравнительный анализ содержания с точки зрения достоверности и полноты информации // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: материалы XII Всероссийской конференции. Архангельск, 19–23 июня 2001 г. Архангельск, 2001. С. 366–375.

**A. A. KRYLOVA**  
**DOCUMETS OF CHURCH REGISTRATION OF POPULATION IN**  
**THE CONTEXT OF GENEALOGIC CULTURE OF RUSSIAN NOBILITY**  
**IN XVIII–XIX CENTURIES**

Main archivist  
Tver Center for Documentation of Contemporary History

The article examines the informative value of church registers and confessional lists for using in study of different aspects of genealogic culture of Russian nobility in XVIII–XIX centuries. Through the use of material of Svechin and related families, the author demonstrates that church registers and church certificates can be used for studying institution of godparents and christening. Church registers and confessional lists can be used as main source for identifying illegitimate relationships of nobility. Moreover with using multi-method research of confessional lists, it source can be used for calculation of nobilities number and location of noble estates.

*Keywords:* source studies, journal of confessions, church documents for population registration, nobility, noble estate, genealogy.

УДК 930

У. В. СВЕТАЧЕВА

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ  
РУССКИХ МИНУСИНСКОГО КРАЯ (XVIII – НАЧАЛО XXI ВВ.):  
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

научный сотрудник  
Минусинский региональный краеведческий музей  
им. Н. М. Мартянова

Статья посвящена историографии этнографического изучения заселения территории Минусинского края русскими с XVIII до начала XXI века. Уделяется внимание общим тенденциям этнографического изучения региона. Автор отмечает слабую степень этнографического изучения русских Минусинского уезда и возрастание интереса к теме заселения края в современной историографии.

*Ключевые слова:* историография, этнография, система расселения, русские, Минусинский край.

Начиная с XVIII в. русские осваивают просторы Минусинской котловины. На протяжении XVIII – начала XX вв. здесь формировалось несколько групп русского населения, переселившихся с разных участков Сибири и Европейской России. Если на первых этапах колонизации основную массу составляли выходцы с северорусских территорий, а также казаки, то, начиная со второй половины XIX в., появляются выходцы со среднерусских и южнорусских территорий, а также украинцы и белорусы.

Анализ восточнославянского населения на уровне локальных и региональных сообществ позволяет выявить основные факторы и механизмы формирования и развития полиэтничного пространства Сибири с учётом сложной картины межкультурных взаимодействий<sup>1</sup>. В рамках данного исследования актуальными темами этнографического изучения русского населения являются: особенности первоначального заселения Минусинской котловины русскими, их дальнейшее расселение по данной территории, механизмы адаптации к новым географическим условиям, аспекты взаимоотношений с коренным населением (хакасами), локальные формы русской культуры.

Обращаясь к истории и этнографии отдельных регионов Сибири, мы, так или иначе, затрагиваем тему колонизации территории. Под колонизацией понимают заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель страны (внутренняя колонизация), а также основание поселений за её

---

<sup>1</sup> Воссоздана история отдельных переселенческих групп восточнославянского населения [электронный ресурс] // [Сайт ИАЭТ СО РАН]. URL: <http://www.archaeology.nsc.ru/ru/otdel/etnografi/etnografi14.aspx> (дата обращения 20.07.2016)

пределами (внешняя колонизация). Основные вопросы, связанные с этой темой, следующие: вошла территория в состав Российского государства добровольно или была присоединена военным путём, каковы были взаимоотношения с местным населением, преобладала вольнонародная (стихийная) или правительственная колонизация<sup>1</sup>, какие именно группы населения осваивали регион. Для этнографа, изучающего локальные аспекты традиционной культуры русского населения отдельных регионов Сибири, прежде всего, необходимо ответить на вопросы: какие группы русского населения и при каких условиях осваивали данный регион, какие изменения их традиции претерпели в новых условиях и как особенности заселения региона повлияли на его дальнейшее развитие. Этим обусловлены значимость и актуальность изучения истории заселения региона.

В данной статье нас интересует не колонизация Сибири вообще, а только история формирования в ходе этого процесса различных локальных групп русского населения.

Вопросы освоения Сибири в целом и территории Минусинской котловины в частности неоднократно становились предметом исследования. Говоря об историографии колонизации Сибири, стоит отметить статьи Н. Н. Покровского<sup>2</sup> и М. В. Шиловского<sup>3</sup>, в которых авторы рассматривают историю изучения вопросов присоединения Сибири к России и заселения её русскими, формирования сибирского крестьянства и городского населения, развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, взаимоотношений с коренными народами, общественное сознание сибиряков, распространения православия, – в исторической и этнографической литературе XVIII–XX веков. Оценка характера

---

<sup>1</sup> *Никитин Н. И.* Вольнонародная и правительственная колонизация [электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nikitin-nikolaj-ivanovich/osvoenie-sibiri-v-xvii-veke/7> (дата обращения 20.07.2016); *Павлинская Л. Р.* Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.) [электронный ресурс] // [Сайт МАЭ РАН Кунтскамера]. URL: [http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-265-4/978-5-88431-265-4\\_01.pdf](http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-265-4/978-5-88431-265-4_01.pdf) (дата обращения 20.07.2016).

<sup>2</sup> *Покровский Н. Н.* Историография Сибири. XVI – 1-я пол. XIX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 671–680.

<sup>3</sup> *Шиловский М. В.* Историография Сибири. 2-я пол. XIX – нач. XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. [электронный ресурс]. URL: [http://irkipedia.ru/content/istoriografiya\\_sibiri\\_2\\_ya\\_pol\\_xix\\_nach\\_xx\\_v\\_istoricheskaya\\_enciklopediya\\_sibiri\\_2009](http://irkipedia.ru/content/istoriografiya_sibiri_2_ya_pol_xix_nach_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009) (дата обращения 20.07.2016).

присоединений Сибири также дана в исследованиях А. С. Зуева<sup>1</sup> и Н. И. Никитина<sup>2</sup>.

Если историография процесса присоединения Сибири к России в полной мере исследована, то история этнографического изучения заселения Минусинского края русским населением предметом научных трудов не становилась. Историографические обзоры литературы, посвящённой этнографии русских Минусинского края имеются в монографиях А. А. Верника<sup>3</sup>, Е. В. Прищепы<sup>4</sup>, в которых, прежде всего, представлен анализ дореволюционной и советской литературы. Особое внимание уделено историографии народных верований русских старожилов Минусинской котловины<sup>5</sup>. Таким образом, историографический интерес представляет первоначальное заселение и дальнейшее расселение русских на юге Приенисейского края.

Первая литература об истории освоения данного региона появляется в XVIII веке. В трудах учёных, путешественников мы встречаем упоминания о населённых пунктах. В дневниках Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга перечислены посещённые ими в 1721–1722 гг. деревни и остроги, их расположение относительно географических объектов<sup>6</sup>. Г. Ф. Миллер в своих работах анализирует способы колонизации Сибири и приходит к выводу о наличии в ее истории фактов как добровольного вхождения, так и военного завоевания, при ведущей роли последнего<sup>7</sup>. В 1772–1773 гг. путешествие по Сибири совершил П. С. Паллас, который в своем описании зафиксировал местоположение русских и некоторых хакасских населённых пунктов<sup>8</sup>. Работы первых исследователей Сибири, наряду с ревизскими сказками, являются ценным источником при воссоздании картины расселения русских по югу Приенисейского края.

---

<sup>1</sup> Зуев А. С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 124–136.

<sup>2</sup> Никитин Н. И. О характере присоединения Сибири к России // Труды Института российской истории. М., 2012. Вып. 10. С. 53–70.

<sup>3</sup> Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (2 половина XIX – нач. XX в.). Красноярск, 2005. С. 13–14.

<sup>4</sup> Прищепина Е. В. Традиционные представления русских старожилов ХМК о духах-хозяевах дома, леса и о народной магии. Красноярск, 2006; *Она же*. Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. Абакан, 2011.

<sup>5</sup> Прищепина Е. В. К истории изучения народных верований чалдонов Хакасско-Минусинского края в послереволюционный период // Вестник КрасГау. Социально-экономические и гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 234–238.

<sup>6</sup> Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012.

<sup>7</sup> Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999, 2005. Т. 1.

<sup>8</sup> Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3. Кн. 1.

Описательный характер имеют публикации сибирских чиновников начала XIX в., например, председателя Енисейской казённой палаты И. С. Пестова<sup>1</sup> и первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова<sup>2</sup>. Они характеризуют административное деление региона, природно-климатические условия, развитие промышленности, занятия населения. А. П. Степанов также уделяет внимание этнографическому описанию хакасов и русских старожилов, в особенности характеристике значимых населённых пунктов и особенностям планировки поселений.

Тематика работ расширялась со второй половины XIX века. Появляются более подробные очерки, посвящённые общей характеристике традиционной бытовой культуры русских и её отдельным элементам (народному календарю, приметам, народной медицине), прежде всего, русского старожильского населения отдельных территорий Минусинского округа («Город Минусинск» и «Шушенская волость Минусинского округа» Н. А. Кострова)<sup>3</sup>.

Значимым событием второй половины XIX в. стало создание в 1877 г. Минусинского публичного музея, ставшего центром научной жизни юга Енисейской губернии. Сотрудник музея Е. К. Яковлев составил «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея», где также изложил краткую историю колонизации края, описал группы русского населения (старожилы, ссыльнопоселенцы, переселенцы), проживавшего в Минусинском уезде во второй половине XIX века<sup>4</sup>.

В последующее время темы заселения изучаемого региона касаются многие исследователи. В конце XIX – начале XX века появляются работы сторонников областнического движения А. П. Щапова и Н. М. Ядринцева<sup>5</sup>, которые рассматривали Сибирь как колонию Российской империи. Исследуя структуру русского населения в конце XIX в. Н. М. Ядринцев выделяет две основные группы, сложившиеся к этому времени: сибиряки – старожилы и переселенцы – «рассейские».

Изучение заселения Минусинского края было продолжено в работах

---

<sup>1</sup> Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. 1831.

<sup>2</sup> Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997.

<sup>3</sup> Костров Н. А. Город Минусинск // Записки Сибирского Отделения Российского Географического Общества». 1859. Кн. 2; *Он же*. Шушенская волость Минусинского округа // Записки Сибирского Отделения Российского Географического Общества. 1863. Кн. 6. С. 118–125.

<sup>4</sup> Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.

<sup>5</sup> Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.

областника А. В. Адрианова<sup>1</sup> и ссыльного марксиста В. А. Ватина<sup>2</sup>. Обоих исследователей объединяет вывод о слабой освоенности региона в этот период. Особую ценность имеет работа В. А. Ватина «Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири»<sup>3</sup>, в которой рассмотрен процесс присоединения Минусинского края к России в XVIII в по материалам архива Саянского острога, к настоящему времени не сохранившихся.

Землепользованию, хозяйственному развитию и положению отдельных групп крестьянства Приенисейского края посвящены работы члена Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства В. Ю. Григорьева<sup>4</sup>. В них он затрагивает вопросы освоения края, виды колонизации, занятия населения, быт новосёлов, в частности, сообщает об изменениях конца XIX в., вызванных притоком переселенцев из Европейской России.

В XIX в. появляются первые программы этнографического изучения Приенисейского края. Так, ссыльный польский социал-демократ Ф. Я. Кон<sup>5</sup>, занимаясь исследованием быта и культуры коренного населения Усинского края, пограничного округа в составе Енисейской губернии, выделенного из Минусинского уезда, поставил вопрос об изучении и русского населения региона и предложил следующую программу:

1. история возникновения селений;
2. статистические сведения;
3. экономическое положение;
4. занятие и промыслы;
5. административное устройство;
6. семейные отношения;
7. верования;
8. народное творчество<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 год. Томск. С. 3–61.

<sup>2</sup> *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск. 1913. С. 297–358; *Он же.* Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914; *Он же.* Город Минусинск. Ч. 1. Минусинск, 1916.

<sup>3</sup> *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск. 1913. С. 297–358.

<sup>4</sup> *Григорьев В. Ю.* Население Канского, Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии: отгиск из материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения иркутской и Енисейской губернии. Иркутск, 1893; *Он же.* Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири (Енисейский край). Т. 1. Вып. 1. Красноярск, 1904; *Он же.* Современные условия экономического развития Сибири. Отгиск из известий Красноярского подотдела ИРГО. Т. 3. Ч. 1. Красноярск, 1914.

<sup>5</sup> *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. М., 1936. Т. 2. С. 218.

<sup>6</sup> *Иванов В. Н.* Народы Сибири в трудах Ф.Я. Кона. Новосибирск, 1985. С. 41.

Интерес к традиционной культуре сибиряков проявляло и Императорское русское географическое общество (ИРГО). В 1847 – 1850-х годах появляются «Сведения, составленные Шушенским волостным правлением для общества, занимающегося исследованием народного быта, обычаев, привычек и проч.», «Сведения, составленные Тесинским волостным правлением для общества, занимающегося исследованием народного быта, обычаев, привычек и проч.», «Сведения этнографические о Новоселовской волости Минусинского округа», которые являются ответами администрации указанных волостей на вопросник ИРГО <sup>1</sup>.

К началу XX в. российской историографией был накоплен значительный материал по истории изучения процесса освоения юга Приенисейского края. К общим недостаткам работ XVIII–XIX веков можно отнести слабость методической базы, описательный характер, фрагментарное изучение традиционной культуры – рассматривались только отдельные стороны старожильческой культуры, а быт переселенцев затрагивался в меньшей степени. Система расселения русского населения, быстро менявшаяся со второй половины XIX в., не получила детального анализа в научных трудах конца XIX – начала XX века.

Новым этапом в исследовании русского населения Минусинского края стал советский период, который характеризуется особым вниманием к экономическому состоянию крестьянства Сибири. В 1928 г. выходят работы В. А. Смирнова, посвященные колонизации Приенисейского края и положению крестьянства <sup>2</sup>.

В связи с развертыванием работ по освоению природных ресурсов Сибири и недостаточной изученностью русского населения региона, во второй половине XX в. становятся актуальными исследования культуры различных групп русских Сибири, выявление её особенностей, связанных с природно-климатическими и этническими факторами. Усиливается интерес историков, этнографов и искусствоведов к данной теме и возникает потребность во всестороннем изучении Сибири. В этот период активно

---

<sup>1</sup> *Сведения*, составленные Шушенским волостным правлением для общества, занимающегося исследованием народного быта, обычаев, привычек и проч. // Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины (2 половина XIX – нач. XX в.). Красноярск, 2005. С. 171–228; *Верник А. А.* Источники по истории этнографии русского старожильческого населения юга Приенисейского края сер. XIX в. // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан, 1995. С. 161–162.

<sup>2</sup> *Смирнов В. А.* Исторический очерк Приенисейского края. Ч. 2. Учреждение Енисейской губернии. Население и колонизация в XIX веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке. Красноярск, 1928; *Смирнов В. А.* Исторический очерк Приенисейского края. Красноярск, Ч. 1: Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в XVII и XVIII веках. Красноярск, 1926.

исследуются различные сибирские регионы: Алтай, Западная Сибирь, Приангарье и Забайкалье. Уделяется внимание вопросам формирования русского населения на этих территориях, хозяйственному освоению, типам поселений, жилищу, одежде. Юг Приенисейского края оказывался за границами исследований.

Темой российского освоения Минусинского края в XVIII в. занимался Г. Ф. Быконя<sup>1</sup>. В его работе освещены вопросы начального этапа вольной и правительственной колонизации региона. Г. Ф. Быконя отмечает, что стимулом к продвижению русских к Минусинской котловине стали усиливающаяся при переложной агротехнике выпашка земель старожильческих районов и относительно высокий естественный прирост, повлёкшие за собой потребность в освоении новых земель<sup>2</sup>. Дальнейшее заселение русскими территории Минусинской котловины в XIX – начале XX вв. историком не исследовалось.

В целом, несмотря на рост интереса этнографов к традиционной культуре русского населения Сибири, которым характеризовалась вторая половина XX в., юг Приенисейского края до 1990-х годов оказался малоисследованной областью.

На современном этапе (конец XX – начало XXI века) продолжилось развитие темы освоения Минусинского края русскими. Процесс присоединения территории современной Хакасии к России исследовал В. Я. Бутанаев<sup>3</sup>. Он выделил в нём четыре этапа: начало взаимоотношений (1604–1667 гг.), военное противостояние (1667–1703 гг.), официальное признание данной территории за Россией (1703–1727 гг.) и фактическое закрепление (1727–1757 гг.)<sup>4</sup>.

На данном этапе предметом специальных исследований стала традиционная культура русского населения Сибири, в том числе Минусинского региона. А. А. Вернику принадлежит ряд статей<sup>5</sup>, и монография «Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX – нач. XX в.)»<sup>6</sup>, в которых впервые систематизируются

<sup>1</sup> Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в 18 веке. Новосибирск, 1981.

<sup>2</sup> Там же. С. 244.

<sup>3</sup> Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007.

<sup>4</sup> Бутанаев В. Я. Основные этапы вхождения Хонгорая в состав России // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной-практической конференции, 24–26 октября 2007 г., г. Абакан. Выпуск 3. Часть I. С. 193–199.

<sup>5</sup> Верник А. А. Приметы и поверья, связанные с жилищем, у русских старожилов Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы подготовки специалистов в ВУЗе: материалы III республиканских Катановских чтений. Абакан, 1996. С. 35–36; *Он же*. Источники по истории этнографии русского старожильского населения юга Приенисейского края сер. XIX. // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан, 1995. С. 161–162.

<sup>6</sup> Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (2 половина XIX – нач. XX в.). Красноярск, 2005.

сведения по исследуемой проблематике. Им были рассмотрены основные этапы и итоги заселения края, традиционные занятия, культура старожилов-русского населения. Е. В. Прищепа исследовал традиционные верования русских старожилов Минусинской котловины. Его работы предваряет очерк колонизации региона <sup>1</sup>.

Структуру населения Енисейской губернии в контексте этносоциальных и этнодемографических исследований рассматривает Н. А. Баранцева <sup>2</sup>. Она отмечает, что слабая заселенность и малая плотность населения указанного региона предопределили особенности миграционных процессов. Исследователь приходит к выводу, что наличие свободных земель и политика правительства, стремившегося решить проблему малоземелья путём организации переселений в Сибирь, привели к тому, что к началу XX в. изменилось соотношение хозяйственно-бытовых групп населения: увеличилась доля переселенцев, сократились доля старожилов и ссыльных (поселенцев), что способствовало исчезновению категории ссыльнопоселенцев как особой категории населения <sup>3</sup>.

Тесно связана с изучением заселения минусинской территории тема переселенческой политики российского правительства. Претворение её в жизнь в Минусинском уезде на рубеже XIX – XX веков – организацию крестьянских переселений и землеустройства – рассматривает И. И. Воронов <sup>4</sup>.

Системой расселения русского населения юга Приенисейского края, миграциями крестьян в XVIII – начала XIX века занимается минусинский исследователь Е. В. Леонтьев. В своих статьях <sup>5</sup> он осветил ряд важных вопросов по изучаемой теме: степень интенсивности и направленности процесса

---

<sup>1</sup> Прищепа Е. В. Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. Абакан, 2011; *Он же*. Представления о домашнем духе русских старожилов Хакасско-Минусинского края // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. 2. Сер. 3. История. Право. Абакан, 2002. С. 8–10; *Он же*. Традиционные представления русских старожилов ХМК о духах-хозяевах дома, леса и о народной магии. Красноярск, 2006.

<sup>2</sup> Баранцева Н. А. Народонаселение юга Красноярского края: демографические и социальные процессы (конец XIX – конец 80-х гг. XX в.) Автореф. докт. дисс. Кемерово, 2013.

<sup>3</sup> Баранцева Н. А. Переселения в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: этносоциальные и этнодемографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 33–39.

<sup>4</sup> Воронов И. И. Крестьянское переселение и землеустройство в Минусинском уезде на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук: [электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/krestjanskoe-pereselenie-i-zemleustrojstvo-v-minusinskom-uezde-na-rubezhe-xix-xx.html>

<sup>5</sup> Леонтьев Е. В. Старожилы и переселенцы Минусинского уезда (округа) во вт. пол. XIX – нач. XX вв. // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. 7. Минусинск, 2012. С. 138–145; *Он же*. О структуре семьи русских крестьян Сибири в XVII – пер. пол. XIX вв. // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. 6. Минусинск, 2010. С. 94–97.

расселения различных групп крестьян в середине XIX в.<sup>1</sup>, соотношение старожилов и переселенцев на территории Минусинского уезда, особенность сёлообразования во второй половине XIX – начале XX века; скорость процесса, распределение посёлков по территории с учётом ландшафтно-климатических условий, формы водворения новосёлов<sup>2</sup>. Кроме того, он одним из первых начал исследовать формирование украинского населения Минусинского края<sup>3</sup>. На основе архивных источников им подготовлены карты освоения Приенисейской территории и размещения на ней населения.

С 90-х годов XX в. и до сих пор неуклонно растёт интерес исследователей к различным аспектам традиционной культуры русского населения Минусинского края и различным аспектам его освоения края.

Начиная с XVIII в. и до современности накоплен богатый историографический материал, посвящённый освоению территории Минусинской котловины, формированию групп русского населения и его традиционной культуре. Наиболее изученной и разработанной является характер колонизации Сибири. Дальнейшее заселение и система расселения русских по региону и его областям разработана в меньшей степени.

Минусинский край, несмотря на возросший во второй половине XX в. интерес этнографов к культуре русского населения Сибири, длительное время оставался менее исследованным, чем Алтай, Западная Сибирь, Прибайкалье и Забайкалье.

Большая часть работ, посвящённых изучаемому региону, опубликована начиная с 1980-х годов. С этого времени в научной литературе детально исследуется процесс освоения Минусинского края в XVIII – начале XX века, рассматриваются основные вопросы, связанные с расселением старожильческого и переселенческого населения, их соотношением. В основе публикаций лежат, как правило, статистические источники (ревизские сказки, переписи населения и др.). Но остаются еще не изученными локальные особенности заселения и водворения переселенцев, которым посвящены материалы фондов переселенческих управлений и землеустроительных партий.

---

<sup>1</sup> Леонтьев Е. В. Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 г. // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. 6. Минусинск, 2010. С. 100–105.

<sup>2</sup> Леонтьев Е. В. Миграции и расселение крестьян Минусинского округа (уезда) в кон. XIX – нач. XX вв. // Мартъяновские чтения (2012–2013). Вып. VII. Минусинск, 2014. С. 149–152.

<sup>3</sup> Леонтьев Е. В. К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX в. // Мартъяновские чтения (2008–2009). Вып. VI. Минусинск, 2010. С. 100.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 год. Томск: Изд-во Ф.П. Романова. С. 3–61.

*Баранцева Н. А.* Народонаселение юга Красноярского края: демографические и социальные процессы (конец XIX – конец 80-х гг. XX в.) Автореф. докт. дисс. Кемерово, 2013. 51 с.

*Баранцева Н. А.* Переселения в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: этносоциальные и этнодемографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 33–40.

*Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. 296 с.

*Бутанаев В. Я.* Основные этапы вхождения Хонгорая в состав России // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научно-практической конференции, 24–26 октября 2007 г., г. Абакан. Вып. 3. Часть I. Абакан, 2007. С. 193–199.

*Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в 18 веке. Новосибирск, 1981. 347 с.

*Ватин В. А.* Город Минусинск. Ч. 1. Минусинск, 1916.

*Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.

*Ватин В. А.* Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. 179 с.

*Верник А. А.* Источники по истории этнографии русского старожильческого населения юга Приенисейского края сер. XIX. // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан, 1995. С. 161–162.

*Верник А. А.* Приметы и поверья, связанные с жилищем, у русских старожил Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы подготовки специалистов в ВУЗе: материалы III республиканских Катановских чтений. Абакан, 1996. С. 35–36.

*Верник А. А.* Традиционная культура русских старожил Хакасско-Минусинского края (2 половина XIX – нач. XX в.). Красноярск, 2005. 228 с.

*Воронов И. И.* Крестьянское переселение и землеустройство в Минусинском уезде на рубеже XIX–XX вв. [электронный ресурс]: Автореф. канд. дис. // dsLib.net – библиотека диссертаций: [сайт]: URL <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/krestjanskoe-pereselenie-i-zemleustrojstvo-v-minusinskom-uezde-na-rubezhe-xix-xx.html> (дата обращения 02.04.2016)

*Воссоздана история* отдельных переселенческих групп восточнославянского населения: [электронный ресурс] // [Сайт ИАЭТ СО РАН]. URL: <http://www.archaeology.nsc.ru/ru/otdel/etnografi/etnografi14.aspx> (дата обращения 20.07.2016)

*Григорьев В. Ю.* Население Канского, Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии: оттиск из материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Иркутск, 1893. 176 с.

*Григорьев В. Ю.* Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири (Енисейский край). Т. 1. Вып. 1. Красноярск, 1904. 106 с.

*Григорьев В. Ю.* Современные условия экономического развития Сибири. Оттиск из известий Красноярского подотдела ИРГО. Т. 3. Ч. 1. Красноярск, 1914. 19 с.

*Зув А. С.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124–136.

*Костров Н. А.* Город Минусинск // Записки Сибирского Отделения Российского Географического Общества», кн. 2, 1859.

*Костров Н. А.* Шушенская волость Минусинского округа // Записки Сибирского Отделения Российского Географического Общества, кн. VI», 1863. С. 118–125.

*Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. Т. 2. М., 1936. 520 с.

*Иванов В. Н.* Народы Сибири в трудах Ф. Я. Кона. Новосибирск, 1985. 174 с.

*Леонтьев Е. В.* К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX в. // Мартъяновские чтения (2008–2009). Вып. VI. Минусинск, 2010. С. 987–100.

*Леонтьев Е. В.* Миграции и расселение крестьян Минусинского округа (уезда) в кон. XIX – нач. XX вв. // Мартъяновские чтения (2012–2013). Вып. VII. Минусинск, 2014. С. 149–152.

*Леонтьев Е. В.* Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 г. // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. 6. Минусинск, 2010. С. 100–105.

*Леонтьев Е. В.* Старожилы и переселенцы Минусинского уезда (округа) во вт. пол. XIX – нач. XX вв. // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. 7. Минусинск, 2012. С. 138–145.

*Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012. 160 с.

*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999, 2005. 630 с.

*Никитин Н. И.* Вольнонародная и правительственная колонизация: [электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы. URL:

<http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nikitin-nikolaj-ivanovich/osvoenie-sibiri-v-xvii-veke/7>

*Никитин Н. И.* О характере присоединения Сибири к России // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 53–70.

*Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности).* Абакан, 2008. 672 с.

*Павлинская Л. Р.* Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.): [электронный ресурс] // [Сайт МАЭ РАН Кунсткамера]. URL: [http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-265-4/978-5-88431-265-4\\_01.pdf](http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-265-4/978-5-88431-265-4_01.pdf) (дата обращения 20.07.2016).

*Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Кн. 1. СПб., 1788.

*Пестов И. С.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. 1831. М., 1833. 298 с.

*Покровский Н. Н.* Историография Сибири. XVI – 1-я пол. XIX в. // Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 671–680.

*Прищепа Е. В.* К истории изучения народных верований чалдонов Хакасско-Минусинского края в послереволюционный период // Вестник КрасГуа. Социально-экономические и гуманитарные науки. № 4. Красноярск, 2015. С. 234–238.

*Прищепа Е. В.* Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. Абакан, 2011. 199 с.

*Прищепа Е. В.* Традиционные представления русских старожилов ХМК о духах-хозяевах дома, леса и о народной магии. Красноярск, 2006. 176 с.

*Сведения*, составленные Шушенским волостным правлением для общества, занимающегося исследованием народного быта, обычаев, привычек и проч. // Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины (2 половина XIX – нач. XX в.). Красноярск, 2005. С. 171–228.

*Смирнов В. А.* Исторический очерк Приенисейского края. Красноярск, Ч. 1: Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в XVII и XVIII веках. Красноярск, 1926. 24 с.

*Смирнов В. А.* Исторический очерк Приенисейского края. Ч. 2. Учреждение Енисейской губернии. Население и колонизация в XIX веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке. Красноярск, 1928. 47 с.

*Степанов А. П.* Енисейская губерния. Красноярск, 1997. 223 с.

*Шиловский М. В.* Историография Сибири. 2-я пол. XIX – нач. XX в. // Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. [электрон-

ный ресурс] URL: [http://irkipedia.ru/content/istoriografiya\\_sibiri\\_2\\_ya\\_pol\\_xix\\_nach\\_xx\\_v\\_istoricheskaya\\_enciklopediya\\_sibiri\\_2009](http://irkipedia.ru/content/istoriografiya_sibiri_2_ya_pol_xix_nach_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009) (дата обращения 20.07.2016)

*Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб, 1892. 720 с.

*Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. 357 с.

**U. V. SVETACHEVA**

**ETHNOGRAPHIC STUDY OF SETTLEMENT SYSTEM RUSSIAN  
FROM MINUSINSK TERRITORY (XVIII – BEGINNING OF XXI  
CENTURY): HISTORIOGRAPHICAL REVIEW**

Researcher  
Minusinsk regional museum of local lore. N. M. Martyanova

The article is dedicated to the historiography of the ethnographic study of settlement system Russian from Minusinsk territory from XVIII until now. Attention is paid to the general trends of the ethnographic study of the region. The author notes a small power of ethnographic study Russian Minusinsk district and increase interest in the topic of settlement system at the modern historiography.

*Keywords:* historiography, ethnography, settlement system, Russian, Minusinsk territory.

## ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 930.85(571) «1920/1929»

**С. В. ШАРАПОВ**

### ЗНАЧЕНИЕ КАМПАНИИ САМОКРИТИКИ В КОНТЕКСТЕ «ШАХТИНСКОГО ДЕЛА» 1928 Г.

старший преподаватель  
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается корреляция между пропагандистской кампанией вокруг «Шахтинского дела» и реактуализацией лозунга самокритики в апреле 1928 года. Социально-реваншистские настроения, распространенные в среде пролетариата и ставшие основой для внедрения в массовое сознание образа внутреннего врага «контрреволюционера-вредителя», получили дополнительное выражение в практике пролетарской самокритики. Партийно-государственная пропаганда нашла возможность избежать дискредитации советской системы хозяйствования (смешивания ответственных хозяйственных, профсоюзных и партийных работников с образом внутреннего врага) путем создания поля «товарищеской» критики, при которой халатность, бюрократизм, бесхозяйственность не являлись признаками «классового врага». Посредством внедрения процедур самокритики власть получила возможность контролировать и ограничивать круг лиц, которые могли подпасть под категорию «вредителей».

*Ключевые слова:* Шахтинский процесс, самокритика, «вредительство», пропаганда

Историческое изучение «Шахтинского дела» на современном этапе отмечено дифференцированным подходом к отдельным его аспектам: внешнеполитическому, организационно-процессуальному, социо-культурному<sup>1</sup>. Пропагандистское обоснование «Шахтинского дела», наряду с другими сюжетами стало объектом исследований<sup>2</sup>, однако, некоторые аспекты развернутой в

---

<sup>1</sup> *Савин А. И.* «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 85–93; *Красильников С. А.* Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2009. № 1. С. 59–66; *Он же.* Шахтинский процесс 1928 г. как феномен охранительной политики // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск. 2011. С. 60–67; *Соскин В. Л.* «Шахтинское дело» в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2009. № 1. С. 50–58.

<sup>2</sup> *Ушакова С. Н.* Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск. 2010. С. 45–50; *Она же.* Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса в фельетонах «Известий» и «Правды» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск. 2011. С. 67–76.

советской прессе кампании оставляют возможности для дополнительной проработки, которая углубила бы исторический анализ. Так, невыясненной осталась взаимосвязь пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» с кампанией самокритики, активизированной в апреле 1928 г. и проводимой параллельно процессу. В данной статье, преимущественно на основе материалов центральных советских газет и региональных информационных сводок ОГПУ о политических настроениях различных слоев населения, сделана попытка обозначить корреляцию между «Шахтинским делом» и внедрением в поле взаимоотношений между обществом и властью процедур самокритики.

Если хлебозаготовительный кризис 1927/1928 гг. привел к всплеску «чрезвычайщины» на селе (насильственные изъятия хлеба у крестьян), то «Шахтинское дело» явилось реакцией на кризисные тенденции в производственно-промышленной среде. Симптомом стал повсеместный рост забастовочных движений, фиксируемый историками с середины 1920-х годов<sup>1</sup>. Протестные настроения пролетариата были вызваны в основном производственно-экономическими проблемами (изменениями расценок труда не в пользу рабочих в ходе перезаключения колдоговоров, плохими условиями быта и труда, высокой аварийностью производства и т. д.), которые накладывались на традиционные требования уравнивать заработную плату с административно-управленческим персоналом. К весне 1928 г. количество забастовок оставалось на высоком уровне, при этом к факторам, способствовавшим обострению ситуации, прибавились перебои в снабжении хлебом и возникшие на этой почве слухи о грядущей войне<sup>2</sup>. Недовольство подкреплялось неприязнью к непролетариям на производстве, «старым» инженерно-техническим специалистам и коммунистам-хозяйственникам, которых во многих случаях отождествляли с народившейся прослойкой «новых господ», «новой буржуазии», «новых эксплуататоров». Антиинтеллигентские настроения зачастую были неразличимы с антикоммунистическими. Так, в одном из писем, поступивших в 1928 г. в редакцию газеты «Правда» рабочий бывшего завода «Вена» Рожковский писал: «Говорят у нас ремонтные рабочие – слесаря, плотники и маляры: советская власть – власть коммунистов; коммунисты – это новые дворяне. Раньше правил капиталист, теперь коммунист и спец. Нам от этого не легче. Чтобы мы этого не чувствовали, нужно всем платить одинаковое жалованье, тогда только действительно все

---

<sup>1</sup> Скитина И. В., Пастух М. П. Документы о формировании протестных настроений тюменских рабочих в годы НЭПа // Вестник ИГПИ. 2013. № 2. С. 113.

<sup>2</sup> «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 6. М., 2002. С. 213.

будут равны...»<sup>1</sup>. Распространенность подобных настроений подтверждается информационными сводками ОГПУ. Например, в обзорах политэкономического состояния Новосибирского округа за период с февраля по май 1928 г. приводились соответствующие мнения рабочих о положении на производстве: «коммунисты забюрократились», «поехали на шею у рабочего», «у власти опять стоят буржуи, которые загнали нас в землянки и не дают нам работать»<sup>2</sup>, «что-то говорят, что власть наша – рабочих и крестьян, а тут выходит наоборот – специалисты нами играют, как палками»<sup>3</sup>, «рабочие сейчас не являются хозяином производства, всем заправляют коммунисты... даже раньше рабочий лучше жил»<sup>4</sup>. Все это нередко выливалось в представление о незавершенности социальной революции и угрозы довести ее до конца: «для наших коммунистов нужно устроить еще войну, как была в 1917 году – когда лупили помещиков, да фабрикантов – а теперь нужно коммунистов...»<sup>5</sup>, «по всему видно, что без революции нам не обойтись ... перебить всю свору, а то позалезла белогвардейщина», «скоро коммунистам будет крышка, если так будет дальше»<sup>6</sup>.

«Шахтинское дело» основывалось на соответствующих социально-реваншистских настроениях рабочих Донбасса (не случайно поводом для начала следствия стали их многочисленные жалобы на инженерно-технический персонал). Потакание спецедексным настроениям пролетариата, мобилизация преданных партии активных рабочих стали подкладкой под развернутую на его основе охоту на «вредителей». Благодаря монополии партии на средства массовой информации, пропагандистская кампания, запущенная 10 марта 1928 г., за два месяца до открытия судебного процесса, дала возможность надстроить над производственно-трудовыми конфликтами идеологически выверенную конструкцию политического конфликта (борьба Советского государства с «экономической контрреволюцией»). Отдельные случаи спецедекства (жалобы в ОГПУ на инженерно-технических работников) трактовались как проявления «революционного чутья и коммунистической бдительности». Однако, созданный пропагандой образ «контрреволюционера-вредителя» не совпадал с тем образом «нового эксплуататора», о котором часто говорили рабочие и который ассоциировался с привилегированным положением инженерно-технического персонала и коммунистов-хозяйственников. Существенный разрыв между идеолого-пропагандистской

---

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1643. Л. 60.

<sup>2</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 93.

<sup>3</sup> Там же. Л. 124.

<sup>4</sup> Там же. Л. 101.

<sup>5</sup> Там же. Л. 125.

<sup>6</sup> Там же. Л. 246.

картиной и социально-реваншистскими настроениями проявлялся в том, что образ «контрреволюционера-вредителя» подразумевал отчуждение не по социальному признаку (когда бы врагом предстала вся «буржуазная» интеллигенция), а скорее по политическому (когда внутренним врагом явились лишь отдельные представители, «отщепенцы» своей социальной прослойки, якобы совершившие предательство). Существовала как взаимосвязь между интеллигентофобией и борьбой с «экономической контрреволюцией» (прослойка «буржуазной» интеллигенции выделялась в «группу риска»), так и дистанция между ними, которая позволяла задействовать механизмы регулирования, отбора и отграничения лиц, которых власть позволяла принести в жертву.

Не случайно по окончании Шахтинского процесса в среде рабочего класса было распространено разочарование «излишне мягким» приговором. Об отношении рабочих к результатам Шахтинского процесса свидетельствует такой архивный документ, как «Справка о настроениях рабочих в связи с приговором по Шахтинскому делу», подготовленная заведующим промышленным сектором информотдела ЦК ВКП(б) А. Наточным 11 июля 1928 г. для И. В. Сталина и В. М. Молотова. В документе указывалось, что «рабочие значительного числа предприятий (судя по полученным материалам) недовольны приговором, считая его чрезвычайно мягким. На этой почве были попытки организации коллективного протеста»<sup>1</sup>. Так, рабочие Балтзавода следующим образом оценили приговор: «Прокурор расстрелял обвиняемых только своей речью; когда дело дошло до приговора, то срейфили и получил пшик»<sup>2</sup>. В таком же духе высказывались рабочие ленинградского завода «Красный арсенал»: «Навредили на миллионы рублей, а их почти никого не расстреляли; нужно было человек 25 расстрелять»<sup>3</sup>. Схожая информация о настроениях рабочих была предоставлена в шифротелеграмме секретаря Шахтинского окружкома ВКП(б) Каменского о реакции профсоюзной общественности на приговор по Шахтинскому делу, направленной 10 июля 1928 г. в ЦК ВКП(б). В телеграмме указывалось, что рабочие-горняки на собраниях профсоюза в отдельных заявлениях высказали решительное недовольство приговором по Шахтинскому делу, требуя, по меньшей мере, отказа в помиловании всем присужденным к расстрелу<sup>4</sup>. Тот факт, что тональность вынесенного «шахтинцам» приговора не совпадала с требованиями рабочих, говорит о неспособности большевиков контролировать возросшую озлобленность, основанную на социально-психологических

<sup>1</sup> *Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 330. Л. 153–154.*

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. Л. 152.

стереотипах. Шахтинский процесс, проведенный в значительной мере для того, чтобы угодить рабочей массе, не устроил ее в своей развязке – рабочий на производстве отказывался воспринимать сложную схему дифференцированного отношения к «буржуазной» интеллигенции. «Одним миром мазаны» – таково было отношение рабочих, не разбиравшихся ни в юридической оценке вины каждого из подсудимых, ни в разделении общей массы интеллигенции на «врагов» и «друзей». Несомненно, такую тенденцию задавала сама пропагандистская кампания, выдававшая за судебный процесс акт публичной расправы, завершившийся непропорциональным его агрессивному тону «излишне мягким» приговором.

«Шахтинское дело» спровоцировало активизм рабочих, оставляя опасность «перегибов», не исключая нападки и на коммунистов-управленцев, поскольку их роль в производственных проблемах, списанных на «вредительство», оставалась непроявленной пропагандой. Характерно, что М.П. Томский, командированный ЦК ВКП(б) в марте 1928 г. в Донбасс для проверки работы местных организаций и знакомства с обстоятельствами дела, в переписке с К.Е. Ворошиловым дал красноречивую оценку: «Мое мнение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить»<sup>1</sup>.

Чтобы избежать опасности дискредитации советской системы хозяйствования и компенсировать избыточный активизм пролетариата были задействованы дополнительные каналы его перенаправления. Одним из таких каналов стал выплеск рабочего недовольства через процедуру самокритики. Лозунг самокритики был выдвинут И. В. Сталиным на XV партийном съезде 2–19 декабря 1927 года. Тогда, выступая с политическим отчетом ЦК, И. В. Сталин говорил о внутривнутрипартийной самокритике. Подводя итоги борьбы с «троцкистско-зиновьевской» оппозицией, И. В. Сталин противопоставлял фракционной критике, дискредитировавшей большевистский режим, партийную самокритику, которая, сохраняя внутреннее единство партии, будет способствовать исправлению ошибок и оживлению работы. Характерно, что И. В. Сталин тут же обозначил пределы самокритики: «Если дискуссия протекает в товарищеских рамках, в рамках партийных, если она ставит своей целью честную самокритику, критику партийных недостатков, если она, стало быть, улучшает наше дело и вооружает рабочий класс, то такая дискуссия нужна и полезна. Но бывает другого рода дискуссия, ставящая своей целью не улучшение нашего общего дела, а его ухудшение, не укрепление партии, а ее развенчивание. Такая дискуссия ведет обычно не к воору-

---

<sup>1</sup> Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000. С. 30.

жению пролетариата, а к его разоружению. Нам такой дискуссии не нужно»<sup>1</sup>. Данная ремарка раскрывает политический смысл самокритики – критика генерального курса партии (то есть критика «извне») приравнивалась к фракционности, тогда как в формате «товарищеской» критики могли обсуждаться только тактические и организационные вопросы партийно-государственной деятельности.

Лозунг самокритики был реактуализирован в апреле 1928 г. по итогам объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Вопрос о самокритике на пленуме вновь поднял И. В. Сталин. Задача была развернуть уже не только внутрипартийную самокритику, но и пролетарскую самокритику: «Речь идет о том, чтобы организовать в порядке самокритики и критики наших недостатков широкое общественное мнение партии, широкое общественное мнение рабочего класса, как живой и бдительный моральный контроль, к голосу которого должны внимательно прислушиваться авторитетнейшие вожди, если они хотят сохранить за собой доверие партии, доверие рабочего класса»<sup>2</sup>. Лозунг самокритики был подхвачен советскими СМИ и водружен на знамя борьбы за очищение управленческого аппарата от бюрократизма и бесхозяйственности. Самокритика преподносилась как необходимый элемент рабочей демократии<sup>3</sup> и как средство обучения рабочих управлению. Самокритика должна была «поднять политическую культуру рабочего класса, развить в нем чувства хозяина страны и облегчить обучение рабочего класса делу управления страной»<sup>4</sup>.

Ценность и своевременность лозунга самокритики заключалась в том, что сам этот термин предполагал единство субъекта и объекта критики. Таким образом, формировалось поле «товарищеской» критики, критики без отчуждения, при которой не действовали императивы поиска внутреннего врага. Происходило различение критики, основывавшейся на «революционном чутье и коммунистической бдительности» и самокритики, которая не предполагала разделения на «своих» и «чужих». Самокритика, таким образом, являлась инструментом, с помощью которого власть могла защитить широкий круг лиц, включая коммунистов управленцев, от смешивания их с «контрреволюционерами-вредителями».

Предполагалось, что производственные совещания и конференции должны были стать той площадкой, на которой деятельность администрации (хо-

---

<sup>1</sup> *XV съезд* Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. М.-Л., 1928. С. 72–73.

<sup>2</sup> *Доклад* тов. Сталина на активе московской организации о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК 13 апреля 1928 г. // *Известия*. 1928. 18 апреля. № 90. С. 3.

<sup>3</sup> *Бухарин Н. И.* Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии // *Известия*. 19 апреля. № 91. С. 3–4.

<sup>4</sup> *Советы и самокритика* // *Известия*. 1928. 15 июня. № 137. С. 1.

зайтвенников и инженерно-технического персонал) будет рассматриваться «под лупой» рабочей критики. Если в своей наивысшей форме социально-трудовые конфликты выплеснулись в осуждение группы ответственных инженеров Донбасса на Шахтинском процессе, то производственные совещания могли оказаться рутинной формой «выпуска пара» недовольства со стороны рабочих администрацией предприятий, а также каналом реагирования на запросы масс в плане улучшения производственных или бытовых условий. По существу, производственные совещания и конференции рассматривались как способ наладить прямой диалог между администрацией, контролирующими организациями и рабочей массой в формате самокритики.

Зачастую практика самокритики не соответствовала пропагандистским предписаниям. Она наталкивалась на сопротивление со стороны администрации предприятий, которое нередко выливалось в «зажим» рабочей критики. Об этом сигнализировала, например, докладная записка Сталинского окружного отдела ГПУ, составленная 30 ноября 1928 г.<sup>1</sup>, о том же можно судить и по обзору политэкономического состояния Новосибирского округа за время с 25 мая по 25 июня 1928 года<sup>2</sup>. В обзоре упоминались случаи, когда рабочие высказывали опасения, что их открытые выступления с разоблачением администрации повлекут за собой различные гонения, вплоть до увольнения, и отмечены случаи, когда подобные опасения оправдывались. Отсюда – разочарование части рабочих в идее самокритики вообще: «Что бы мы ни говорили, хотя и разрешена сейчас критика – все равно толку мало»<sup>3</sup>, «если кто мало говорит – того и выдвигают, а кто правду говорит – того бузотером считают»<sup>4</sup>. Разочарование и боязнь открытых выступлений с критикой в адрес администрации, распространенные прецеденты преследования отдельных проводников самокритики подтверждаются региональными исследованиями феномена «критики снизу»<sup>5</sup>.

Вместе с тем, имели место перегибы рабочей критики. Рабочие, дезориентированные «Шахтинским делом» и изменениями в политико-идеологическом фоне, вероятно, переоценивали степень дозволенности критических высказываний. В упоминавшейся ранее докладной записке Сталинского окружного отдела ГПУ отмечалось, что «бузотерский» элемент

---

<sup>1</sup> *Шахтинский процесс* 1928 г.; подготовка, проведение, итоги. В 2 книгах. Кн. 2. М., 2011. С. 973–975.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 245–250.

<sup>3</sup> Там же. Л. 249.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> *Тюрин А. О.* «Критики снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 55–67.

на предприятиях использовал самокритику для демагогических выступлений против советской власти в целом<sup>1</sup>. Перегибы рабочей критики стали поводом для вмешательства И. В. Сталина в ход пропагандистской кампании. И. В. Сталин выступил с уточнением партийной позиции, опубликовав на страницах «Известий» статью «Против опошления лозунга самокритики», в которой осуждались тенденции превратить самокритику в травлю хозяйственников, в их дискредитирование в глазах рабочего класса: «Это факт, что некоторые местные организации на Украине и в Центральной России подняли прямую травлю против наших лучших хозяйственников, вся вина которых состоит в том, что они не гарантированы от ошибок на все 100 процентов»<sup>2</sup>. Выступление И. В. Сталина по поводу самокритики говорит не только о том, что ход кампании отслеживался и контролировался на самом верху. В своей статье И. В. Сталин оперировал обширными материалами советской прессы, приводя в качестве примеров публикации рабкоров центральных и региональных газет, таких как «Комсомольская правда», «Власть труда», и др. Таким образом, демонстрировалось, что высшее партийное руководство знакомо со многими обстоятельствами рабочей критики и учитывает результаты деятельности корреспондентов.

Важнее то, что публикация статьи И. В. Сталина свидетельствовала о тенденциях власти регулировать самокритику. Появляется спецификация самокритики, ее разновидности: «Надо строго различать между чуждой нам антибольшевистской самокритикой и между нашей, большевистской самокритикой, имеющей своей целью насаждение партийности, упрочение советской власти, улучшение нашего строительства, укрепление наших хозяйственных кадров, вооружение рабочего класса»<sup>3</sup>. Таким образом, вслед за различением критики, основанной на «революционном чутье», и самокритики, последняя подразделялась, в свою очередь, на большевистскую и антибольшевистскую (то есть критику с целью дискредитации советской власти). Спецификация разновидностей самокритики и пропаганда «правильной» ее формы устанавливали образец социального активизма рабочих и осуждали деклассированные проявления рабочей активности.

Беспокойство И. В. Сталина было отнюдь не беспочвенным. Самокритика зачастую приводила к расшатыванию трудовой дисциплины, падению авторитета ответственных работников, неподчинению рабочих администрации. Вместо функции регулятора производства самокритика приобретала свойство инструмента преследования неугодных руководителей. При этом

---

<sup>1</sup> *Шахтинский процесс* 1928 г.; подготовка, проведение, итоги. В 2 книгах. Кн. 2. М., 2011. С. 973–975.

<sup>2</sup> *И. В. Сталин*. Против опошления лозунга самокритики // *Известия*. 1928. 26 июня. № 146. С. 1.

<sup>3</sup> Там же.

партийные и заводские комитеты принимали удобную позу, занимая исключительно критикующую позицию. Данная проблема затрагивалась при обсуждении на пленуме ЦК КП(б)У 1–5 сентября 1928 г. производственных затруднений, с которыми столкнулись крупнейшие украинские тресты «Донуголь» и «Югосталь». По словам председателя правления «Донугля» Г. И. Ломова на производстве сформировался своего рода «карательный уклон»: «Выходит так, будто бы масса хозяйственников просто не хочет, чтобы было лучше, а обязанность всех же остальных организаций только критиковать, нажимать и закатывать выговоры»<sup>1</sup>. «Карательный уклон», о котором говорил Г. И. Ломов, свидетельствовал о том, что критика зачастую не переходила в конструктивную фазу, которая приводила к оздоровлению проблемных мест, а заканчивалась вынесением многочисленных выговоров. В советской прессе не раз фиксировались извращения в проведении в жизнь вышеуказанного лозунга. Об этом писалось, например, в передовице «Правды» за 18 августа, посвященной подведению итогов развития промышленности в летние месяцы. В передовице указывалось на ненормальности проведения на практике лозунга «самокритики», «где не массы втягивались в социалистическое строительство, где критика исходила не из рабочей среды, а где она превращалась в травлю хозяйственников, в сведение подчас личных счетов»<sup>2</sup>.

Инструмент самокритики, таким образом, зачастую превращался в способ сведения личных счетов, становясь орудием, игравшим отнюдь не регулятивную роль. Он демонстрировал свою деструктивную сторону в тех случаях, когда использовался скорее для устрашения хозяйственников и инженерно-технического персонала промышленности, чем для действительного устранения производственных ненормальностей. Самокритика, позиционировавшаяся в официальной пропаганде в качестве средства от «бюрократической болезни», на практике нередко превращалась и вырождалась в конфронтационное оружие. Однако, социальный отклик, полученный от самокритики, должен был компенсировать ущерб, нанесенный производственной дисциплине. Кампания самокритики, проводившаяся одновременно с кампанией вовлечения масс в управление производством, была направлена на изменение формата социально-трудовых взаимоотношений. Пролетариат должен был ощутить себя субъектом власти, ее отправителем, а не «эксплуатируемым классом». Кампания самокритики де-юре (а в случаях отсутствия или преодоления зажима со стороны администрации и де-факто) ставила пролетариат на позицию «критикующих», а весь административно-технический

---

<sup>1</sup> *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 84.

<sup>2</sup> *Развертывание промышленности и наши задачи // Правда*. 1928. 18 августа. № 191. С. 1.

персонал под контроль рабочей критики. Посредством самокритики устанавливался канал связи между рабочими и инстанциями власти, которые делали настойчивые попытки сохранить репутацию выразителей интересов рабочего класса. При этом хозорганы оказывались между молотом и наковальней, поскольку рабочая критика привлекала внимание контролирующих инстанций (рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), временных контрольных комиссий (ВКК), инспекции труда и т.д.), которые рьяно реагировали на жалобы и претензии рабочих.

Таким образом, можно выделить несколько функций, которые выполняла развернутая в прессе кампания самокритики. Во-первых, она формировала поле «товарищеской» критики, делая невозможным радикальное политическое отчуждение ее объектов, причисления их к когорте «классовых врагов». Во-вторых, на уровне официального политического дискурса происходила искусственная дифференциация форм пролетарского активизма, различение практик изъявления рабочего недовольства. С одной стороны, поощрялось так называемое «революционное чутье», которое должно было выявлять «вредительство» на производстве, с другой стороны – самокритика, которая, как предполагалось, должна была указывать на ошибки, бесхозяйственность и бюрократизм ответственных работников. Специфика этого различения заключалась в том, что никаких критериев, которые могли бы четко разграничить «вредительство» и проявления «халатности» не было. Спецификация самокритики, выделение «антибольшевистской самокритики» отражает попытку управлять тоном производственных совещаний и рабкоровских замечаний, обозначить границы пролетарского активизма. В конечном счете, посредством пропагандистской кампании легитимизировались и поощрялись одни социальные практики и вводились на деклассированный маргинальный уровень другие, не вписывавшиеся в официальный политический дискурс. В-третьих, кампания самокритики ставила пролетариат в активную позицию влияния на производственный процесс. Напомним, что рабочие зачастую соотносили свое положение на производстве с положением «эксплуатируемого» класса. Процедуры самокритики, фактически расшатав прежнюю модель производственно-трудовой субординации (многие хозяйственники вынуждены были подстраиваться под критику рабочих), должны были продемонстрировать спайку партии и рабочего класса, дать возможность ВКП(б) выйти из репутационного кризиса. Падение производственной дисциплины стало вынужденной платой за потакание социально-реваншистским настроениям пролетариата, вылившееся в осуждение группы инженеров и техников Донбасса на Шахтинском процессе.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

*Как ломали НЭП.* Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000. 489 с.

*Красильников С. А.* Шахтинский процесс 1928 г. как феномен охранительной политики // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 60–67.

*Красильников С. А.* Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2009. № 1. С. 59–66.

*Савин А. И.* «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 85–93.

*Скипина И. В., Пастух М. П.* Документы о формировании протестных настроений тюменских рабочих в годы НЭПа // Вестник ИГПИ. 2013. № 2. С. 111–117.

*«Совершенно секретно».* Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 6. М., 2002. 795 с.

*Соскин В. Л.* «Шахтинское дело» в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2009. № 1. С. 50–58.

*Тюрин А. О.* «Критики снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университет дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 55–67.

*Ушакова С. Н.* Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск. 2010. С. 45–50.

*Ушакова С. Н.* Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса в фельетонах «Известий» и «Правды» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 67–76.

*Шахтинский процесс* 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 книгах. Кн. 2. М., 2011. 1087 с.

---

**S. V. SHARAPOV**

**SELF-CRITICISM PUBLICITY CAMPAIGN IN THE CONTEXT OF  
SHAKHTY TRIAL 1928**

Senior Lecturer  
Novosibirsk state university of economics and management

In this article author indicates correlation between publicity campaign around Shakhty trial and reactualization of self-criticism slogan in April 1928. Notions of social revenge, spread among proletarians, which became the basis of introduction of class enemy image («counterrevolutionary wrecker») to mass consciousness, got additional manifestation in practice of proletarian self-criticism. Party-state propaganda found opportunity to avoid discredit of soviet industrial management system by constructing model of «friendly» criticism, which made impossible intentions to accuse communist industrial managers in «wrecking». Slogan of self-criticism made opportunity to control struggle against «counterrevolutionary wreckers».

*Keywords:* Shakhty trial, self-criticism, «wrecking», propaganda

УДК 94(470.5)"19":791.61

Д.Н. РЯПУСОВА

**СПЛОШНАЯ КИНОФИКАЦИЯ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ  
(1940-е – НАЧАЛО 1950-х ГОДОВ)**канд. ист. наук, научный сотрудник  
Институт истории и археологии УрО РАН

В статье показан комплекс мер, направленных на обеспечение доступности кино населению одной из индустриальных областей Уральского региона. На примере Прикамья проанализирована поэтапная реализация программы развития сети киноустановок, получившая наименование сплошная кинофикация. Выявлены факторы, как способствовавшие, так и препятствовавшие достижению поставленных задач. Сделан вывод, что качественный уровень кинофикации серьезно отставал от темпов роста числа киноустановок. С точки зрения непосредственного кинопотребителя, доступность кино и качество оказываемых киноуслуг оставались низкими даже после фактического завершения основных мероприятий кинофикации.

*Ключевые слова:* культурная политика, индустриальное общество, кинофикация, киносеть, Молотовская область, Уральский регион.

Модернизационные процессы, проходившие в СССР в виде социалистических преобразований, сопровождалась трансформацией социокультурной сферы. Утверждение советского образа жизни шло параллельно с формированием «нового человека», специфической картины мира, присущей индустриально-урбанистическому обществу. Особая роль в «перекраивании» психологии социума, тотальной «переделке» человека и конструировании советского субъекта, наделенного набором «нужных» качеств и характеристик, отводилась массовым видам искусства, среди которых одно из ведущих мест принадлежало кино. Учитывая его возможности, в том числе в деле реализации государственных задач, сталинское руководство уделяло повышенное внимание не только производству кинопродукции, но и обеспечению комплекса мер по ее реализации среди многомиллионного населения.

В изданиях советского периода, затрагивающих вопросы культурного строительства СССР, акцент делался главным образом на успехах проводимых мероприятий. Более неоднозначные оценки приводились в работах, рассматривающих культурные процессы в локальном разрезе. В частности, были проанализированы трудности кинофикации отдельных территорий обширного Уральского региона<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Шишков Б. Ф., Щетинина Т. А. Деятельность партийных организаций Южного Урала по дальнейшему развитию и совершенствованию радио, кино и телевидения (1946–1965 годы) // Ученые записки ОГПИ им. В. П. Чкалова. Вып. 26. Оренбург, 1968. С. 143–151; Шифрин М. И. Вчера и сегодня Свердловского кинематографа. Свердловск, 1967.

На современном этапе проблемы развития уральской киносети подвергаются комплексному исследованию. В трудах историков подчеркивается, что сложности и противоречия советской культурной политики в полной мере отразились на ходе и содержании процесса кинофикации уральских областей и республик<sup>1</sup>.

В данном исследовании предпринимается попытка критического анализа статистических данных, приведенных в официальных документах. В частности, рассматривается текущая и отчетная документация органов кинофикации, демонстрирующая процесс трансформации киносети Молотовской области. Выбор территориальных рамок исследования продиктован спецификой тенденций социально-экономического и культурного развития Прикамья в 1930-е – 1940-е годов. С одной стороны, Пермская (Молотовская) область находилась в числе трех, определявших индустриальный облик региона. Однако, интенсивность промышленного развития и темпы урбанизации здесь были не столь высоки, как в Свердловской и Челябинской областях. Соответственно, это определяло особый размах и специфику задач культурного строительства в Прикамье, поскольку требовалось преодолеть ощутимый культурный разрыв, существовавший между городом и деревней.

Проведение сплошной кинофикации обширной территории Советского государства являлось составной частью культурной политики страны конца 1930-х – 1950-х годов. Озвученная в верхах и получившая затем развернутое истолкование формулировка «сплошная кинофикация» имела как количественное, так и качественное выражение. По сути, она предполагала значительную положительную динамику роста предприятий кинопоказа, равно как и их технической оснащенности. Ключевым критерием успешности кампании определялся высокий уровень проникновения кино в массы, его равнодоступность городскому и сельскому зрителю. Сама идея сплошной кинофикации закономерно вытекала из логики предшествующих преобразований, проводимых в деревне: по примеру сплошной коллективизации предстояло провести повсеместную кинофикацию страны.

По усредненным данным, отраженным в официальной статистике, во второй половине 1930-х годов житель села посещал кино в три раза реже, чем горожанин, что было связано со значительно более низкой «киновооруженностью» советской деревни, но отнюдь не с отсутствием интереса колхозника к «важнейшему из искусств». Внутри самих городов также существовала серьезная диспропорция, выражавшаяся в высокой концентрацией

---

<sup>1</sup> Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945). Екатеринбург, 1996; Хисамутдинова Р. Р., Алятина А. Г. Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны. Оренбург, 2011.

киноточек в центре при низкой оснащенности ими окраин<sup>1</sup>. Следовательно, требовалось преодолеть имевшуюся неравномерность распределения киноустановок с учетом фактического расселения всех категорий граждан.

Осуществление сплошной кинофикации намечалось уже третьим пятилетним планом развития народного хозяйства СССР. Накануне Великой Отечественной войны в Советском Союзе насчитывалось более 28 тыс. киноустановок общего пользования (1941 г.), которые подразделялись на государственные (находившиеся в системе Кинокомитета при СНК СССР) и профсоюзно-ведомственные (установки прочих госорганизаций, ведомств и профсоюзов). Наиболее стремительными темпами шла кинофикация территории РСФСР<sup>2</sup>.

В предвоенный период киносеть страны почти вдвое превосходила количество киноустановок США – одной из наиболее кинофицированных мировых держав. Однако по качественным показателям картина была диаметрально противоположной. Неудовлетворительное состояние кинообслуживания в СССР признавалось на государственном уровне. В официальной прессе подчеркивалось, что на душу американского населения приходилось примерно в три раза больше киномест, чем на советского кинопотребителя. Лишь около трети всех киноточек страны Советов были оснащены звуком. Соответственно, именно их число к 1943 г. должно было возрасти до 60 тыс. единиц.

По аналогии с ключевыми экономическими задачами идея широкомасштабного развития киносети государства облекалась в форму состязательной борьбы, реализовывалась под лозунгом «догнать и перегнать» наиболее передовые капиталистические страны. Тактика размещения новых киноустановок определялась характером социалистического расселения, которое связывалось «с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах»<sup>3</sup>. Иными словами, высказывания вождя мирового пролетариата В. И. Ленина относительно принципов построения нового социалистического общества были взяты на вооружение при реализации важных задач культурного строительства, что вполне соответствовало духу времени.

В начале 1941 г. киносеть Урала – крупного промышленного района страны – насчитывала 2251 единицу. Это составляло 12,9 % от общероссий-

---

<sup>1</sup> *Калистратов Ю. К. Сплошной кинофикации СССР! // Кино. 1939. 17 февраля.*

<sup>2</sup> *30 лет советской кинематографии: сб. статей. М., 1950. С. 154; Культурное строительство СССР: стат. сб. М., 1956. С. 300–302.*

<sup>3</sup> *Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 26. М., 1961. С. 74; Калистратов Ю. К. Сплошной кинофикации СССР! // Кино. 1939. 17 февраля.*

ского количества киноустановок. Тогда же на Молотовскую область приходилась 381 киноточка с платным показом фильмов<sup>1</sup>.

Война внесла значительные коррективы в план реализации задач кинофикации и привела к серьезному сокращению киносети всех регионов страны. Уральский тыл не стал исключением. Стремительно уменьшалось количество передвижных установок, что было связано с изъятием транспорта из системы кинофикации, перераспределением и перебазированием технических средств показа в места боевых действий. Так, если в 1941 г. в Молотовской области функционировало 229 кинопередвижек, то в 1942 г. их число сократилось до 188, в 1943 г. – упало до 157, к 1944 г. осталось всего 96 единиц. Только на фронт область направила 59 автокинопередвижек. Причем ввиду отсутствия финансов на протяжении пяти военных лет их количество централизованно не восполнялось<sup>2</sup>.

Вместе с тем 5 из 27 сельских райцентров области оставались абсолютно некинофицированными. Рост численности населения за счет эвакуированных значительно увеличил нагрузку на киносеть. В этой ситуации областное управление кинофикации изыскивало внутренние резервы и в течение 1943 г. намеревалось ввести в строй 33 комплекта бездействующей аппаратуры. Для оперативного руководства киносетью областного центра в ноябре 1943 г. было создано управление кинофикации при Молотовском горисполкоме<sup>3</sup>. За годы войны партийные власти приняли постановления «О состоянии кинофикации в Молотовской области», «О мерах по реализации постановления ЦК ВКП(б) о ремонте киноаппаратуры для сельской местности по Молотовской области», «О мероприятиях по улучшению кинообслуживания населения Молотовской области» и «О работе областного управления кинофикации»<sup>4</sup>.

Однако задача от управленческих решений наступала не сразу. Сказывался и дефицит кадров. С целью его преодоления с 1943 г. стали использовать бригадное обучение для подготовки киномехаников: к опытному специалисту прикреплялся ученик или группа учеников, постигавших свою будущую профессию на практике. В случае ее успешного освоения аттестационная комиссия присваивала ученику квалификацию помощника киномеханика. Количество обучаемых зависело от опыта и мастерства работников киноаппаратной. В среднем на каждый кинотеатр приходилось по два, а на

---

<sup>1</sup> Посчитано автором по: *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3310. Л. 4 – 4 об, 22–23.

<sup>2</sup> *Государственный архив Пермского края (ГАПК)*. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

<sup>3</sup> Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 111. Л. 89–95.

<sup>4</sup> Там же. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

передвижку по одному стажеру<sup>1</sup>. Ученичество позволяло быстро увеличить численность киномехаников, но по качеству обучения уступало централизованным курсам, где квалифицированные специалисты давали теоретические и практические знания, более системно и последовательно формировали умения учеников.

Так или иначе, с учетом военных реалий, в 1943 г. предполагалось подготовить для области 90 киномехаников через курсы и 216 – бригадным методом. В первый период войны идея организации централизованного обучения на территории Прикамья оставалась нереализованной. Налаживание учебного процесса было связано со значительными материальными и временными затратами. Поэтому к началу 1944 г. сохранялась серьезная проблема нехватки кадров демонстраторов. Простой киносети области по данной причине в 1943 г. составили 6172 экранодня<sup>2</sup>. Эта цифра давала 43 % всех простоев и была вдвое выше, чем временная остановка кинопоказов по техническим причинам<sup>3</sup>. В 1944 г. курсы открылись, но на проектные показатели выйти не удалось. За девять месяцев фактически было подготовлено всего 55 специалистов вместо планируемых 139 человек<sup>4</sup>.

К сокращению киносети и нехватке рабочих кадров добавился серьезный износ материально-технической базы. Отчетная документация киноорганизаций военных лет, свидетельства очевидцев, опубликованные в региональной прессе, выявляют массу примеров неустроенности кинохозяйства области. Типичным явлением городского культурного ландшафта была картина, описанная на страницах областной газеты «Звезда». От возмущенных посетителей кинодейств читатель в частности узнавал, что крыша лысьвенского кинотеатра «Пролетарий» протекала, штукатурка в зрительном зале обваливалась, подвал, где находилась кочегарка и котел отопительной системы, затопляло грунтовыми водами. В зимнее время здание не отапливалось, и его стены покрывались толстым слоем инея<sup>5</sup>. Молотовский кинотеатр «Художественный» также требовал ремонта, на его стенах появились большие черные пятна, а на полу в выбоинах стояли лужи с плавающими окурками и шелухой от семечек, часть кресел была поломана, в зрительном зале царил «вопиющая грязь»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 34.

<sup>2</sup> Экранодень – день работы киноустановки, независимо от количества сеансов и их характера (дневные, вечерние, для детей и т. д.) (См.: Планирование и статистический учет в контроле и отделениях кинопроката РСФСР. М., 1970. С. 14).

<sup>3</sup> Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 9. Д. 131. Л. 16.

<sup>4</sup> ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 39. Л. 67, 79.

<sup>5</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 357. Л. 32.

<sup>6</sup> *И это называется кинотеатром* // Звезда. 1943. 4 декабря.

За годы военного лихолетья ремонтные работы смогли провести лишь в наиболее крупных городских кинотеатрах Прикамья. Среди них: «Художественный», «Красная Звезда», «Горн», «МЮД» (Молотов), «Пролетарий» (Кудымкар), «Пролетарий» (Лысьва), «Луч» (Чусовой), «Авангард» (Березняки), «Штурм» (Усолье), «Стахановец» (Кизел), «им. Ворошилова» (Добрянка) <sup>1</sup>.

Количественный рост числа стационарных установок стал наблюдаться в области только в 1944 г., когда с января по октябрь были пущены в эксплуатацию 42 киноточки <sup>2</sup>. Главным образом это происходило за счет освобождения помещений и возврата их в систему кинофикации.

Весной 1945 г. облисполком принял специальное решение «О расширении киносети за счет приспособления зданий под государственные кинотеатры», после чего областное управление кинофикации совместно с гор(рай)исполкомами приступило к оборудованию новых стационаров в Соликамске, Губахе, пос. Половинка, с. Нердва и Карагай суммарной вместимостью 1320 мест <sup>3</sup>.

На завершающем этапе войны реорганизации подверглась система управления отраслью на местах, что стало одной из мер, направленных на нормализацию процесса кинообслуживания населения. В начале военного лихолетья были ликвидированы Суксунский, Краснокамский, Соликамский и ряд других районных отделов кинофикации. Их функции взяли на себя оставшиеся отделы, штат которых при увеличении нагрузки не менялся. В 1944 г. с целью упорядочения руководства киносетью и улучшения кинопоказа удалось разукрупнить межрайотделы и создать окружной, городские и районные отделы кинофикации <sup>4</sup>.

Штат начальников отделов пополняли главным образом выдвиженцы. Зачастую ими становились наиболее опытные киномеханики и кинотехники, имевшие «неповерхностное» представление о колхозах, совхозах и МТС, состоянии путей сообщения внутри района в зависимости от времени года, а также об условиях показа кино в каждом населенном пункте. Именно эти параметры учитывались при составлении финансово-эксплуатационного плана. К начальнику отдела поступала информация о результатах работы кинопередвижек за каждые пять дней. Половину своего рабочего времени он был обязан проводить в разъездах с киномеханиками и лично перед отправкой передвижек по новому маршруту просматривать фильмы <sup>5</sup>.

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–7; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 131. Л. 10–11; Ф. 1. Оп. 22. Д. 441. Л. 88; *Лучший кинотеатр* // Звезда. 1944. 11 февраля; Звезда. 1944. 26 февраля.

<sup>2</sup> ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 39. Л. 61, 77–78; Д. 40. Л. 261; Оп. 2. Д. 24. Л. 272 а; Д. 228. Л. 53.

<sup>3</sup> Там же. Ф. Р-564. Оп. 2. Д. 245. Л. 396.

<sup>4</sup> Там же. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 24. Л. 267; Оп. 2. Д. 88. Л. 70; Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

<sup>5</sup> Там же. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 29–30.

Еще одним мероприятием, нацеленным на стабилизацию системы кинообслуживания, стало введение в январе 1945 г. должности кустовых межрайонных технических диспетчеров, наряду с начальниками районных отделов кинофикации персонально отвечавших за состояние киноустановок и восполнение кадров киномехаников. По итогам предпринятых мер уже в феврале 1945 г. областное управление кинофикации рапортовало о существенных сдвигах в кинообслуживании села, выразившихся в сокращении простоев киносети <sup>1</sup>.

С учетом необходимости преодоления военных разрушений и потерь план четвертой пятилетки СССР предписывал «довести число киноустановок к 1950 г. до 46 700 <...>»; обеспечить каждый районный центр и поселок городского типа стационарной киноустановкой; значительно расширить стационарную киносеть в селах <...>» <sup>2</sup>. В ходе выполнения плана предполагалось кинофицировать 30 % всех сельсоветов страны <sup>3</sup>. Несмотря на то, что уже в предвоенный период в общей массе предприятий кинопоказа преобладала сельская киносеть, насчитывавшая свыше 19 тыс. киноточек, доступность кино для негородского населения страны по-прежнему оставалась низкой <sup>4</sup>. Поэтому наряду с послевоенным восстановлением кинохозяйства приоритет отдавался кинофикации деревни. Цифры, обозначенные в пятилетнем плане, легли в основу программных документов руководства киноотраслью и были учтены при определении комплекса мер по кинофикации конкретных территорий.

На Урале, где материальная база системы кинофикации пострадала от войны не столь масштабно, как это наблюдалось в западных регионах, ставилась задача «подтянуть» качество кинообслуживания села до городского уровня. Если говорить о процентном соотношении количества городских и сельских киноустановок, то на территории Прикамья наблюдалась общесюжная картина. Здесь стабильно преобладала сельская киносеть, показатель развития которой с 1943 г. не опускался ниже 68 % от суммарной численности установок. По аналогичному параметру Свердловская (39,5 %) и Челябинская (35,9 %) области оставались далеко позади. Кроме того, это процентное соотношение для Прикамья оказалось выше среднего по Уралу (53,9 %) и РСФСР (55,8 %) <sup>5</sup>. Показательно, что даже при таком раскладе в городах и

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 29–30.

<sup>2</sup> Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С. 52; Советское искусство. 1946. 18 октября.

<sup>3</sup> Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 100.

<sup>4</sup> 30 лет советской кинематографии: сб. статей. С. 154; Культурное строительство СССР: стат. сб. С. 300–302.

<sup>5</sup> Посчитано автором по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 10. Д. 119. Л. 21–22 об; Д. 138. Л. 62–67; Д. 215. Л. 8–10, 16–18; Д. 260. Л. 3–10; Оп. 30. Д. 3310. Л. 41–45.

рабочих поселках Молотовской области в новой пятилетке предполагалось ввести в строй 79 киноточек, тогда как на селе – 1300 единиц<sup>1</sup>.

Уже в феврале 1946 г. Кинокомитет выделил области 300 тыс. руб. на организацию 16-ти колхозных кинотеатров, снабдив их аппаратурой и электроустановками. Под киностационары определялись большие удобные помещения, на переоборудование которых сверх ранее намеченных сумм отпускалось 112 тысяч рублей. С этого момента активно разворачиваются работы по обустройству колхозных кинотеатров в Добрянском и Краснокамском районах, а также Куеде. В область дополнительно направляются 42 новые кинопередвижки<sup>2</sup>. В результате по итогам 1946 г. сельская киносеть Прикамья увеличилась на 89 установок, городская – лишь на 10<sup>3</sup>.

Приказом министра кинематографии РСФСР «О мерах по улучшению работы сельской киносети» на территории республики в 1947 г. предусматривалось создание 1215 колхозных кинотеатров. Предпочтение при этом отдавалось типовым проектам, рассчитанным на 120–150 мест, стоимость реализации которых не превышала 80–90 тысяч рублей. Причем строительные работы обязывались производить сами колхозы. Также указывалось на необходимость организовать значительное количество сельских стационаров в переоборудованных помещениях, оснащенных электрическим током<sup>4</sup>.

В соответствии с плановыми цифрами, по указанию Молотовского облисполкома в селах Прикамья осуществлялся ввод в эксплуатацию 152-х новых киноустановок. К поиску подходящих помещений внутри МТС, колхозов, государственных селекционных и опытных станций привлекалось областное управление сельского хозяйства. Общими усилиями под постоянно действующие колхозные кинотеатры изыскивали и приспособили 65 помещений. Кроме того, областной Совет депутатов трудящихся обязал руководство советских органов на местах отремонтировать все районные и сельские кинотеатры, обеспечив ремонт строительными материалами, транспортом и рабочей силой. На местные советы также возлагалось внутреннее обустройство, мебелировка, снабжение топливом и электроэнергией предприятий кинопоказа, предоставление гужевого транспорта для кинопередвижек. В летний период для обслуживания сельской глубинки в каждом районе создавались специальные киноагитфургоны<sup>5</sup>.

Стационарирование киносети, проводившееся путем монтажа спецоборудования с целью регулярной демонстрации фильмов, стало важным этапом в

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 43, 63.

<sup>2</sup> *Колхозные кинотеатры* // Звезда. 1946. 20 февраля.

<sup>3</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 63–64.

<sup>4</sup> ГАПК. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 3. Л. 147 – 147 об, 148 об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 74.

деле кинофикации деревни. В отличие от передвижек сельские стационары имели более четкий и стабильный график кинопоказа, обеспечивали лучшее качество кинопроекции и звуковоспроизведения. Увеличивалось время работы киноустановок, что способствовало не только повышению посещаемости кино сельским населением, но и давало возможность показывать ему больше новых фильмов. Значительно улучшились условия работы киномехаников: они освободились от необходимости установки и свертывания аппаратуры, от ее перевозки<sup>1</sup>.

И все же при очевидных преимуществах постоянных кинотеатров над передвижными установками отказываться от последних было рано. Сеть кино-стационаров крайне неравномерно покрывала обширные территории области. Меж тем сплошная кинофикация означала широкий киноохват населения сел и деревень, проникновение кино в небольшие и труднодоступные селения. Для этих целей и сохранялась передвижная киносеть. Основная ставка делалась на имевшиеся 139 авто- и 81 гужепередвижку<sup>2</sup>. Однако их техническая годность колебалась от 20 до 80 %. Для портативных звуковых киноаппаратов требовались передвижные электростанции, поскольку даже в ряде райцентров (Карагай, Нердва, пос. Серьга и др.) не было электрического тока, а электростанции некоторых районов (Оса, Чердынь, Елово) нуждались в замене<sup>3</sup>.

В то же время существовали серьезные трудности с перемещением кинопроекционной аппаратуры. Наличествующий машинный парк всей киноотрасли значительно сократился за годы войны. Поэтому в послевоенный период транспортная проблема охватила киносеть в общесоюзном масштабе. Если на 1 января 1941 г. на все передвижки страны приходилось 3,5 тыс. автомобилей, то к 1947 г. в системе кинофикации осталось лишь 657 машин<sup>4</sup>. В рассматриваемом регионе транспортная проблема имела свою специфику. В условиях Урала автокинопредвижки могли работать лишь пять – шесть месяцев в году. В остальное календарное время приходилось переходить на гужевую тягу. Себестоимость одного коне-дня при этом была очень высокой.

С утверждением Главком плана сплошной кинофикации и до середины 1947 г. в область было направлено 250 широкоплечных и узкоплечных киноаппаратов, а также 30 электростанций<sup>5</sup>. Предстояла большая работа по внедрению звукового оборудования – требовался вывод из эксплуата-

---

<sup>1</sup> Жукова М. С. Организация проката кинофильмов в СССР: дис. ... канд. экон. наук. М., 1953. С. 223.

<sup>2</sup> ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 2.

<sup>3</sup> Там же. Л. 3, 4, 5.

<sup>4</sup> Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1772. Л. 10.

<sup>5</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 45.

ции 98 изношенных передвижек для демонстрации немого кино<sup>1</sup>. Производился монтаж стационарной аппаратуры в арендованных клубах<sup>2</sup>. В последующие годы дотации из центра во многом способствовали выполнению графика кинофикации<sup>3</sup>.

На этом фоне заметно отставало развитие сети киноремонтных мастерских и пунктов, техническое оснащение которых также оставляло желать лучшего. Если по сравнению с довоенным временем к 1947 г. число киноустановок в СССР увеличилось на 20 %, то станочный парк мастерских не только не вырос, но даже сократился на четверть. В 1941 г. на один станок приходилось 26 киноустановок, в 1948 г. – уже 53. Годность самой техники колебалась от 20 до 50 %. Такая производственная база была не в состоянии своевременно и квалифицированно обслуживать киносеть. Из-за удаленности и труднодоступности ремонтников киноустановки в сельских районах эксплуатировали до полного выведения из строя<sup>4</sup>. С целью преодоления отмеченной проблемы весной 1948 г. по решению Всероссийского совещания работников кинематографии на местах приступили к созданию межрайонных киноремонтных пунктов<sup>5</sup>.

С началом реализации планов сплошной кинофикации только для обслуживания государственной киносети области требовалось подготовить 1495 механиков звукового кино, 335 мотористов и 137 шоферов. Помимо обучения на областных курсах в Березниках и Кудымкаре, людей отправляли учиться в Свердловск, Ленинград, Воронеж, Саратов, Советский<sup>6</sup>. Оттуда же по распределению поступали выпускники. Так, например, три киномеханика, окончившие школу ФЗО Воронежа в 1947 г., были направлены в Фокинский отдел кинофикации. Как молодые специалисты они состояли на учете Государственных трудовых резервов, в течение четырех лет считались мобилизованными и не могли быть уволены<sup>7</sup>.

И все же персонала не хватало. Поэтому на повестку дня встал вопрос об открытии в Молотове специального учебного заведения – комбината или школы ФЗО с ежегодным набором не менее 150 человек<sup>8</sup>. В конце 1940-х – начале 1950-х годов сохранялась и большая текучесть кадров заведующих отделами кинофикации. За 1949 г. из 57 начальников было заменено 18 чел.

---

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 41 а. Л. 519.

<sup>2</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 42–43.

<sup>3</sup> Там же. Д. 149. Л. 124; Д. 281. Л. 121.

<sup>4</sup> РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1772. Л. 9–10.

<sup>5</sup> ГАПК. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 6. Л. 60.

<sup>6</sup> ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 32. Д. 76. Л. 7, 8; Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 44–45.

<sup>7</sup> ГАПК. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 3. Л. 66.

<sup>8</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 63; Оп. 17. Д. 78. Л. 16; ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

или 32 %<sup>1</sup>. В 1951 г. доля вновь назначенных руководителей возросла до 42 %<sup>2</sup>, свидетельствуя о неблагополучии в кадровой политике.

Расширение киносети предъявляло высокие требования и к областному управлению кинофикации, а его сотрудники редко выезжали на места для оказания помощи в организации сеансов, в обмене передовым опытом, ограничиваясь техническими консультациями и содействием в ремонте аппаратуры. Не была налажена ревизия отчетов городских и районных отделов. Поскольку такая проверка проводилась формально, планово-экономический сектор управления устанавливал задания районам, исходя из принципа «всем поровну». Районные отделы в свою очередь также без учета количества населения, размеров помещений и т. п. определяли одинаковый для всех киноустановок режим работы (число рабочих дней, сеансов и суммы доходов от продажи билетов). Нивелирование закономерно порождало завышение или занижение планов. Например, Пермско-Сергинский и Чернушинский райотделы на 1951 г. получили практически одинаковое задание по валовому сбору: 31 875 и 33 960 руб., соответственно. Однако в первом районе проживало 11 800, а во втором – 28 032 чел. в возрасте от 16 лет. Соответственно, последний имел значительно большие резервы для выполнения плана<sup>3</sup>.

Спущенный на 1950 г. Коми-Пермяцкому окружному отделу эксплуатационно-финансовый план также был завышенным и нуждался в серьезном пересмотре. Практика показала, что за месяц максимальные сборы кудымкарского городского кинотеатра «Пролетарий» составляли 48 тыс. руб., а управление рассчитывало получать с него ежемесячно в среднем по 54,4 тыс. руб. (что практически на 12 % больше). В 1949 г. задание было ниже, но и его не удавалось выполнить. План валового сбора с передвижек и стационаров округа также был взят «с потолка» и рассчитан на 28 передвижек, имевшихся в окружном отделе, а не на 21 фактически действующую портативную установку. Плановики управления не учли, что в округе из-за проблем с электричеством простаивали от 5 до 10 сельских киностационаров. В докладной записке местные работники заранее предупреджали начальника областного управления кинофикации В. К. Рижанова о срыве плана получения доходов от кино<sup>4</sup>.

Невыполнение плановых показателей являлось следствием множественности причин. Попытки их преодоления, безусловно, предпринимались,

---

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 170. Л. 467.

<sup>2</sup> Пьянков П. Улучшить кинообслуживание сельского населения // Звезда. 1951. 14 декабря; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 78. Л. 14; Д. 281. Л. 128.

<sup>3</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 491. Л. 9, 39; Оп. 17. Д. 281. Л. 13, 123, 126; Оп. 18. Д. 291. Л. 38; Улучшить кинообслуживание сельского населения // Звезда. 1951. 14 декабря.

<sup>4</sup> ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 32. Д. 76. Л. 3 – 3 об.

имели разную степень интенсивности и результативности. Но в решающей мере итог проводимых мероприятий зависел от (недо)финансирования отрасли. На примере кинохозяйства Молотовской области можно заключить, что на протяжении всего исследуемого периода серьезно стояла проблема износа имевшихся фондов и недостаточного обеспечения нужд киносети. Даже в областном центре в конце 1952 г. из 11 государственных кинотеатров регулярно работали только девять<sup>1</sup>. В дореволюционных постройках, предназначенных под магазины и склады, размещались кинотеатры «Художественный», «Красная Звезда», «Комсомолец», «Победа», «Горн». В полуразрушенном здании работал кинотеатр «Луч». Летний стационар «Отдых», расположенный в городском саду им. Горького, представлял собой ветхое сооружение с таким низким потолком, что половина зрителей не видела экран. Интерьеры кинотеатров «Заря» (Верещагино), «Шахтеры» (Губаха), «Луч» (Орджоникидзевский район Молотова), «Пролетарий», «Октябрь» (Кунгур) были крайне бедными. Кресла в зрительном зале березниковского «Авангарда» эксплуатировались с 1933 г. и пришли в полную негодность<sup>2</sup>. Сельские киноустановки, особенно в арендуемых зданиях, зачастую обходились без кресел и отопления «зала». Посетители смотрели кино стоя, фильмы им показывали на «жутких» экранах<sup>3</sup>.

По причинам высокой стоимости, сложности поиска подрядчиков и освоения выделенных сумм доля капитального строительства в решении проблем кинофикации уральских городов и рабочих поселков в рассматриваемый период была незначительной. Согласно справке о кинообслуживании населения Молотовской области в 1953 г., представленной в обком партии, с 1936 по 1 августа 1953 г. в городах Прикамья не было построено ни одного государственного кинотеатра<sup>4</sup>.

В ходе проведения сплошной кинофикации материальные и организационно-технические трудности неизбежно сочетались с действием человеческого фактора. Ответственные и добросовестные киномеханики передвижек стремились точно выполнить маршрут, привезти фильмы и познакомить с их содержанием как можно больше зрителей, несмотря на все существующие препятствия. В этом смысле показателен пример Евгения Николаевича Маланина, механика одной из кинопередвижек Кунгурского района Молотовской области. Весной 1949 г. за постоянное перевыполнение плана по об-

---

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–6, 8, 43.

<sup>2</sup> ГАПК. Ф. Р-1009. Оп. 1. Д. 22. Л. 66, 73; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 163. Л.12–14; 42–44, 47; Оп. 20. Д. 324. Л. 27.

<sup>3</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 281. Л. 73–74.

<sup>4</sup> ГАПК. Ф. Р-1564. Оп. 1. Д. 156. Л. 169, 187; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 324. Л. 26–27.

служиванию населения ему была объявлена благодарность Министерства кинематографии РСФСР<sup>1</sup>.

Вместе с тем анализ региональной и местной прессы послевоенных лет позволяет утверждать, что при регулярном появлении заметок и статей, содержащих мнения зрителей о доступности кино и качестве демонстрации фильмов, слова благодарности и восторженные отзывы после кинозрелищ звучали от посетителей нечасто. В частности, материалы периодической печати демонстрируют заметное расхождение между тем, что ожидал сельский зритель от «живых картинок», и что получалось по итогам «рутинной» работы большинства киномехаников<sup>2</sup>.

Характерный случай зрительских «киноиспытаний», которые выпадали на долю сельчан, приводит Я. Воробьев, отмечая, что «не удастся карагайцам посмотреть ни одного фильма без каких-либо фокусов механика». Так, во время показа картины «Сын полка» школьников ждало полное разочарование. «С первых же кадров на экране двигались только мутные силуэты, издававшие то хрип, то свист. Иногда исчезало и это, и ребята сидели в полной темноте. Трюкач-механик устраивал сюрприз за сюрпризом: он вместо второй пускал третью часть, иногда картина шла вверх ногами...»<sup>3</sup>.

В качестве оправдания демонстраторов фильмов следует опять-таки упомянуть о типичном недостатке всей отечественной киносети 1940-х – 1950-х годов и указать на ее неудовлетворительное техническое оснащение. Слабая проекция, прерывистость звуковой подачи, частые разрывы ленты, длительное отсутствие электроэнергии, поломка аппаратуры и т. п. приводили к тому, что двухчасовой сеанс мог растянуться на пять – шесть часов, а в отдельных случаях переносился на другой день. Учитывая, что показ фильма нередко начинался в полночь, сельчане вынуждено покидали зрительный зал и отправлялись выполнять неотложные хозяйственные работы, так и не дождавшись развязки. Как подмечали сами зрители, претерпевавшие «ненормальности в работе сельских киномехаников», для них это был в буквальном смысле слова «рекорд терпеливости»<sup>4</sup>.

Общезвестной для сельской киносети являлась проблема нарушения маршрутов киномеханиками. Однако и она далеко не всегда была результатом проявления простой халатности или безответственности в работе. По сути, сами демонстраторы становились заложниками сложившейся ситуа-

---

<sup>1</sup> Улучшить кинообслуживание сельского населения // Звезда. 1951. 14 декабря.

<sup>2</sup> См. об этом подробнее: *Ряусова Д. Н.* Образ сельского киномеханика на страницах уральской периодики послевоенных лет // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2014. С. 205–213.

<sup>3</sup> *Воробьев Я.* Карагайские кинофокусники // Звезда. 1947. 18 февраля.

<sup>4</sup> Так называемое кинообслуживание // Звезда. 1948. 23 октября; Улучшить кинообслуживание // Звезда. 1950. 29 августа; и др.

ции. Стремясь повысить сборы от кинопоказа, диктуемые сверху, они нередко объезжали небольшие населенные пункты, в которых ожидалась мелкая выручка. Вследствие этого у многих сельчан возможность просмотра фильмов появлялась лишь несколько раз в год или же вообще отсутствовала, тогда как в отдельных сельсоветах и даже деревнях скапливалось одновременно по несколько передвижек. В этой связи со страниц газет звучало вполне справедливое недовольство тем, что киномеханики по своему усмотрению едут «когда хотят и куда хотят»<sup>1</sup>.

В конечном итоге, достаточно непросто дать однозначный ответ на вопрос: в какой мере именно личностный фактор влиял на качество оказываемых «киноуслуг». Но представляется, что он играл не последнюю роль. Существовавшая система кинообслуживания была единой по всей стране, однако, «встраивались» в нее киномеханики по-разному. Примеры «передовиков» тех лет свидетельствуют о весьма высоких показателях производственной деятельности, о фактах получения признания со стороны кинозрителей и руководства отрасли. В противовес тому имеется немало случаев крайнего недовольства и неудовлетворенности сельчан от кинопосещений.

В заключении следует подчеркнуть, что проведение сплошной кинофикации во многом носило признаки политико-идеологической кампании, с помощью которых в СССР нередко решали важнейшие проблемы в идеологической и культурной областях. Несмотря на издержки кампанейщины, происходил неуклонный рост числа предприятий кинопоказа. С конца 1945 по конец 1953 г. количество киноустановок общего экрана в области увеличилось более чем в три раза. Одним из качественных результатов мероприятий стала полная ликвидация немых киноустановок, причем на Урале и в Прикамье, в частности, она была завершена несколько раньше (к концу 1949 г.), чем в целом по стране (1951 г.)<sup>2</sup>.

Вопреки увлечению валовыми показателями и имевшимся в сфере кинофикации диспропорциям, кино прочно входило в повседневную жизнь населения области. Начальник Молотовского отдела кинофикации П. С. Иноземцев указывал, что по состоянию на конец августа 1953 г. из 6596 населенных пунктов области кинообслуживание было налажено в 3219, то есть фактически в половине. Еще 2950 деревень, имевшие от одного до 14 дворов, находились не далее трех километров от пунктов кинопоказа, и их жители, таким образом, также располагали возможностью смотреть фильмы. И только 427 селений с количеством дворов от 15 и выше из-за отсутствия подходящих помещений оказались не охвачены кинопоказом<sup>3</sup>. С такими

<sup>1</sup> *Кино* – важное средство воспитания трудящихся // Звезда. 1951. 2 ноября.

<sup>2</sup> Посчитано автором по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3310. Л. 21–26.

<sup>3</sup> ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 307. Л. 32, 35.

показателями можно было если не рапортовать об успехах, то считать, что сплошная кинофикация в общем и целом в масштабах области завершена. Однако, вопрос об обеспечении доступности кино населению Прикамья выглядел решенным лишь с формальной точки зрения. В действительности же картина была заметно менее идилличной, равно как и ситуация с качеством оказываемых киноуслуг. По сути, весь комплекс мероприятий, проведенных в рассматриваемый период, стал фундаментом в основании социально ориентированной системы кинообслуживания населения, формирование и совершенствование которой продолжалось еще долгие годы.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*30 лет советской кинематографии*: сб. статей / под общ. ред. Д. Еремина. М., 1950. 412 с.

*Жукова М. С.* Организация проката кинофильмов в СССР: дис. ... канд. экон. наук. М., 1953. 391 с.

*Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.* М., 1946. 96 с.

*Культурное строительство СССР*: стат. сб. М., 1956. 332 с.

*Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 26. М., 1961. 590 с.

*Народицкий М. Д.* Организация проката кинофильмов в СССР. М., 1947. 128 с.

*Планирование и статистический учет в конторах и отделениях кинопроката РСФСР.* М., 1970. 175 с.

*Ряпусова Д. Н.* Образ сельского кинемеханика на страницах уральской периодики послевоенных лет // *Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение* : сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург, 2014. 292 с. С. 205–213.

*Советская кинематография*: систематизированный сб. законодательных постановлений, ведомственных приказов и инструкций / сост. А.Е. Коссовский. М., 1940. 417 с.

*Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945). Екатеринбург, 1996. 350 с.

*Хисамутдинова Р. Р., Алятина А. Г.* Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны. Оренбург, 2011. 300 с.

*Шифрин М. И.* Вчера и сегодня Свердловского кинематографа. Свердловск, 1967. 48 с.

*Шишков Б. Ф., Щетинина Т. А.* Деятельность партийных организаций Южного Урала по дальнейшему развитию и совершенствованию радио, кино

---

и телевидения (1946–1965 годы) // Ученые записки ОГПИ им. В.П. Чкалова. Вып. 26. Оренбург, 1968. С. 143–151.

**D. N. RYAPUSOVA**

PhD in in Historical Sciences, Research Fellow  
Institute of History and Archaeology Ural Branch of Russian Academy of Sciences

**THE COMPLETE CINEMAFICATION OF MOLOTOV PROVINCE**

The paper investigates complex of measures, which should to rise availability of movies for population in one of industrial provinces in the Urals. Using example of Kama region, the paper analyzes phased implementation of the program aimed at development of the network of film projectors. The program was called the complete cinemafication. The paper shows factors that both promote and hinder achievement of the aim. The paper concludes that the quality of cinemafication was seriously behind the growth rate of number of film projectors. From the point of view of direct consumer, availability of cinema theaters and quality of service remained low even after the major activities of cinemafication were completed de-facto.

*Keywords:* cultural politics, industrial society, cinemafication, Molotov province, the Urals.

УДК 94(470-25) “1943/1954”

**А. С. ПОПЫТАЕВ**

**ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ  
СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИЦ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЬНОГО  
ОБУЧЕНИЯ (1943–1954 ГГ.)**

магистрант

Национально-исследовательский Университет Высшая школа экономики

Данная статья посвящена проблемам воспитания в советских женских школах в 1943–1954 годах. Автор, с опорой на материалы интервью, полученные из уст бывших учениц отдельных школ, пытается рассмотреть некоторые практики привития новых дисциплинарных норм в советских школах, а также как в среде учениц через специфическое восприятие и оценку этих практик формировалось ценностное отношение к тем или иным сферам поведения, которые советское государство пыталось регулировать с помощью «Правил учащихся». Автор доказывает, что дисциплинарные нормы, прививаемые ученицам, нередко оценивались коллективом школьниц либо нейтрально, либо негативно.

*Ключевые слова:* гендерное воспитание, школа, проблемы образования, образовательная политика, СССР

Для советской школьной образовательной политики 1943 год оказался во многом переломным. Изменение подхода к воспитанию детей выразилось во введении «Правил для учащихся»<sup>1</sup>, регулирующих поведение учеников, и отдельного обучения для мальчиков и девочек. Данная реформа в сфере среднего общего образования означала существенное отступление от норм организации учебно-воспитательного процесса, существовавших в СССР в 1920-е – 1930-е годы. В первые постреволюционные десятилетия советское государство намеренно отказалось от отдельного обучения, как практики дискриминирующей девочек по гендерному признаку. Взамен школ, разделявших учеников по этому признаку, в 1918 г. были созданы единые трудовые школы с общей программой. Дореволюционные дисциплинарные правила учащихся также были отвергнуты как пережиток старой буржуазной системы образования. Разрыв с этой традицией, существовавшей до 1917 г., нашел наиболее яркое отражение в позиции первого советского наркома просвещения А. В. Луначарского «Умейте занять детей – вот единственное правило школьной дисциплины»<sup>2</sup>. Однако с начала 1930-х годов в советской школьной политике начался обратный разворот в сторону постепенной леги-

<sup>1</sup> Прим. введено постановлением СНК РСФСР от 2 августа 1943 г.

<sup>2</sup> Луначарский А. В. Основные принципы единой трудовой школы: От Государственной комиссии по просвещению. 16 октября 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. С. 143.

тимации идей нормативного регулирования поведения и раздельного обучения учащихся, который завершился в 1943 г. установлением «Правил» на всесоюзном уровне.

Данное исследование сфокусировано вокруг проблемы восприятия советскими школьниками в 1943–1954 гг. тех образовательных и воспитательных практик, посредством которых до них доносились новые дисциплинарные нормы, что были отражены в «Правилах учащихся». Говоря о хронологических и географических рамках исследования, во-первых, необходимо отметить, что разные регионы СССР находились в не единообразной культурной среде, помимо этого раздельное обучение вводилось не повсеместно, поэтому в рамках данного исследования вписывать образовательные учреждения, например, Таджикской и Литовской ССР в общий контекст советских школ, было бы не вполне корректно. Исходя из этого соображения в формате данной статьи было решено сфокусироваться на одном регионе, в нашем случае на Москве. Выбор нижней границы установленных хронологических рамок обусловлен тем, что в 1943 г. были изданы «Правила учащихся», а также именно тогда началось внедрение раздельных школ. В 1954 г. в СССР в оборот вошел новый проект «Правил учащихся», помимо этого тогда же было отменено раздельное обучения.

В современной историографии не существует работ, посвященных непосредственно теме нашего исследования. Однако мы можем обозначить некоторые труды, так или иначе затрагивающие определенные аспекты обозначенной проблемной области. Статья К. А. Маслинского<sup>1</sup> по большей части посвящена разбору советских школьных правил поведения в контексте непрерывной школьной традиции, в том числе и за интересующий нас период.

Е. Томас Юинг<sup>2</sup> в своем труде демонстрирует отношение советских законодателей к введению раздельного обучения, как к воспитательной практике. Данной позиции так же придерживается Г. Д. Гончарова<sup>3</sup>, хотя ее работа по большей части посвящена отражению феномена раздельного образования в советском кинематографе и литературе. Статья К. Келли<sup>4</sup> посвя-

---

<sup>1</sup> Маслинский К. А. «Правила поведения в советской школе. Часть 1: Слово государства в устах учителя» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015 г. № 1 (36). С. 56–72.

<sup>2</sup> Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011.

<sup>3</sup> Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М., 2013. URL: [https://www.hse.ru/data/2013/12/20/1338786186/WP20\\_2013\\_07.pdf](https://www.hse.ru/data/2013/12/20/1338786186/WP20_2013_07.pdf) (дата обращения: 27.05.16)

<sup>4</sup> Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда // НЛЮ. № 60.2003. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения 03.06.16)

щена проблеме отражения эволюции идеологии на формировании воспитательных ориентиров для советских детей.

В своем труде Г. Макаревич<sup>1</sup> рассуждает в контексте проблемы исключения сферы сексуальности из повседневности советских школьников. Исследовательница приводит отредактированные стихотворения российских поэтов XIX в., включенные в учебники по чтению и литературе, в которых были удалены фрагменты текста, имеющие романтический оттенок. Таким образом, содержание текста, после проверки цензоров, полностью менялось.

Целью данного исследования является попытка проследить, каким образом ученицы могли воспринимать практики, которые применялись в школах учителями и администрацией для реализации установленных дисциплинарных норм, отраженных в «Правилах учащихся» и как через специфическое восприятие и оценку этих не редко стихийно складывавшихся практик формировалось ценностное отношение школьниц к тем или иным сферам поведения, которые советское государство пыталось регулировать с помощью правил.

Методологическую часть данного исследования можно разделить на две части. К первой следует отнести теоретическую модель К. А. Маслинского, отраженную в его статье<sup>2</sup>, посредством которой будет произведена разбивка дисциплинарных норм на сферы поведения. Ко второй, чтобы рассмотреть отношение школьниц к тем или иным практикам, обратимся к методам устной истории, а именно к интервьюированию. Сразу следует сказать несколько слов, касательно репрезентативности данных, полученных посредством опроса респонденток. По нашему мнению, к данным, полученным из интервью, следует относиться в первую очередь, как к воспоминаниям, и настаивать на том, что они отражают объективную действительность мы не будем. Для данного исследования важно не столько событие, сколько отношение к событию респондента, что в свою очередь лучше позволит понять контекст эпохи, те условия, благодаря которым интервьюированный мыслит подобным образом.

Ввиду того, что в работе не задействуется достаточное количество данных для каких-либо широких обобщений, мы настаиваем на качественном характере исследования. Говорить о том, что все советские или все московские школьницы относились к педагогическим практикам подобным образом у нас нет оснований, однако у нас будут основания утверждать, что слу-

---

<sup>1</sup> Макаревич Г. Азбука пола в эпоху «развитого социализма»: чему (не) учили советские книги для чтения? // Газета «Первое сентября» «Библиотека в школе». 2010. № 3. URL: [http://lib.1september.ru/view\\_article.php?id=201000417](http://lib.1september.ru/view_article.php?id=201000417) (дата обращения: 12.06.16)

<sup>2</sup> Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Часть 2: Слово государства в устах учителя // Вестник ПСГТУ. Серия 4: психология, педагогика. 2015. № 2(37). С. 45.

чаи, отображенные в данной подборке интервью, имели место, не исключая и другие варианты.

Дискуссии, развернувшуюся вокруг необходимости создания свода правил учащихся накануне Великой Отечественной войны, наиболее ярко показал Е. Томас Юинг<sup>1</sup>. Она началась с письма, написанного в 1938 г. «неизвестным учителем», которое было адресовано лично Сталину. В письме были подняты проблемы отсутствия дисциплины и уважения к педагогам со стороны школьников, а также неэффективных учебных планов<sup>2</sup>. По мнению автора письма, подход к организации учебно-воспитательного процесса, озвученный Луначарским, себя полностью не оправдал, поскольку без дисциплинарной муштры многие учащиеся нарушали правила поведения в школе, что негативно отражалось на их учебе. В интерпретации Юинга данное письмо свидетельствовало об отсутствии иерархии в отношениях между учителем и учеником, что способствовало возникновению проблем дисциплинарного характера. Его автор видел решение назревшего вопроса в разработке четких учебных планов, и восстановлении жесткой школьной дисциплины. По Юингу, школьное воспитание направлено на «физическое развитие, выработку мировоззрения, формирование характера, обучение навыкам общественного поведения, приобщение к знаниям и труду»<sup>3</sup>. В конце 1930-х годов в СССР воспитательные практики были нацелены также внедрение в сознание подрастающего поколения господствовавших идеологических установок, включая культ личности вождей, ненависть к «врагам народа» и т.д.<sup>4</sup>. В целом поддерживаемая нами интерпретация Юинга дает достаточно объективное представление о проблемной ситуации, сложившейся в советской школе к началу Великой Отечественной войны.

В 1930-е – 1940-е годы советское правительство проводило в сфере образования курс ВКП(б) на реализацию программы «Культурной революции», подразумевавшей «отступление от расчета на дальнюю перспективу в сфере общего образования переход к быстрому обучению в соответствии с потребностями промышленной политики и техническими потребностями...»<sup>5</sup>. После «Шахтинского дела» в 1928 г. отношение к дореволюционным техническим специалистам изменилось в негативную сторону и как следствие встал вопрос об их замене новыми специалистами. Поскольку уровень подготовки специалистов напрямую зависел от качества образования, вопрос о дисциплине

<sup>1</sup> Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011.

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2405. Л. 11–13.

<sup>3</sup> Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. С. 191.

<sup>4</sup> Каменев А. А. О Коммунистическом воспитании детей // Педагогический журнал Сталинградского края. № 3. 1935. С. 13–20.

<sup>5</sup> Плаггенборг Ш. Революция и культура. Спб., 2000. С. 30.

лине в учебных заведениях различного типа приобрел принципиальное значение. Нерешенность данной проблемы в довоенный период являлась основной причиной введения «Правил для учащихся» в советской школе в 1943 году. В данном случае одной из учебно-воспитательных практик, направленных на ее решение, стало раздельное обучение мальчиков и девочек в старших классах.

Первоначально от разделения учащихся по половому признаку в РСФСР отказались, как от рудиментарного элемента старого, буржуазного порядка, дискриминировавшего женщин. Учебные программы в мужских и женских дореволюционных школах существенно различались и поэтому у новой власти были основания считать их существование свидетельством гендерной дискриминации. Кроме того, не в каждом населенном пункте существовали возможности для параллельной организации мужских и женских школ. В условиях становления советского государства эти причины оказались основополагающими для принятия решения об отмене раздельного школьного обучения.

Однако в начале 1940-х годов в контексте проблем с дисциплиной школьников, вопрос о таком обучении снова стал актуальным. К созданию отдельных мужских и женских школ планировалось приступить уже в этом же году<sup>1</sup>. Однако данная инициатива не была реализована из-за начала Великой Отечественной войны. Возможность вернуться к ее осуществлению появилась лишь через два года, когда в ходе боевых действий на советско-германском фронте наступил коренной перелом в пользу СССР. 16 июля 1943 г. Совет народных комиссаров СССР принял Постановление «О введении раздельного обучения у мальчиков и девочек в 1943–1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов...»<sup>2</sup>. В этом документе отмечалось, что «... совместное обучение мальчиков и девочек в средней школе создает некоторые затруднения в учебно-воспитательной работе с учащимися, что при совместном обучении не могут быть должным образом приняты во внимание особенности физического развития мальчиков и девочек, подготовки тех и других к труду, практической деятельности, военному делу и не обеспечивается требуемая дисциплина учащихся»<sup>3</sup>. Из текста постановления следует, что одной из причин введения раздельного обучения являлась необходимость укрепления дисциплинарного порядка в школе.

---

<sup>1</sup> Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.3. Оп. 33. Д. 19-Б/1-Г/4. Л. 110.

<sup>2</sup> Там же. Л. 154.

<sup>3</sup> Там же. Л. 154–155.

Из названия документа следовало, что раздельная учеба вводилась не повсеместно, а только в ряде крупных городов СССР. Данное обстоятельство обуславливалось, главным образом, экономическими проблемами, стоявшими на пути многих инициатив советского руководства. Зданий и квалифицированных педагогических кадров катастрофически не хватало, из-за чего организация отдельного обучения мальчиков и девочек в селах и большинстве городских поселений была весьма сложным делом. Несмотря на то, что соответствующие мероприятия проводились далеко не везде возникло множество трудностей организационного характера. В частности, имели место проблемы, связанные с введением трехсменного режима работы школьных учреждений.

В целом феномен раздельного обучения был логично включен в общий контекст советских школьных преобразований 1930-х – первой половины 1940-х годов, одной из задач которых являлось повышение уровня дисциплины учащихся. С учетом этого контекста в данном исследовании, с одной стороны, реконструированы предпосылки возникновения дисциплинарных норм, отраженных в «Правилах учащихся, с другой стороны, показано, насколько их можно соотнести с жизненным опытом семи опрошенных респондентов.

Как отмечал Р. Бустром, «для анализа сферы школьного контроля не так важно, что именно предписывают правила в той или иной ситуации, как тот факт, что поведение в этой ситуации в принципе регламентируется правилом»<sup>1</sup>. Следует отметить, что каждая из зон повседневности, обозначенная в «Правилах для учащихся» 1943 г., может быть описана посредством определенной типологии, введенной в научный оборот К. А. Маслинским. В ее рамках «Правила» классифицированы в соответствии с принципом принадлежности определенного объекта дисциплинарного контроля к одной из четырех сфер поведения:

«1. Ситуативная – регуляция поведения, привязанная к определенной типовой ситуации (вход в школу, ответ у доски и т.п.), либо полный запрет отдельных форм поведения – таких как курение или азартные игры.

2. Телесная – в отдельную категорию имеет смысл выделить предписания, непосредственно затрагивающие личное пространство: позу, костюм, чистоту тела. К этой категории относятся все утверждения о том, как следует выглядеть.

3. Коммуникативная – правила, охватывающие ситуации взаимодействия со взрослыми и другими школьниками: встреча, просьба и т.п. К этой кате-

---

<sup>1</sup> *Boostrom R. The nature and functions of classroom rules // Curriculum inquiry. 1991. Vol. 21. № 2. P. 193–216.*

гории следует отнести и всю регламентацию речевой сферы: речевой этикет и запрет грубой лексики и прозвищ.

4. Предметная – регуляция поведения, затрагивающего предметную сферу: требования определенного порядка на рабочем месте, правила обращения со школьными принадлежностями и имуществом и т.п.»<sup>1</sup>.

Данная типология позволяет выделить сферы контроля, на основе которых советское партийно-государственное руководство сконструировало «образ идеальной школьницы». Кроме того, она дает возможность соотнести основные положения «Правил» с обозначенными выше сферами поведения учащихся (см. табл. 1). Стоит отметить, что некоторые зоны повседневности, подпадавшие под действие этого нормативного акта, одновременно относились сразу к нескольким сферам правового регулирования. Этот важный момент будет учтен в дальнейшем при анализе отдельных аспектов школьной дисциплины, установленной законодательным путем.

Табл. 1

### Правила учащихся

Сферы поведения	Пункты правил
<i>Ситуативные</i>	1. Аккуратно посещать школу, не пропускать уроков без уважительных причин и являться на занятия без опоздания. 3. Входить в класс немедленно после звонка, занимать свое место и готовить все необходимое для урока. При опоздании на урок учащийся может занять свое место в классе только с разрешения учителя, ведущего урок. 4. Вставать при входе в класс учителя или старших и при выходе их из класса; отвечать только по вызову учителя; при ответе вставать; садиться на место с разрешения учителя; при ответе вставать; садиться на место с разрешения учителя. Если учащийся желает ответить на вопрос учителя или сам задать ему вопрос, он должен поднять руку. 5. Внимательно слушать на уроке вопросы и объяснения учителя и ответы товарищей; старательно выполнять что требует учитель. 6. Соблюдать на уроках строгий порядок и дисциплину, не допускать подсказывания и списывания чужих работ, так как это является обманом учителя и недостойно чести советского школьника. 7. Добросовестно, аккуратно и своевременно выполнять все домашнее задание. 9. Не курить и бороться с курением товарищей. 10. Вести решительную борьбу со всякими проявлениями не дисциплинированности, распущенности, хулиганства и другими антиобщественными поступками учащихся в школе и вне школы. 15. Пребывание на улице, в кино, театрах, клубах и других внешкольных учреждениях разрешается: Учащимся: I,II,III классов – до 20 часов

<sup>1</sup> Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе Часть 2: слово государства в устах учителя // Вестник ПСГТУ. Серия 4: психология, педагогика. 2015. № 2(37). С. 45.

	IV–V – до 21 часа VI, VII, VIII классов – до 22 часов IX–X – до 24 часов... 16. Всегда иметь при себе ученический билет, бережно его хранить и предъявлять по требованию учителей и работников отделов народного образования.
<i>Телесные</i>	2. Приходить в школу чистым и опрятно одетым, имея при себе необходимые учебники, письменные принадлежности и дневник. 13. На улице и во всех общественных местах быть опрятно одетым, соблюдать установленный порядок и правила уличного движения.
<i>Коммуникативные</i>	8. Быть вежливым с учителями, родителями, товарищами и старшими. Обращаться к старшим на «вы». Не употреблять в разговоре грубых слов. Быть внимательным и предупредительным к больным, слабым, старикам и маленьким детям, уступать им дорогу, место в трамваях и поездах и оказывать им в необходимых случаях возможную помощь. 11. Беспрекословно выполнять указания и распоряжения директора, учителей, классных руководителей и других должностных лиц школы.
<i>Предметные</i>	12. Беречь школьное и всякое другое общественное имущество, как социалистическую собственность. За порчу школьного имущества родители учащегося несут материальную ответственность. 14. Дома поддерживать чистоту и порядок, образцово содержать учебные и письменные принадлежности, свое место для занятий, одежду, обувь, постель, тщательно умываться и чистить зубы.

Составлено по: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 19-Б/1-Г/4. Л. 107–109.

В первую очередь, следует обратить внимание на наиболее спорные с позиции трактовки девятый и десятый пункты «Правил», относившиеся к ситуативной сфере поведения (см. табл. 1).

Нормы, закрепленные в этих двух положениях, ориентировали школьников на борьбу с курением, хулиганством и другими проявлениями антиобщественного поведения. Однако в «Правилах» не были прописаны механизмы адекватного противодействия перечисленным поведенческим практикам. Для понимания сущности и функционирования данных механизмов необходимо сделать акцент на контексте рассматриваемой эпохи.

По мнению британской исследовательницы К. Келли, в 1930-е годы образ «пионера-мученика», игравшего ранее роль интернационального мифа, был адаптирован к конкретным советским реалиям. В это время на первый план выдвинулся миф о Павлике Морозове, который «прославляет его как бесстрашного доносчика на своего отца, как мальчика, который поставил верность партии и стране выше семейных уз: именно этот поступок превращал его в национального героя»<sup>1</sup>. С учетом позиции Келли, можно предполо-

<sup>1</sup> Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда // НЛЮ. № 60. 2003. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения 03.06.16).

жить, что девятый и десятый пункты «Правил» так могли выполняться за счет доноительства. Чтобы выяснить какой отклик данные положения находили в среде школьников, обратимся к материалам интервью, взятых у респондентов. В данном случае можно выделить существенные различия между представлениями об образе «идеальной школьницы» с позиции государства и самих учениц.

По воспоминаниям Елены Михайловны Лейкиной доноительство как один из способов реализации «Правил», «легитимных» с официальной точки зрения, вызывала серьезный конфликт между школьными и семейными воспитательными практиками:

«Был единственный конфликт между школой и домом. Я училась хорошо и была отличницей. Наша классная руководительница выдвигала различных начальников среди своих учеников... мне сказали, что я буду старостой класса, мне сказали, что я должна буду следить за тем, как ведут себя другие ученики в классе, что они делают, что говорят и все мне рассказывать. Я ей сказала, что это значит, что для всего класса я буду ябедой, а мне мама и папа не велят, чтобы я про кого-нибудь что-то рассказывала, поскольку это не хорошо. После этого учительница вызвала мою маму и сказала, что мы ведем вашу дочь на медаль, хотели сделать старостой, но при таком поведении мы ей пятерку за поведение поставить не можем, только четверку, а это грозит очень большими неприятностями, когда за поведение ставят четверку. Мама ответила, что пускай будут неприятности, но ябедничать на других учеников она никогда не будет. Все на этом разговор был окончен и ко мне со стороны руководительницы и других учителей было уже совсем другое отношение. Мне пришлось изо всех сил выбиваться, чтобы получать хорошие отметки»<sup>1</sup>.

По заверению респонденток, конфликтных ситуаций по поводу курения учениц в их школьной жизни не возникало. Противоположная ситуация складывалась с реализацией положения о борьбе с хулиганством и другими антиобщественными поступками. Александрова Наталья Олеговна, вспоминала случай, наглядно характеризующий отношение школьниц к этим поведенческим реакциям:

«На ботанике лично я срывала урок... в кабинете биологии я поставила лейку полную воды на неустойчивую подставку. Во время урока я пододвинула стул за партой, ну и результат понятен – лейка с грохотом упала, всеобщий переполох и веселье, все хваталось за тряпки, так урок и прошел. Учительница поняла, что это было сделано специально и стала потом вести допрос с пристрастием. Никто из одноклассников меня не сдал... Никто ме-

---

<sup>1</sup> Лейкина Елена Михайловна. Интервью №2. 08.04.16 Аудиозапись. Личный архив автора. 00:00:47- 00:03:38

ня не сдал и даже поползновений таких не было. Учительница спрашивала, мол кто это сделал, но вопрос был чисто риторический»<sup>1</sup>.

Помимо нарушения положения о хулиганстве, данный кейс свидетельствует об отступлении еще и от шестого пункта «Правил», требовавшего соблюдения дисциплины на уроке. Однако, по воспоминаниям респондентки, одноклассницы не выдали, то есть, по сути, негласно одобрили совершенный дисциплинарный проступок. Следовательно, практика доносительства как механизм осуществления ситуативного контроля сталкивалась с активным или пассивным сопротивлением со стороны родителей и учащихся, вступавшему в противоречие с установленными нормами поведения в школе.

Далее обратимся к той части «Правил», содержание которой регламентировало телесную сферу поведения. Проблема контроля за соблюдением установленных норм в данной сфере характеризовалась респондентами зачастую лишь в общих чертах без акцента на конкретных девиантных явлениях. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания Елены Михайловны Лейкиной:

«Каких-то пионерских сборов тогда не было, были дежурные, которые смотрели за чистотой рук, собирали взносы за какие-то не известные нам футбольные команды, была организация «молодой безбожник» или что-то вроде этого... собирали взносы. А какое участие? Больше никакого, чисто формально»<sup>2</sup>.

В целом материалы опроса респонденток показывают, что школьницы не рефлексировали на тему гигиены и данная тема не артикулировалась в рамках ученического коллектива.

Более существенное отражение в памяти респонденток нашел жизненный опыт, обусловленный их отношением к нормам, регулировавшим коммуникативную сферу поведения. Особого внимания заслуживает одиннадцатый пункт «Правил», предусматривавший беспрекословное подчинение учениц школьной администрации и педагогам. По воспоминаниям Натальи Олеговны Александровой учащиеся негативно воспринимали необходимость своего участия в некоторых мероприятиях, инициированных руководством школы:

«В школе не нравилась показуха... проявлялась, скажем, юбилей директрисы – ее должна поздравлять делегация из гороно... была репетиция... нас гоняли по залу, как мы ходим, как должны ее поздравлять, она эту репети-

---

<sup>1</sup> Александрова Наталья Олеговна. Интервью №2 30.03.16. Аудиозапись. Личный архив автора. 00:02:01 – 00:03:42

<sup>2</sup> Лейкина Елена Михайловна. Интервью №1. 03.04.16. Аудиозапись. Личный архив автора 00:12:30 – 00:13:33

цию сама принимала... не нравилось мне это... но время было такое... никому не нравилось, но все ходили»<sup>1</sup>.

Респондент вспоминала, что на эти репетиции ходили всем классом. Она отмечала, что училась в специальном «показном» классе, где были собраны девочки с лучшей успеваемостью. Именно их показывали административным работникам, посещавшим школу с плановыми проверками. В качестве меры наказания за непослушание со стороны классного руководителя звучала угроза перевода в другой класс. В данном случае «непослушание» вряд ли могло вызывать осуждение одноклассниц, что видно из контекста общих настроений в данном учебном коллективе.

Что касается нормативных положений, регламентировавших предметную сферу поведения, то практики их реализации не отложились существенным образом в памяти опрошенных респонденток. Так, четырнадцатый пункт, предполагавший поддержание порядка в доме, не нашел отражения в записанных интервью. Можно предположить, что данный пункт носил скорее рекомендательный характер, поскольку его выполнение не контролировалось школьной администрацией или учителями. Ни одна из респонденток не упоминала случаев, когда представители педагогического коллектива приходили к ним домой для проверки чистоты рабочего места. В воспоминаниях респонденток серьезные казусы с намеренной порчей имущества, попадавшие под действие двенадцатого пункта «Правил», также не были зафиксированы. Вместе с тем, по воспоминаниям Риммы Александровны Грачевой незначительные нарушения данного положения все же получили некоторое распространение в школьной среде:

«...учудить что-нибудь во время урока осуждалось учителями, но одноклассницы веселились и резвились... дверь запирали, вставляли в скважину замочную спичку, как будто дверь заперта... на какое-то время срабатывало, дворника вызывали, который дверь дергал посильнее. Делали мелкие шкоды. Уроки задерживали на 15 минут... виновных не искали, потому что это было бесполезно. Всему классу высказывали, но дальше урок начинался с опозданием»<sup>2</sup>.

Исходя из того, как оценивали упомянутые в кейсах девиантные практики сами респондентки, следует, что дисциплинарные нормы, выделенные партийно-государственным руководством, вступали в противоречия с тем, что воспринималось нормой в коллективе учениц. Выделенные Маслинским<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> *Александрова* Наталья Олеговна. Интервью №1 28.03.16. Аудиозапись. Личный архив автора. 00:03:30 – 00:04:20

<sup>2</sup> *Грачева* Римма Александровна. Интервью №2 03.04.16. Аудиозапись. Личный архив автора. 00:16:12 – 00:17:47

<sup>3</sup> *Прим.* Речь идет о ситуативной, телесной, коммуникативной и предметной сферах поведения.

сферы нормативной регуляции поведения воспринимались школьницами под совершенно другим углом зрения, чем номенклатурными функционерами.

Следует отметить, что отдельные сферы школьной повседневности не нашли своего отражения в «Правилах». Тем не менее, они занимали определенное место в жизненном опыте респонденток и также могли ими оцениваться. Одной из наиболее табуированных зон повседневной жизни советских школьников являлись гендерные отношения. О щепетильном отношении властных структур к данной теме свидетельствовал факт, отмеченный исследовательницей Г. Макаревич<sup>1</sup>. В рассматриваемый период официальная цензура исключала из учебников по литературе отрывки стихотворений российских поэтов XIX и XX веков, посвященные любовной лирике. Данный элемент гендерного воспитания попросту игнорировался советской образовательной системой. В то же время романтические отношения между мальчиками и девочками имели место в жизни школьниц, о чем свидетельствуют воспоминания опрошенных респонденток.

Материалы проведенных интервью позволяют понять, как при значительной информационной изоляции проблема сексуальности соотносилась со школьной повседневностью и какую роль она играла в жизни самих учениц в условиях раздельного обучения. По воспоминаниям Майи Владимировны Никольской учителя игнорировали данную тему и за пределы ученической среды она не выходила:

«...учителя не пытались это контролировать, это уже дело родителей было... в школе то мы не контактировали, с соседями по дому мальчики какие-то были. Или у меня было позднее сексуальное развитие, и в каждом классе было, что на 40 человек попадалось две или три сексуально озабоченные девочки, которые очень любят об этом поговорить и всех вокруг просветить... у нас одна или две такие были, меня это не интересовало, наверное, я не вникала в их разговоры, так что мимо меня прошло. Они хвастались, что у них много мальчиков и их приглашают на разрыв, спрашивали у других, этим все заканчивалось»<sup>2</sup>.

Как видно из отрывка воспоминаний личная жизнь все же обсуждалась школьницами. Однако некоторая табуированность данной темы, очевидно, все же присутствовала, поскольку своих «фривольных» одноклассниц респондентка оценивает скорее в негативном ключе. Но в целом сложно судить о том, насколько такое отношение отражает общественные настроения, в том

---

<sup>1</sup> Макаревич Г. Азбука пола в эпоху «развитого социализма»: чему (не) учили советские книги для чтения? // Газета «Первое сентября» «Библиотека в школе». 2010. № 3. URL: [http://lib.1september.ru/view\\_article.php?id=201000417](http://lib.1september.ru/view_article.php?id=201000417) (дата обращения: 12.06.16).

<sup>2</sup> Никольская Мая Владимировна. Интервью № 2 24.03.16. Аудиозапись. Личный архив автора 00:23:49 – 00:25:03

числе представления о целомудренности, или свидетельствует о табуированности разговоров, посвященных гендерным взаимоотношениям. Для этого необходим анализ более широкого круга устных источников личного происхождения.

Вместе с тем, эти источники позволяют установить, что для учениц существовала четкая грань между общественной и личной жизнью. По воспоминаниям Елены Михайловны Лейкиной школа воспринималась ей и ее сверстницами исключительно как пространство формальных отношений:

«...у всех были свои знакомые. В школе это не приветствовалось, носило формальный характер, а с класса 8–10 появлялся интерес... у каждого он проявлялся по-своему... видимо у девочек краснопресненских был свой интерес, там были свои парни, у девочек этих были свои знакомые... там были свои знакомые... в школе на это не обращали внимания, учителям было наплевать... если у девочки были свои отношения какие-то, они не были официально школьными. Это была своя полунинтимная жизнь. Показухи в школе делать было нельзя. Было предвзято, что это показуха... Это была общественная жизнь, а то была интимная жизнь»<sup>1</sup>.

В данном случае упомянут социальный фактор: «краснопресненские девочки» – это дети из рабочего района Москвы. По утверждению респондентки, их семьи проживали в неблагоустроенных бараках, что отражалось на поведении и учебе школьников. При этом подчеркивается, что отношения с противоположным полом относятся к сфере частной жизни, о которой говорить было не принято. Данный факт приводит к выводу об игнорировании советской школой этой зоны повседневности в силу ее естественной закрытости и недостижимости со стороны институтов общественного контроля.

И так в заключении, с опорой на данные, полученные из материалов интервью можно высказать несколько соображений. Во-первых, повседневность советских школьников, отраженная в «Правилах учащихся» с подразделением ее на «сферы поведения»<sup>2</sup>, не вполне соответствует взгляду на повседневность с позиции самих школьников. То есть некоторые элементы повседневности имеющие определенную важность с позиции советских законодотворцев в среде самих школьников, по крайней мере в приведенных случаях, порой не получают какого-либо отклика или оценки, как например правила, лежащие в телесной сфере. При этом с позиции учениц раскрываются области поведения, которые никак не отражаются в правилах и бытуют исключительно в рамках коллектива учениц, выходя за рамки дисциплинарного контроля. Во-

---

<sup>1</sup> Лейкина Елена Михайловна. Интервью № 2. 08.04.16. Аудиозапись. Личный архив автора 00:47:50 – 00:49:02

<sup>2</sup> Прим. «Сферы поведения» выводятся из правил поведения, то есть являются объектом дисциплинарного контроля.

вторых, существуют правила, призванные пресечь некоторые проявления девиантного поведения в среде школьниц, в которых не указаны механизмы борьбы с этими девиациями. Подобные правила могут трактоваться не однозначно в зависимости от персоналии учителя или представителя школьной администрации, и отношение школьниц к подобному зависит напрямую от этой трактовки. То есть существуют правила, точное соблюдение которых, может вызвать порицание ученическим коллективом. Более того некоторые элементы школьного воспитания в такой ситуации могут вступать в конфликт с домашним воспитанием девочек.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Boostrom R.* The nature and functions of classroom rules // Curriculum inquiry. 1991. Vol. 21. № 2. P. 193–216.

*Гончарова Г. Д.* Период раздельного обучения в СССР в 1943–1954 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М., 2013. URL: [https://www.hse.ru/data/2013/12/20/1338786186/WP20\\_2013\\_07.pdf](https://www.hse.ru/data/2013/12/20/1338786186/WP20_2013_07.pdf) (дата обращения: 27.05.16)

*Каменев А. А.* О Коммунистическом воспитании детей // Педагогический журнал Сталинградского края. №. 3. 1935. С. 13–20.

*Келли К.* Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда // НЛЮ. № 60.2003. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения 03.06.16)

*Луначарский А. В.* Основные принципы единой трудовой школы: От Государственной комиссии по просвещению. 16 октября 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973.

*Маслинский К. А.* «Правила поведения в советской школе. Часть 1: Слово государства в устах учителя» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. № 1 (36). С. 56–72.

*Маслинский К. А.* Правила поведения в советской школе. Часть 2: Слово государства в устах учителя // Вестник ПСГТУ. Серия 4: психология, педагогика. 2015. № 2(37). С. 41–57.

*Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Спб., 2000. 416 с.

*Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.

*Юинг Е. Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011. 359 с.

**A. S. POPYTAEV**

**THE PROBLEMS OF BEHAVIORAL NORMS' REGULATION  
AMONG SOVIET SCHOOL GIRLS IN THE CONDITIONS OF MONO-  
SEXUAL EDUCATION (1943–1954).**

Undergraduate  
National Research University Higher School of Economics

The article is devoted to the education in the Soviet girls' schools in 1943–1954. Based on the interviews data, that was received from the former school girls of mono-sexual schools, the author efforts to examine some practice of new discipline norms' inoculation at Soviet schools. The author also studies how the axiological attitude to particular behavioral fields, which the Soviet government tried to regulate with the help of «The rules for pupils», was formed through the specific perception and evaluation of this practice. The author proves that the discipline norms, which were inoculated to the school girls, were perceived either neutral or negative.

*Keywords:* mono-sexual education, schools, problems of education, educational policy, USSR

## СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 910.4(091)

**Д. М. МЕДНИКОВ, А. Е. ГОНЧАРОВ, Н. М. КАРЕЛИН**

### «АНГЛО-СИБИРСКИЙ ТОРГОВЫЙ СИНДИКАТ» В РОССИИ В КОНЦЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА<sup>1</sup>

преподаватель  
Сибирский Государственный Аэрокосмический Университет им. М. Ф. Решетнева

канд. ист. наук, доцент  
Сибирский Государственный Аэрокосмический Университет им. М. Ф. Решетнева

старший преподаватель  
Сибирский Государственный Аэрокосмический Университет им. М. Ф. Решетнева

В статье рассматривается деятельность Англо-Сибирского торгового синдиката в 1889–1893 гг. по организации торговли по Северному морскому пути. На основании отечественных и иностранных источников показаны обстоятельства торговых экспедиций 1889 и 1890 гг., характер британского экспорта в Сибирь, а также причины ликвидации компании в 1893 году. Сделан вывод о том, что неудачно организованная логистика оказалась одним из главных обстоятельств, приведших к тому, что привлекательность товаров, ввозимых англичанами, оказалась недостаточно высокой, чтобы обеспечить им стабильный спрос, а компании – прибыль.

*Ключевые слова:* Северный морской путь, коммерция, Англо-Сибирский торговый синдикат, памятники освоения северного морского пути

Одной из проблем сибирской истории, которая часто становилась объектом интереса исследователей, являлась тема освоения Северного морского пути. Она привлекала столь многих той романтикой, которая свойственна географическим открытиям, опасному делу, дающему людям шанс прославиться, войти в историю. Известно, что большая часть географических исследований вызвана не только и не столько людской любознательностью, сколько более прозаическими причинами экономического, политического или военного характера. Необходимость установить границы, защитить их, наладить хозяйственное использование того, что окажется внутри, обмен с зарубежьем – все это начиналось с того, что кто-то оплывал, обходил или объезжал эту территорию, составляя карты, находя пути и стоянки для тех, кто пойдет следом. История освоения Северного морского пути важна нам

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного фонда. Номер заявки 16-11-24010

не только как героический сюжет из прошлого, которым можно гордиться, но и как основа для настоящих и будущих усилий в этом деле, которое никак нельзя назвать завершенным.

В связи с названными выше особенностями, большее внимание в изучении вопросов, связанных с Северным морским путем уделяется рассмотрению исследовательских аспектов. В то время как коммерческим экспедициям посвящено гораздо меньше работ. В определенном смысле это не соответствует положению дел, которое мы обнаруживаем в исторических источниках. В британской и сибирской прессе, в мемуарах участников экспедиций, в документах, практически везде мы встречаем мысль о том, что важна не сама возможность плавать в полярных морях, а ее хозяйственное значение. Изучение опыта деятельности британских торговых компаний, ведших дела в Сибири, позволит пролить свет на попытки включить Сибирь в мировой рынок, на взаимодействие иностранных предпринимателей с сибирскими деловыми кругами и органами власти, на причины неудачи британских предпринимателей и последствий ее для российско-британских торговых отношений в регионе.

Дореволюционная историография рассматриваемой темы достаточно обширна. Можно назвать труды Ф. Д. Студитского<sup>1</sup>, С. В. Востротина<sup>2</sup>, Д. Руднева и Н. Кулика<sup>3</sup>. Работы Востротина отличаются большим вниманием к экономическим аспектам вопроса. Данное обстоятельство объяснимо тем, что автор являлся предпринимателем, имевшим свое видение практического использования торговых путей через Карское море.

Советская историография также насчитывает исследований, посвященных истории Северного морского пути. Наиболее известным автором предвоенных лет по данной тематике можно назвать В. Ю. Визе<sup>4</sup>. Наиболее значительным трудом послевоенного периода остается работа Д. М. Пинхенсона<sup>5</sup>, вышедшая в 1962 г. в составе четырехтомной «Истории открытия и освоения Северного морского пути». Однако в ней явно занижается роль иностранных экспедиций, о которых говорится скупно. В частности, исследователь не уде-

---

<sup>1</sup> *Студитский Ф. Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб., 1883. Ч. 1–2.

<sup>2</sup> *Востротин С. В.* Наши водные пути в Сибирь. СПб., 1906; *Он же.* Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908.

<sup>3</sup> *Руднев Д., Кулик Н.* Материалы к изучению Северного морского пути из Европы в Обь и Енисей. Пг., 1915.

<sup>4</sup> *Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. Л., 1936; *Он же.* История исследования Советской Арктики. Карское и Баренцево моря. Архангельск, 1935; *Он же.* Моря Советской Арктики: очерки по истории исследования. 2 изд., доп. Л., 1939; *Он же.* Северный морской путь. М.; Л., 1940.

<sup>5</sup> *Пинхенсон Д. М.* История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962.

ляет внимания изучению экспедиционных мероприятий зарубежных коммерческих фирм в Арктике.

Экономические вопросы использования Северного морского пути снова стали вызывать научный интерес в отечественной историографии в наше время (то есть почти столетие спустя). Здесь невозможно обойти тему порто-франко, которая нашла отражение в исследованиях М. В. Шиловского<sup>1</sup> и Н. А. Беляевой<sup>2</sup>. В работе же В. И. Сичкарева<sup>3</sup> охарактеризованы в основном арктические экспедиции XX века. В то время как период второй половины XIX в. представлен преимущественно путешествиями Норденшельда и Нансена.

В целом, в отечественной историографии представлена неполная картина деятельности иностранных коммерческих фирм, пытавшихся наладить торговлю с Сибирью по морю. Многочисленные зарубежные исследования также посвящены в основном выдающимся путешественникам, например, капитану Джозефу Виггинсу, совершавшему экспедиции в Сибирь в конце XIX века<sup>4</sup>. На этом фоне аспекты хозяйственного применения Северного морского пути остаются темой, относительно слабо изученной российскими историками и их зарубежными коллегами.

Торговля между Западной Европой и Сибирью с использованием Северного Морского пути являлась делом крайне рискованным. Трудности арктического плавания, которое с высокой долей вероятности могло привести к катастрофе, усугублялись сложностями в организации благоприятного для торговли режима, а также далеко не всегда успешными продажами английских товаров в Сибири. Эти обстоятельства способствовали тому, что фирмы, занимавшиеся освоением сибирского рынка, часто прекращали свою деятельность или реорганизовывались.

С 1889 г. компания «Феникс», которая выступила организатором весьма успешного плавания Джозефа Виггинса в Енисейск в 1887 г. и неудачной, убыточной экспедиции 1888 г., была преобразована в компанию «The Anglo-Siberian Trading Syndicate Ltd» («Англо-сибирский торговый синдикат»). Данная фирма, также известная как «Wiggins' Kara Sea and Anglo-Siberian

---

<sup>1</sup> Шиловский М. В. История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник: Ямальский выпуск. 2005. № 12. С. 74–80.

<sup>2</sup> Беляева Н. А. Порто-франко в устьях сибирских рек в конце XIX – начале XX столетия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 5–9.

<sup>3</sup> Сичкарев В. И. История судоходства в Сибири, Арктике и на Дальнем Востоке. В 3 ч. Ч. 3, кн. 1. История арктического судоходства. Новосибирск, 2006.

<sup>4</sup> Johnson H. The life and voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S.: modern discoverer of the Kara Sea route to Siberia based on his journals and letters. London, 1907; Stone I. R. Joseph Wiggins (1832–1905) // Arctic. 1994. Vol. 47. No. 3. P. 405–410.

Companу Ltd»<sup>1</sup>, переместилась из Ньюкасла в Лондон. Кадры в компании отчасти оставались прежними. Руководить ею продолжили директор «Феникса» Г. Н. Саливан и Джозеф Виггинс. В Сибирь был назначен уполномоченный, американец Джордж Ли, получивший права директора. Он имел опыт ведения дел в России: обучался в русском горном институте, после чего несколько лет управлял металлургическими и другими заводами на Урале<sup>2</sup>. Новая компания предприняла определенные шаги к тому, чтобы избежать судьбы предшественницы. Последняя была вызвана «частью от недостаточности средств, частью от слишком поверхностного знакомства с потребностями страны, частью от неудачного подбора агентов...»<sup>3</sup>. В уставе вновь образованной фирмы декларировалась цель организации в Сибири торговли на более широких началах, как по части импорта товаров, необходимых для развития сельского хозяйства и промышленности региона, так и в плане экспорта продуктов сибирского хозяйства, таких как пшеница, мука, пенька, меха, кожи, шерсть и разнообразные минеральные ресурсы. Компанией были предприняты усилия по изучению рынка, включая сбор данных по ежегодному обороту сибирской торговли. Согласно проведенным расчетам компания пришла к выводу, что могла бы продавать свои товары в Сибири по цене, которая в полтора – два раза ниже их стоимости в условиях сухопутного ввоза товарной продукции из европейской части России в Сибирь. Предприниматели стремились к увеличению своего капитала для закупки на осенних сибирских ярмарках продуктов для отправки в Англию, а также для фрахта полярного парохода «Лабрадор», который компании не принадлежал. Однако, компании удалось привлечь достаточное число акционеров из числа грузоперевозчиков<sup>4</sup>.

На плавание 1889 г. возлагались большие надежды. «Лабрадор» отправился 4 августа из Лондона под командованием Джозефа Виггинса, неся на своем борту паровые котлы и машины, электроосветительные механизмы, пожарные машины и насосы, плуги, железные и глиняные изделия, цемент, лаки и краски, крахмал и мыло, сушеные и консервированные фрукты, домашнюю утварь, соль и прочие товары<sup>5</sup>. Путешествие до Гольчихи, расположенной в устье Енисея, длилось ровно месяц, в течение которого англичанам пришлось столкнуться сдвигающимися льдами. Препятствия были преодолены благодаря конструкции парохода «Лабрадор»,

---

<sup>1</sup> *The London Gazette*. 1889. P. 7364.

<sup>2</sup> Турбин В. Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. СПб., 1891. С. 19.

<sup>3</sup> Там же. С. 25.

<sup>4</sup> Там же. С. 20.

<sup>5</sup> Там же. С. 21.

снабженного ледорезом. Однако, достигнув точки, в которой должна была произойти встреча морского парохода с речными для перегрузки товаров, Виггинс никого не обнаружил. Руководство компании не поставило в известность капитана о том, что приняло решение перенести место перегрузки из Гольчихи в Караул, расположенный примерно на двести миль выше по реке<sup>1</sup>. Поэтому Виггинс, выгрузив на берег часть товаров, вернулся в Англию. Джордж Ли, не встретив «Лабрадор» в Карауле (поселок, расположенный вблизи островов Большого, Визе и Макарова), со своей стороны пытался добраться до Гольчихи, в надежде застать его там. Однако, на Енисее компания испытывала серьезные трудности в организации логистики. В распоряжении Ли был лишь старый паровой катер. В то время как в Енисейске уже находилось новое судно, передать которое уполномоченному просто забыли. Кроме того, вышел срок действия разрешения, выданного англичанам, на плавание во внутренних водах. Чтобы выйти из этого положения, Ли зафрахтовал у Н. Г. Гадалова пароход «Граф Игнатъев» и отправился вниз по реке навстречу «Лабрадору». По достижению же Караула команда и капитан «Графа Игнатъева» якобы начали пьянствовать, отказавшись продолжить путь до Гольчихи<sup>2</sup>. Сам Виггинс в своем докладе, сделанном перед соединенным собранием обществ (технического, географического, общества содействия Русскому торговому мореходству и др.) 14 января 1895 г., достаточно сдержанно описывал эту неудачу: «речные пароходы не дали мне возможности сдать им груз и отправить его вверх в Енисейск, вследствие чего сгрузил ½ груза и возвратился в Лондон... Сгруженный в Гольчихе груз был доставлен в Енисейск следующем году речными пароходами»<sup>3</sup>.

Тем не менее, неудачное предприятие 1889 г. ухудшило отношения между членами синдиката и Виггинсом. Необходимость поправить пошатнувшееся финансовое положение заставило капитана временно прекратить действия в северных морях, посвятив несколько последующих лет плаваниям в южном полушарии<sup>4</sup>.

В связи с этим, экспедиция 1890 г. прошла под началом другого капитана, Ф. П. Флетчера-Вейна, который «приобрел опыт в этих водах под началом Виггинса»<sup>5</sup>. Лоцманом, ответственным за прохождение льдов Карского моря, был назначен Д. Кроутер, являвшийся ветераном полярных плаваний. Он принимал участие в экспедиции Бенджамина Ли Смита на «Эйре» к Зем-

<sup>1</sup> Stone I. R. Joseph Wiggins (1832–1905) // Arctic. 1994. Vol. 47. No. 3. P. 405–410.

<sup>2</sup> Турбин В. Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. С. 22.

<sup>3</sup> Виггинс Дж. Морской путь в Сибирь Карским морем 1874–1894. СПб., 1895. С. 6.

<sup>4</sup> Stone I. R. Joseph Wiggins (1832–1905) // Arctic. 1994. Vol. 47. No. 3. P. 405–410. P. 408.

<sup>5</sup> Там же.

ле Франца-Иосифа <sup>1</sup>. Сам Виггинс в своем докладе называл плавание 1890 г. в числе осуществленных под его руководством <sup>2</sup>.

Вместо «Лабрадора» использовались пароходы «Бискайя» («Biscaua») и «Туле» («Thule»), зафрахтованные в Норвегии <sup>3</sup>. К ним также присоединился буксировочный пароход «Бард» («Vard»). Сохранилась опись товаров, привезенных английскими предпринимателями на этих судах в Сибирь по Северному морскому пути в 1890 году. Она насчитывала 105 наименований <sup>4</sup>. Общий вес груза, по данным, приводимым в докладе Виггинса, составил восемьсот тонн <sup>5</sup>. По сведениям Турбина данное значение равнялось 32 тыс. пудов или около 524 тонн <sup>6</sup>. В рапорте енисейского окружного исправника губернатору отмечался вес товаров в 25 тыс. пудов и пять тысяч пудов керосина, что в совокупности составляло 491 тонну <sup>7</sup>. Стоимость груза оценивалась в триста тысяч рублей <sup>8</sup>.

Привезенные товары действительно отличались разнообразием. Англичане поставляли в Сибирь вещи для быта (железные ведра, ковры, мебель, иглы, кровати, игрушки, корзины, камины и прочее), продукцию, необходимую сибирской промышленности (металлы, сталь, механические инструменты, машинное масло, насосы, тиски, цемент, рудничные рельсы и прочее). Немало товаров можно отнести в обе категории (провода, лопаты, электрические механизмы для освещения, гвозди, пилы, кайлы и так далее). Значительная часть груза состояла из продуктов питания, таких как апельсины, бисквит, варенье, вермишель, горчица, сардины, мед, окорока, орехи, перловая крупа, овсяная мука, шоколад, сиропы, соусы и фрукты <sup>9</sup>. «Прейскурант» груза Англо-Сибирского торгового синдиката на этом отнюдь не был исчерпан.

Несколько иностранцев воспользовались в 1890 г. Северным морским путем в качестве пассажиров пароходов синдиката. Конечно, нельзя сказать, что ранее на них в Сибирь приплывали исключительно экипажи кораблей и сотрудники фирмы. Например, в плавании 1888 г. принимал участие сын британского посла в России, Виктор А. Мориер. Одновременно Мориер-старший активно продвигал идею налаживания торговли между Россией и Англией по Северному морскому пути. Он видел в ее реализации как сред-

<sup>1</sup> Price J. M. From the Arctic ocean to the Yellow sea. London, 1892. P. 12.

<sup>2</sup> Виггинс Дж. Морской путь в Сибирь Карским морем 1874–1894. С. 6.

<sup>3</sup> The Kara Sea Expedition // The Sydney Morning Herald. 1891. 2 January. P. 6.

<sup>4</sup> Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 4404. Л. 6 – 6 об.

<sup>5</sup> Виггинс Дж. Морской путь в Сибирь Карским морем 1874–1894. С. 6.

<sup>6</sup> Турбин В. Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. С. 22.

<sup>7</sup> ГАКК Ф. 595 Оп. 19. Д. 4404. Л. 4.

<sup>8</sup> Там же. Л. 3.

<sup>9</sup> Там же. Л. 6 – 6 об.

ство обогащения, так и повод для сближения двух стран. Русско-британские взаимоотношения в XIX в. носили чрезвычайно непростой характер, а накануне рассматриваемых событий еще более обострились из-за событий в Кушке (Средняя Азия)<sup>1</sup>. По признанию самого посла, во время работы над организацией очередного плавания Виггинса он не мог говорить о чем-либо другом. От этих бесед Мориер-младший загорелся желанием присоединиться к экспедиции<sup>2</sup>. В 1890 г. не обошлось без путешествующих членов компании, сопровождавших товары (уполномоченный Оливер Уильямс, дело-производитель и переводчик Девильсон и машинист Бульмон). В экспедиции участвовали также пассажиры, никак не связанные с Англо-Сибирским торговым синдикатом (или его предшественниками). Этими пассажирами являлись англичане Уильям Генрих Тогарт, планировавший вернуться в Англию через две недели; Юлиус Мартин Прайс, художник, направлявшийся в Китай и оставивший воспоминания о проделанном путешествии; Уильям Александр Мерсер, горный инженер, прибывший для исследования золотых россыпей Енисейского округа по указанию английской кампании; Дилан Гольдшмит Проктер<sup>3</sup>.

Навстречу «Бискайе», «Гуле» и «Барду» вышел «Феникс», на котором находился уполномоченный синдиката в Сибири Джордж Ли. Для пользы дела он ранее принял английское подданство и стал купцом первой гильдии. Таким образом, англичане избавились от необходимости получать требовавшееся ранее разрешение на речное судоходство или найм пароходов сибирских купцов.

Встреча пароходов и перегрузка товаров произошла в Карауле. Далее морские пароходы отправились обратно в Англию, а «Феникс» в сопровождении «Барда» и малых судов повернул к Енисейску. На этом этапе путешествия произошел несчастный случай – Джордж Ли выпал за борт и утонул. Юлиус Прайс оставил эмоциональное описание этого происшествия: вечером, после ужина, все сидели в кают-кампании, курили или проводили время в иной привычной им манере, когда внезапно услышали, как человек, производивший замеры глубины с носа корабля, крикнул, что глубина быстро меняется. Ли, читавший книгу, немедленно вскочил и, накинув шубу и шапку, поспешно выскочил из каюты, объяснив, что он почувствовал что-то неладное. Он отсутствовал всего лишь несколько минут, когда с палубы раздались крики, а двигатель был остановлен. Выяснилось, что Ли выпал за борт. Была темная ночь, шел сильный снег, поэтому поиски шли тяжело. Когда раздался

---

<sup>1</sup> *The M.P. for Russia: reminiscences and correspondences of Madame Olga Novikoff.* In 2 Vols. Vol. 2 / ed. W.T. Stead. London, 1909. P. 264.

<sup>2</sup> Там же. P. 262.

<sup>3</sup> ГАКК Ф. 595. Оп. 19. Д. 4404. Л. 7 об.

крик с буксира, что Ли найден и выловлен все обрадовались, но радость их была недолгой. Ли был мертв, а все многочисленные попытки реанимировать его не дали результата. Как выяснилось, причиной падения за борт стало то, что уполномоченный, желая наблюдать за замером глубины, чтобы увидеть показания на мерной рейке, встал на заснеженные бревна, лежащие у фальшборта, сильно наклонился через борт, поскользнулся и упал в воду<sup>1</sup>. В рапорте енисейского окружного исправника губернатору об обстоятельствах гибели Ли отмечается, что тот в десять часов вечера играл в шахматы в каюте, после чего, будучи в нетрезвом состоянии, вышел на палубу, поскользнулся на бревнах, упал за борт. Производивший промер глубины фарватера красноярский мещанин Николай Солдатов заметил это и поднял тревогу. Для поисков были посланы лодки с людьми, которым удалось найти тело. Меры, принятые для возвращения утопленника к жизни, не дали результата. После констатации смерти тело было доставлено Енисейск в «трех герметически закупоренных гробах» с тем, чтобы оттуда отправиться в Красноярск для предания земле<sup>2</sup>.

После гибели Джорджа Ли дела синдиката в Сибири не остались без надзора – о происшествии в Сибири енисейский губернатор доложил министру финансов Вышнеградскому. Сообщение было направлено и британскому послу Мориеру, который заверил министра в том, что прибывший на «Бискайе» уполномоченный Англо-Сибирского торгового синдиката Оливер Уильямс пользуется совершенным доверием владельцев груза и всеми необходимыми полномочиями. Более того, посол просил министра об оказании содействия в сбыте товара. Министр в телеграмме к енисейскому губернатору присоединился к этой просьбе, дополнив ее уточнением «конечно, в пределах закона»<sup>3</sup>. Данная просьба подтверждалась телеграммой аналогичного содержания от министра внутренних дел И. Н. Дурново<sup>4</sup> и сообщением от иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина<sup>5</sup>. В свою очередь, енисейский губернатор Л. К. Теляковский дал соответствующие инструкции енисейскому окружному исправнику: «прошу Вас оказать содействие к сбыту привезенных товаров в пределах закона, в случае каких-либо затруднений или недоразумений обращаться за разрешением их непосредственно ко мне»<sup>6</sup>. Таким образом, были задействованы ресурсы практически на всех уровнях власти.

<sup>1</sup> Price J. M. From the Arctic ocean to the Yellow sea. London, 1892. P. 72–73.

<sup>2</sup> ГАКК Ф. 595. Оп. 19. Д. 4404. Л. 5 – 5 об.

<sup>3</sup> Там же. Л. 1.

<sup>4</sup> Там же. Л. 9.

<sup>5</sup> Там же. Л. 11 – 11 об.

<sup>6</sup> Там же. Л. 2.

Не считая трагической гибели Джорджа Ли и некоторых путевых трудностей, плавание в целом можно охарактеризовать как успешное. Морские пароходы смогли пройти через Карское море в устье Енисея (потеряв в устье в результате бури только катер, оставив в «Якутах» пять тысяч пудов керосина, который не смогли доставить в Енисейск «по мелководию»<sup>1</sup>). Они встретились там с речными судами, перегрузили товар и вернулись в Англию, а речные пароходы доставили груз в Енисейск. Тем не менее, финансовая отдача от плаванья оказалась ниже желаемого результата. Такой итог коммерческого предприятия обуславливался невысоким качеством товаров и завышенными ценами<sup>2</sup>. Компания понесла убытки и больше торговых экспедиций в Сибирь не организовывала. Ее товары, находившаяся на сибирских складах, при снижении стоимости была постепенно распродана. Руководство и акционеры синдиката разочаровались в возможности ведения дел в Сибири. 6 декабря 1892 года внеочередное общее собрание приняло решение о прекращении деятельности и ликвидации компании. То имущество, которое не представлялось возможным или целесообразным вывезти из Сибири в Англию, и в том числе пароходы, было продано местным предпринимателям<sup>3</sup>.

Таким образом, завершился один из этапов в истории русско-британской торговли по Северному морскому пути. Этот этап был связан с деятельностью компании «Англо-Сибирский торговый синдикат», опиравшейся на изучение рынка и имевшей большой размах и оборот, чем ее предшественница. Главную роль в ее свертывании сыграли логистические просчеты, неверная ценовая политики, несогласованность действий дирекции фирмы в Лондоне с сибирским представительством. В результате цена английских товаров оказалась слишком высокой, хотя синдикат и планировал конкурировать с местными коммерсантами за счет низких цен, достигаемых благодаря более низкой стоимости транспортировки грузов морем, а поставки их, по причинам названным ранее причинам, оказывались нерегулярными. Благожелательное внимание британских деловых кругов и покровительство российских властей, достигнутое стараниями посла Мориера, не смогли уравновесить упомянутые выше недостатки. Неудача «Англо-Сибирского торгового синдиката» не означала прекращения попыток англичан наладить торговлю в устьях Оби и Енисея. В скором времени британские предприниматели предприняли новые морские путешествия в Сибирь. Тем не менее, в начале 1890-х годов перспективы коммерческой торговли с использованием

<sup>1</sup> ГАКК Ф. 595. Оп. 19. Д. 4404. Л. 4 об.

<sup>2</sup> Турбин В. Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. С. 23.

<sup>3</sup> *The Anglo-Siberian Trading Syndicate Limited / The London Gazette. 1893. 3 January. P. 36.*

Северного морского пути стали связываться с прогнозируемой экономической эффективностью строившиеся Транссибирской железнодорожной магистрали, а значительную долю британских грузов составили товары, непригодные для потребительского рынка, но необходимые для железнодорожного строительства, такие как рельсы.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Johnson H.* The life and voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S.: modern discoverer of the Kara Sea route to Siberia based on his journals and letters. London, 1907. 396 p.
- Price J. M.* From the Arctic ocean to the Yellow sea. London, 1892. 384 p.
- Stone I. R.* Joseph Wiggins (1832–1905) // *Arctic*. 1994. Vol. 47. No. 3. P. 405–410.
- The Kara Sea Expedition* // *The Sydney Morning Herald*. 1891. 2 January. P. 6.
- The London Gazette*. 1889. P. 7364.
- The M.P. for Russia: reminiscences and correspondences of Madame Olga Novikoff*. In 2 Vols. Vol. 2 / ed. W.T. Stead. London, 1909. 531 p.
- Беляева Н. А.* Порто-франко в устьях сибирских рек в конце XIX – начале XX столетия // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 1 (17). С. 5–9.
- Виггинс Дж.* Морской путь в Сибирь Карским морем 1874–1894. СПб., 1895. 25 с.
- Визе В. Ю.* История исследования Советской Арктики. Карское и Баренцево моря. Архангельск, 1935. 232 с.
- Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. Л., 1936. 494 с.
- Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики: очерки по истории исследования. 2 изд., доп. Л., 1939. 568 с.
- Визе В. Ю.* Северный морской путь. М.; Л., 1940. 94 с.
- Востротин С. В.* Наши водные пути в Сибирь. СПб., 1906. 74 с.
- Востротин С. В.* Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908. 79 с.
- Пинхенсон Д. М.* История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962. 892 с.
- Руднев Д., Кулик Н.* Материалы к изучению Северного морского пути из Европы в Обь и Енисей. Пг., 1915. 127 с.
- Сичкарев В. И.* История судоходства в Сибири, Арктике и на Дальнем Востоке. В 3 ч. Ч. 3, кн. 1. История арктического судоходства. Новосибирск, 2006. 241 с.
- Студитский Ф. Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирь

ские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб., 1883. Ч. 1. 310 с.; Ч. 2. 310 с.

*Турбин В.* Морской полярный путь в Сибирь и его значение для экономического и культурного развития края. СПб., 1891. 38 с.

*Шиловский М. В.* История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник: Ямальский выпуск. 2005. № 12. С. 74–80.

**D. M. MEDNIKOV, A. E. GONCHAROV, N. M. KARELIN**

**ANGLO-SIBERIAN TRADING SINDICATE LTD. IN RUSSIA IN THE  
LATE 80'S-EARLY – 90'S OF THE XIX CENTURY**

Teacher  
Reshetnev Siberian State Aerospace University

PhD in Historical Sciences, assistant professor  
Reshetnev Siberian State Aerospace University

Senior Lecturer  
Reshetnev Siberian State Aerospace University

The article is devoted to activities of Anglo-Siberian Trading Syndicate Ltd. in 1889–1893 directed at organizing commerce by the Northern Sea Route. Using the wide range of Russian and foreign sources we study circumstances of trade expeditions of 1889 and 1890, properties of the British export into Siberia and the reasons for liquidation of the company in 1893. The failed logistics was one of the main reasons for goods to be not very attractive for potential consumers in Siberia.

*Keywords:* The Northern Trade Route, Anglo-Siberian Trading Syndicate Ltd., memorials of the Northern Trade Route exploration

УДК: 338-43-02(571.1)«1932/1933»

**В. Б. ЛАПЕРДИН**

**ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1932–1933 ГГ.  
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ**

канд. ист. наук, младший научный сотрудник  
Институт истории СО РАН

В статье рассмотрен ход и итоги хлебозаготовительной кампании 1932–1933 гг. в Западно-Сибирском крае. Данное Политбюро ЦК ВКП(б) заготовительное задание, составлявшее 85 млн. пуд., было выполнено к середине января 1933 года. Одна из основных проблем, с которой столкнулось краевое руководство, заключалась в том, чтобы получить из совхозов недостающий хлеб. Что оказалось достигнуто благодаря административному нажиму и репрессиям в отношении как непосредственных производителей хлеба, так и административного аппарата.

*Ключевые слова:* Аграрная политика, колхозно-совхозная система, хлебозаготовительная кампания 1932–1933 гг., Сибирь.

Хлебозаготовительные кампании – важнейшие хозяйственно-политические акции в советской деревне, уступавшие по своему значению в начале 1930-х годов только коллективизации и раскулачиванию. Именно в ходе заготовительных кампаний государство изымало сельскохозяйственную продукцию. Их изучение поможет лучше понять аграрную политику сталинского режима. Цель данной статьи – проследить ход хлебозаготовительной кампании 1932–1933 гг. в Западно-Сибирском крае. Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи: выявить основные итоги предыдущей кампании 1931–1932 гг., установить объем плана в 1932 г. и проследить ежемесячный ход его выполнения в крестьянском секторе (включавшем колхозы и единоличные хозяйства) и совхозах, кроме того необходимо охарактеризовать последствия кампании для дальнейшего развития западносибирской деревни.

Хлебозаготовительные кампании начала 1930-х годов стали объектом отдельных исследований относительно недавно. В советской, а также современной историографии проблема хлебозаготовок выступала в качестве дополнения таких сюжетов, как коллективизация, раскулачивание, голод начала 1930-х годов и использовалась для характеристики в целом аграрной политики государства. Большинство авторов не выходило за рамки следующих вопросов: объемы хлебозаготовок и их отношение к валовому сбору, ход кампании и последствия изъятия хлеба из деревни. На общесоюзном

материале вышло две монографии, в которых хлебозаготовительные кампании рассматривались как самостоятельные темы: С. Уиткрофта в соавторстве с Р. Дэвисом<sup>1</sup>, а также В. В. Кондрашина<sup>2</sup>. Хлебозаготовительные кампании анализируются в динамике и представлены как изменяющаяся система: власти искали оптимальный способ изъятия хлеба из деревни, поэтому каждый год внедряли новации в организацию заготовок. Кроме того, на ход хлебозаготовок оказывали воздействие коллективизация, раскулачивание и голод. В итоге оптимальный, по мнению руководителей режима, метод хлебозаготовок (обязательные поставки) удалось найти к концу первой пятилетки, хотя определенные изменения продолжали вноситься в зависимости от корректирования аграрной политики государства. Кампанию 1932–1933 гг. по мнению всех авторов отличают сильнейший административно-репрессивный нажим на деревню, в результате которого было изъято не только хлебные излишки, но и необходимое для продовольственного снабжения зерно. В результате чего большинство регионов СССР поразил сильнейший в истории страны голод.

Хлебозаготовительные кампании начала 1930-х годов в Сибири освещались в работах региональных исследователей, в частности В. А. Ильиных. Из них следует выделить и коллективные монографии «Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.»<sup>3</sup>, «Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы»<sup>4</sup>. В них рассматривается ход некоторых заготовительных кампаний, объемы поставок зерна государству, изменения в заготовительной политике властей, сопротивление крестьянства и ряд других вопросов. Необходимо отметить, что хлебозаготовительная кампания 1932–1933 гг. так и не стала объектом специального исследования. В данной статье предпринята попытка заполнить этот пробел в историографии.

Хлебозаготовительная кампания 1931–1932 гг. завершилась 22 января 1932 г.<sup>5</sup>, когда Западно-Сибирский крайком объявил о выполнении установленного Политбюро ЦК ВКП(б) плана, составлявшего 65 миллионов пудов. Центр, руководствовавшийся политическими соображениями, в первую очередь необходимостью проведения курса форсированной индустриализации, дал завышенное задание регионам. В результате во многих районах края крестьяне лишились продовольственного хлеба. Ситуация усугублялась последствиями засухи, поразившей западную часть региона. По данным Западно-

---

<sup>1</sup> Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011.

<sup>2</sup> Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014.

<sup>3</sup> *Аграрная политика* советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011.

<sup>4</sup> *Сельское хозяйство* Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012.

<sup>5</sup> *Государственный архив* Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 263. Л. 12.

Сибирского крайземууправления, от непогоды в той или иной степени пострадало 55 районов<sup>1</sup>. Однако голод имел более обширную географию. ОГПУ в феврале 1932 г. докладывало о продзатруднениях в 75 районах региона<sup>2</sup>. Производственные возможности деревни оказались подорваны. На заготовительные пункты поступало зерно, необходимое для будущей посевной кампании. После выполнения заданий, многим колхозам не удалось создать продовольственные, посевные и фуражные фонды, достаточные для удовлетворения текущих потребностей. Западно-Сибирский крайком требовал от районных организаций самим найти хлеб, а для этого развернуть пропагандистскую работу. Однако районы не справлялись с поставленной перед ними задачей сбора семенных фондов. Стала ясна необходимость вернуть часть заготовленного зерна обратно в деревню. На этом настаивали районные партийно-хозяйственные организации, стремившиеся справиться с голодом и провести предстоящий сев. Центр, заинтересованный в сохранении созданных хлебных запасов, не желал идти им на встречу. Краевое руководство в своих директивах низовым органам отмечало, что государство не обязано оказывать колхозам помощь в семенах и продовольствии. Между тем оно само понимало её необходимость, пытаясь добиться у Центра бронирования неприкосновенного фонда, созданного в СССР в 1929 г. для удовлетворения потребностей государства в хлебе на случай войны. Под давлением региональных властей Москва шла на уступки. В противном случае посевная кампания не была обеспечена необходимым количеством зерна, а голодающие колхозники, не имея хлеба, отказывались выходить на работу. 4 февраля 1932 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О семенной и продовольственной помощи к весенней посевной кампании»<sup>3</sup>. В нем оговаривались размеры и условия предоставления ссуды засушливым районам страны. Колхозы Западной Сибири должны были получить 5,3 млн. пуд. зерна, зерносовхозы – 2,1 миллиона пудов. Кроме того, для снабжения продовольствием колхозников выделялось 1,5 миллиона пудов. Необходимо отметить, что, несмотря на столь значительную ссуду, основная тяжесть создания семенных фондов ложилась непосредственно на колхозы и колхозников<sup>4</sup>. Они должны были собрать более 35 миллионов пудов. 8 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) распорядилось еще раз предоставить недородным районам помощь. На этот раз Западная Сибирь должна была получить две-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 352. Л. 132.

<sup>2</sup> *Голод в СССР. 1929–1934: [сб. документов]: в 3 т. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 2. С. 49.*

<sup>3</sup> Там же. С. 204–206.

<sup>4</sup> *Ильных В. А. 1932 год: «левацкие перегибы» в Полтавском районе Западно-Сибирского края // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 90.*

сти тысяч пудов <sup>1</sup>. 22 апреля 1932 г. СТО СССР в своем постановлении отпустило Западной Сибири еще порядка 150 тыс. пуд. зерна в качестве продовольственной ссуды <sup>2</sup>. Предоставляемая помощь для сибирской деревни не была безвозмездной. Государство рассчитывало вернуть выдаваемое зерно в предстоящую хлебозаготовительную кампанию. Однако далеко не все колхозы смогли после выполнения плана хлебозаготовок рассчитаться по долгам за продовольственную и семенную ссуду. Часть их была списана, а часть отсрочена и перенесена на следующий год. Государство смогло вернуть 8,1 млн. пуд. из выданных для проведения посевной кампании <sup>3</sup>.

15 июля 1932 г. Западно-Сибирский крайком принял постановление о плане хлебозаготовок на 1932 год. По крестьянскому сектору предполагалось собрать 1015600 т. зерна, в совхозах наркомзема – 221000 тонн. План гарнцевого сбора (отчисление части поступавшего на мельницы зерна в качестве платы за помол) составлял 94700 тонн. Кроме того, на колхозы налагалась обязанность возратить продовольственную и семенную ссуды – 178400 тонн. Установление порайонных планов должно было произойти к 15 августа. При этом предусматривалась пятипроцентная страховая надбавка с целью покрыть возможный недобор хлеба из-за допущенных ошибок при учете урожайности. Районное руководство отвечало перед вышестоящими инстанциями за предоставление точных сведений об урожайности зерновых на колхозных полях и посевах единоличников. Совхозные тресты и директора совхозов аналогично отвечали за свои предприятия <sup>4</sup>.

Таким образом, в Западной Сибири планировалось заготовить к 15 декабря 1932 г. порядка 85 млн. пуд. зерна. Эта цифра показалась реальной, так как в условиях засухи удалось получить от сибирской деревни 65 миллионов пудов. Как и в предыдущем году, задание объяснялось не столько возможностями аграрного производства в крае, а политикой Центра, стремившегося не только создать хлебные резервы, но и вывезти зерно за границу. Западная Сибирь не рассматривалась в качестве региона-экспортера, однако сибирским хлебом снабжалась Средняя Азия и Дальний Восток. Поэтому объемы заготовок выходили далеко за пределы удовлетворения региональных потребностей. Кроме того, на установление конечного плана 1931 г. повлияли погодные условия. Засуха и неурожай в основных зерновых районах стали причиной снижения задания. Лето 1932 г. оказалось более благоприятным, хотя и в это время 14 степных районов края, ранее входивших в Славгород-

---

<sup>1</sup> *Голод в СССР. 1929–1934: [сб. документов]: в 3 т. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 2. с. 212.*

<sup>2</sup> Там же. С. 225.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 425. Л. 29.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 2. Д. 354. Л. 11–14.

ский округ, подверглись засухе. Средний урожай по ним составлял 2,9 ц. с га., в то время как в 1931 г. – 2,05 ц. с га. С целью предотвратить развитие голода, крайком принял решение дать неурожайным районам минимальные хлебозаготовительные задания, но обязал полностью выплатить семенную и продовольственную ссуды<sup>1</sup>.

Существовавшая в начале 1930-х годов система определения урожайности не гарантировала точных данных даже о биологической урожайности. Зачастую начальные цифры завышались или занижались еще на уровне отдельных сельсоветов, колхозов и совхозов. В 1932 г. директора совхозов, стремившиеся отчитаться о проведенной ударными темпами посевной кампании, предоставляли неточные сведения о площадях посевов. Позже для получения одобрения вышестоящих инстанций, ими завышались данные о видах на урожай. Контрольная краевая комиссия, оценивавшая деятельность Ададымского зерносовхоза, выяснила, что его дирекция завысила урожай, заявив о 72 тыс. ц. валового сбора, в то время как согласно актам апробации на корню, проведенной в конце лета, биологическая урожайность составляла 69 тысяч центнеров. Позже дирекции пришлось снижать данные об его размерах по причине высоких потерь в ходе сбора урожая. В ноябре было заявлено о 59 тыс. ц. валового сбора. Фактически же совхоз собрал около 41 тысячи центнеров<sup>2</sup>. Подобные случаи были не единичны. Так, Алабатинский зерносовхоз в октябре сообщил об урожае в 90 тыс. ц., в ноябре – 83 тысяч центнеров. Всего собрали 78 тысяч центнеров<sup>3</sup>. Западно-Сибирский зернострест зачастую не посылал уполномоченных на места для выяснения точности сведений. Определение урожайности стало внутренним делом совхозов, их данные практически не проверялись, что дало возможность дирекции самим устанавливать цифры. При этом среди служащих могли возникать нештучные споры. В Крутоярском зерносовхозе осмелившийся уточнить валовый сбор заместитель директора по производственной части был обвинен начальством в «правом оппортунизме» по причине того что его цифры оказались меньше ранее предоставленных краевым организациям<sup>4</sup>. Столкновение мнений по хозяйственным вопросам приобретало политический оттенок.

Не лучше обстояло дело при определении урожайности в колхозах и на полях единоличников. Здесь часто допускались просчеты при вычислении валового сбора, а заинтересованные стороны старались изменить цифры сообразно своим интересам. Так, уполномоченные Баевского райкома оценивали урожайность «на глаз» при объезде полей. Согласно их донесени-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 352. Л. 280.

<sup>2</sup> Там же. Д. 525. Л. 55–56.

<sup>3</sup> Там же. Л. 23, 30.

<sup>4</sup> Там же. Л. 65.

ям 34 колхоза должны были собрать 126 тыс. ц. зерна, а фактически получили 81 тысячу центнеров. Аналогично происходило определение урожайности на полях единоличников, которым запретили сообщать в сельсоветы о гибели хлебов<sup>1</sup>. В поступавших в крайком донесениях регулярно отмечалось желание колхозных правлений занижить урожайность. Этому препятствовали районные работники, искусственно устанавливавшие им завышенные цифры. В Абаканском районе райисполком «нажал» на проводивших определение урожайности уполномоченных и заставил их завысить валовый сбор на пять тысяч центнеров<sup>2</sup>. Между тем далеко не всегда районное руководство искажало в сторону увеличения данные об урожае. Были и обратные случаи, когда оно вставало на сторону колхозов. Секретарь Тарского райкома оправдывал правление Заливинского колхоза, пошедшего на обман государства следующими словами: «уж очень там голодали сильно»<sup>3</sup>. Районное руководство разрывалось между желанием получить поощрение вышестоящих инстанций за хорошую работу и необходимостью обеспечить нормальное функционирование колхозов, остававшихся после выполнения хлебозаготовительного плана без зерна. И если крайком еще мог допустить завышение данных об урожайности, то их сокрытие строго наказывалось вплоть до уголовной ответственности.

Таким образом, низовая система определения урожайности предоставляла краевым и центральным организациям недостоверные данные об урожайности. Те в свою очередь вносили собственные поправки, стараясь исправить недочеты, допущенные на местах. Но зачастую это вызывало еще большую путаницу в статистике. Ситуация усугублялась отсутствием общепринятой методологии вычисления урожайности. Начальник Западно-Сибирского управления нархозучета в письме к главе ЦУНХУ СССР в конце 1932 г. прямо заявлял: «учетный сектор наркомзема Союза оперирует не конкретными учетными материалами, а приводит принятые цифры, при этом нам неизвестно, каким способом последние исчислены и на каком конкретном материале базируются принимаемые поправки»<sup>4</sup>. Хотя хлебозаготовительные планы устанавливались Политбюро ЦК ВКП(б) исходя из политической необходимости, а не основываясь на точно выверенных статистических данных, последние все же учитывались при порайонном распределении заданий. Поэтому ряд районов перевыполнял планы до установленного срока окончания кампании, в то время как другие не справлялись с возложенными на них задачами.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 357. Л. 123–124.

<sup>2</sup> Там же. Л. 11.

<sup>3</sup> Там же. Д. 353. Л. 93.

<sup>4</sup> Там же. Д. 352. Л. 272.

15 августа 1932 г. Западно-Сибирский крайком принял постановление о распределении районных планов хлебозаготовок. При этом устанавливался следующий порядок его доведения до хлебосдатчиков. Специальная районная комиссия, в которую входило руководство района, распределяло предварительный план по отдельным колхозам и селам, после чего он обсуждался с председателями колхозов и сельсоветов, а также местными секретарей партячеек. Затем план утверждался пленумом райисполкома при участии всех вышеперечисленных лиц. Далее этот план принимался на собраниях колхозников и крестьян-единоличников. Последние должны были сдавать зерно государству на основе контрактации и самообязательств. Кроме того, часть крестьянских хозяйств, классифицированные властями как кулацкие, получала твердые задания, которые необходимо было выполнить до начала сентября<sup>1</sup>.

Несмотря на предупреждение крайкома не допускать «администрирование» при распределении планов, на деле оно носило формальный характер. Последнее слово оставалось всегда за районным руководством. Участие представителей колхозов и сельсоветов оказалось сведено к минимуму. А на колхозные собрания планы выносились уже после утверждения их на районном пленуме. В целом распределение планов прошло без эксцессов. Тем не менее, данный механизм не всегда работал, как это предписывалось властями и нередко давал сбой. Так, колхозные собрания могли отказаться принять план, посчитав его завышенным. Однако в большинстве случаев под давлением прибывших из райцентра уполномоченных им приходилось согласиться с установленными цифрами.

При распределении планов руководство ряда районов решило подстраховаться, спуская в колхозы и сельсоветы увеличенный план. Если одни колхозы отставали при хлебосдаче, а другие шли вперед, то утвержденное крайкомом задание все равно выполнялось. Эту практику районное руководство позаимствовало у краевого. Вот только крайком имел право на пятипроцентную надбавку к плану, а райкомам это запрещалось<sup>2</sup>. Районные работники, проводя «классовую политику» завышали установленные крайисполкомом задания единоличникам и «твердозаданцам». Или же, напротив, по мнению представителей вышестоящих инстанций, занижали их.

Таким образом, районные власти навязывали колхозам и сельсоветам установленные краевыми организациями контрольные цифры. А те в свою очередь их получали из Политбюро ЦК ВКП(б). Формально в многочисленных постановлениях организаций от районного до общесоюзного уровня, принимавших участие в организации хлебозаготовительной кампании, процесс установления планов носил демократический характер. Размеры зада-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 354. Л. 47–53.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 1. Д. 335. Л. 16 об.

ний не подвергались сомнению, а собрания колхозников и крестьян-единоличников должны были их принять после голосования. Чтобы оно прошло успешно, низовые организации занимались «массово-политической работой» и вели соответствующую агитацию. Все это было необходимо для предания процессу принятия планов легитимности. Крестьяне как бы сами соглашались сдавать государству хлеб в установленном им объеме, а не получали четкие предписания свыше. Хотя фактически именно так и происходило. При этом Центр, как и краевые организации, строго следили за выполнением предписаний. Так, Иконниковский райком отошел от предписанного выше порядка принятия планов. Он допустил «стихийность», заключавшуюся в том, что колхозные собрания самостоятельно устанавливали контрольные цифры, после чего они были утверждены на заседании бюро райкома. Несмотря на то, что район выполнил установленный крайисполкомом план, его руководство получило партийный выговор<sup>1</sup>. Государству требовалась видимость демократичности процесса для предания легитимности хлебозаготовительной кампании. Участие самих крестьян не допускалось, даже если достигалась конечная цель – выполнение плана.

5 августа 1932 г. вышло постановление крайкома о плане заготовок на август месяц. Предполагалось собрать двух миллионов пудов (около 32,5 тыс. т.)<sup>2</sup>. Однако из-за затянувшейся уборки, недостатков работы заготовительных организаций и действий директоров колхозов, раздававших колхозникам собранный хлеб в виде авансов, августовский план оказался провален (таблица 1 и 2). Кроме того, при распределении месячных заданий планирующими организациями были допущены ошибки. Они не учли географические особенности отдельных частей региона при проведении уборочных работ. Районы, где косьба только начиналась, получили директиву сдать зерно наравне с уже окончившими косовицу<sup>3</sup>.

Таблица 1  
Динамика хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае в августе 1932 – январе 1933 г. (тыс. т)

	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Итого	План
Совхозы	4,4	3,9	0,9	5,1	7,5	4,3	16,4	42,4
Колхозы МТС	9,8	90,1	166,0	170,5	83,7	8,1	528,5	525,0

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 1–3.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 1. Д. 329. Л. 21.

<sup>3</sup> Там же. Д. 353. Л. 138–139.

Прочие колхозы	10,0	90,4	174,3	172,8	64,1	4,1	515,8	494,3
Единоличники	1,2	38,8	50,8	13,2	4,5	00,8	108,8	100,6
Всего по всем секторам	25,6	253,4	442,2	391,7	199,8	56,7	1369,6	1362,3
Гарнцевый сбор	2,3	7,1	9,9	9,7	11,4	13,8	54,9	94,7
Итого	27,9	260,4	452,1	401,4	211,2	70,5	1424,6	1457,0

Источник: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 425. Л. 29.

Таблица 2

Динамика хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае (%) в августе 1932 – январе 1933 г.

	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Выполнение плана
Совхозы	1,8	14,0	21,0	14,5	19,6	18,3	89,2
Колхозы МТС	1,9	17,9	31,6	32,5	15,9	1,5	101,3
Прочие колхозы	1,0	18,3	35,3	35,0	12,9	0,8	103,3
Единоличники	1,2	38,6	50,6	13,1	4,5	0,1	108,1
Всего по всем секторам	1,9	18,6	32,4	28,7	14,6	4,1	100,3
Гарнцевый сбор	2,4	7,5	10,4	10,3	12,1	14,6	57,3
Итого	1,9	17,9	31,0	27,5	14,5	4,8	97,6

Источник: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 425. Л. 29.

Сентябрьский план, утвержденный 25 августа, составлял 12 тысяч пудов<sup>1</sup>. Его удалось собрать досрочно. Всего же за первый осенний месяц на пункты заготзерно поступило около 15,9 тысяч пудов. Перевыполнение произошло в первую очередь за счет колхозов. Совхозы, получившие задание в три тысяч пудов смогли собрать только две тысячи.

Весьма удачным оказалось выполнение октябрьского плана. Удалось заготовить около 27,6 миллионов пудов. Таким образом, к ноябрю была выполнена половина годового плана хлебозаготовок. Надеясь на продолжение активного вывоза зерна, крайком принял постановление собрать в ноябре 1932 г. 25 миллионов пудов<sup>2</sup>. Для этого требовалось сохранять высокие темпы поступления зерна на приемные пункты. Однако этого не удалось сделать. Крайком решил усилить репрессивные меры. 15 ноября вышло постановление о хлебозаготовках, предписывавшее районным организациям привлекать председателей сельсоветов и колхозов, не справлявшихся с поставленными задачами, к судебной ответственности. Это подавалось под

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 335. Л. 16.

<sup>2</sup> Там же. Д. 357. Л. 7.

видом борьбы с «саботажем хлебозаготовок контрреволюционными и оппортунистическими элементами». Руководство края решило «развязать» райкомам руки и позволило широко применять репрессии в отношении работников колхозов и сельсоветов. Однако ответственность за невыполнение планов возлагалась именно на райкомы. Отстающие районы, а также отдельные деревни, совхозы и колхозы, могли попасть на «черную доску», что означало прекращение подвоза товаров и всяческой торговли<sup>1</sup>. Под угрозой наказания оказалось 52 района, в то время как 70 районов уже выполнили свои задания или были близки к цели<sup>2</sup>. Сдача хлеба задерживалась либо в связи с трудностями его доставки на пункты приема (большие расстояния, отсутствие транспорта, непогода и т. д.), либо по причине отсутствия зерна в районах или его сокрытия.

Первоначально давление на сотрудников райкомов происходило при помощи выговоров и предупреждений. Применение подобных мер оправдывалось крайкомом, так как собрать оставшуюся половину плана было сложнее. Темпы заготовок в ноябре подтвердили эти опасения. Если за первые две пятидневки удалось собрать 12,6 % годового плана, то за вторые две – уже 7,2%<sup>3</sup>. В оставшиеся 10 дней было заготовлено еще 7,9 %<sup>4</sup>. В ноябре поступление хлеба сократилось. Тем не менее, месячное задание было выполнено на 95 %.

Декабрьское задание составляло 15 миллионов пудов<sup>5</sup>. Его выполнение позволяло в целом завершить заготовительную кампанию. Кроме того, 4 декабря 1932 г. крайком принял постановление об изменении плана по секторам<sup>6</sup>. Данная мера была необходима для стимулирования темпов поступления зерна на приемные пункты. К декабрю крестьяне-единоличники выполнили свои заготовительные задания, в то время как колхозы и совхозы еще нет. Поэтому, увеличив план единоличникам на 27900 т., и сократив настолько же для колхозов, крайком предполагал ускорить хлебосдачу.

К 15 декабря краевой план по колхозам и крестьянам-единоличникам был выполнен на 99 %, а в целом по краю на 91,7 %. Однако окончание кампании, отложенное до 1 января 1933 г., оказалось под угрозой, так как совхозы не справлялись с возложенной на них задачей. Они сдали только 59,4 % установленной для них нормы (в т. ч. зернотрест – 58 %, сортсестрест – 56,3 %) <sup>7</sup>. Необходимо было ускорить поступление зерна. Не только совхозное руководство, но и ряд районных руководителей не могли добиться ускорения хлебозаго-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 354. Л. 132–136.

<sup>2</sup> Там же. Л. 143.

<sup>3</sup> Там же. Л. 142.

<sup>4</sup> Там же. Д. 357. Л. 98.

<sup>5</sup> *Голод в СССР. 1929–1934: [сб. документов]*: в 3 т. М., 2012. Т. 2: июль 1932 – июль 1922. С. 225.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 168.

<sup>7</sup> Там же. Л. 177 – 178 об.

товок. И все же численность районов, не справлявшихся с планом, в сравнении с предыдущим месяцем сократилось. Теперь их насчитывалось двадцать два. Однако среди них оказались ведущие зерновые районы, получившие самые крупные задания (Рубцовский, Назаровский, Ужурский, Боготольский, Абаканский и Ачинский). Надавив на их руководство крайком рассчитывал получить недостающий из-за отставания совхозов хлеб. И все же декабрьский план выполнить не удалось. Всего было собрано 12,4 миллионов пудов.

К 1 января 1933 г. для выполнения краевого плана по совхозам оставалось заготовить порядка 85 тысяч тонн. Именно такой план был утвержден крайкомом на этот месяц<sup>1</sup>. Стимулировав хлебосдачу в совхозах при помощи репрессивных мер и получив 44,3 тыс. т., а также еще 13 тыс. т. от колхозов и крестьян-единоличников, крайком окончательно выполнил годовой план. Объявлено об этом было на заседании бюро крайкома 21 января 1933 года.

Характеризуя хлебозаготовительную кампанию необходимо более подробно остановиться на функционировании районных партийно-хозяйственных организаций, их взаимоотношений с Западно-Сибирским крайкомом. Именно от районных властей зависело выполнение регионального задания. Они следили за ходом кампании в отдельных колхозах и сельсоветах. Их действия определяли, сдадут ли непосредственные производители хлеба (крестьяне-единоличники и колхозники) урожай государству или нет. Методы заготовок корректировались райкомами в соответствии с краевыми директивами, а нередко и по собственному усмотрению. Многочисленные «перегибы» допускавшиеся сельскими коммунистами, происходили при попустительстве или под непосредственным руководством районных организаций. Они же совместно с ОГПУ осуществляли репрессии.

В историографии существует мнение, что сталинская система управления предполагала четко организованную структуру со строгим подчинением нижестоящих организаций вышестоящим, где каждый уровень власти выполнял очерченные ему функции, а их сотрудники являлись «винтиками», воплощавшими в жизнь спущенные сверху директивы. Действительно, центральные власти пытались создать подобный режим управления. И в определенной степени он был реализован. Во всяком случае, справлялся с возложенными на него задачами, в частности проведением хлебозаготовительной и иных сельскохозяйственных кампаний. Однако реальная ситуация была намного сложнее. Представители различных уровней власти могли допускать определенные «вольности», не вписывавшиеся в выстраиваемую систему иерархичного подчинения. Так, краевые органы власти корректировали центральную политику в аграрной сфере. В свою очередь их действия опре-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 5 – 5 об.

делялись информацией, поступавшей в том числе от райкомов. Если же последние не справлялись с возложенными на них задачами, крайком сигнализировал в Центр о необходимости изменения существующей политики. Районные органы власти не всегда выступали как слепые исполнители. Действия представителей районных организаций определялось множеством факторов. Зачастую необходимость выполнения поступавших из края директив противоречила задаче поддержания нормального функционирования хозяйственных организаций. Объемы изымавшегося зерна могли достигать валового сбора колхозов или превышать их. Создание семенных и фуражных фондов оказывалось под вопросом, как и распределение хлеба на трудодни. Кормить приходилось не только колхозников и разрастающийся сельский партийно-хозяйственный аппарат, но и жителей городских поселений. В условиях голода райкомы шли на различного рода ухищрения и обман государства. Секретарь Лушниковского райкома совместно с председателями исполкома и контрольной комиссией скрыли 1300 ц. пшеницы, находившуюся в глубинном пункте, которую затем расходовали на снабжение населения и предоставление семенной ссуды колхозам, намереваясь погасить её за счет будущего урожая. Таким образом, в районе создавался особый хлебный фонд, использовавшийся на местные нужды без согласования с крайкомом. Это обеспечивало оперативность решения продовольственной проблемы и обеспечение колхозов семенным материалом. Однако создание такого фонда происходило в ущерб хлебозаготовкам, так как хлеб должен был поступить на склады заготзерно в счет выполнения плана<sup>1</sup>. Нижне-Колосовский райком, распределяя в августе 1932 г. задания по колхозам и сельсоветам, самостоятельно увеличил его на 100 тонн, использовав затем их на снабжение населения<sup>2</sup>. «Самозаготовками» во время кампании занимались и другие районы. Точно определить их количество не представляется возможным. Имеются сведения только о действиях районного руководства, попадавших в поле внимания вышестоящих инстанций. Безусловно, многие факты сокрытия от государства хлеба оставались незамеченными или же всплывали через какое-то время.

Крайком пресекал вольности районных властей, квалифицируя их как «антигосударственные» и «кулацкие», строго наказывая виновных, вплоть до исключения из партии и привлечения к уголовной ответственности. Подобные действия совершались районными властями в первую очередь с целью снабжения населения и экономического укрепления колхозов, перераспределяя между ними зерно. Они лучше краевых работников понимали специфику своего района: где можно изъять дополнительный хлеб и куда его следует направ-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 47.

<sup>2</sup> Там же. Л. 35.

вить. Но в условиях хлебозаготовительной кампании 1932–1933 г., когда совхозы не могли выполнить план, краевое задание зависело от крестьянского сектора. Скрывая колхозный хлеб, районные власти ставили под угрозу срыва всю кампанию. Крайком, не желая такого исхода, строго пресекал вольности районных властей.

Но основная сложность хлебозаготовок 1932–1933 г. для Западно-Сибирского крайкома заключалась в необходимости заготовить в совхозах установленный Центром план. В предыдущую кампанию отстающим являлся крестьянский сектор из-за переоценки возможностей единоличников. Видимо это оказалось учтено, и теперь крестьяне получили задание в три раза меньшее (план 1931–1932 г. составлял 309 тыс. т.). Впрочем, тут следует учитывать такие факторы, как возросшая степень коллективизации и уменьшение производительности индивидуальных крестьянских хозяйств. В кампанию 1932–1933 г. слабым звеном оказались совхозы, распропагандированные как «фабрики по производству зерна». Они показали если не свою несостоятельность в рамках сталинской аграрной модели, то, во всяком случае, ограниченность возможностей. Совхозы не выполнили в полном объеме задание, составлявшее 18 % краевого плана. Недополученный хлеб пришлось компенсировать за счет крестьянского сектора. Ну а собранное в совхозах было получено под жестким нажимом со стороны крайкома. Видя, что директора совхозов не могут обеспечить высоких темпов сдачи зерна, краевые власти обязали помогать им местные райкомы, выполнившие хлебозаготовительные задания. Первоначально это сводилось к предоставлению техники и рабочей силы, о чем говорилось в постановлении от 15 ноября<sup>1</sup>. Однако позже по мере усиления отставания совхозов, районные власти стали отвечать за темпы хлебосдачи наравне с их директорами, чего не было в предыдущие кампании. Кроме того, сами райкомы медлили с оказанием помощи, по привычке считая это задачей трестов: отказывались присылать технику или же присылали, но без рабочих бригад.

Поэтому в постановлении от 19 декабря 1932 г. крайком обязал районные комитеты партии выполнить не только планы по крестьянскому сектору, но и помочь в их выполнении близлежащим совхозам<sup>2</sup>. Работники бюро райкомов должны были выехать в совхозы для оказания помощи в организации хлебозаготовок. Да и сами члены бюро крайкома ВКП(б) отправлялись на места. Так, первый секретарь крайкома Р. И. Эйхе обязался посетить Черепановский зерносовхоз, полномочный представитель ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Н. Н. Алексеев – Битковский и т. д. Столь категоричные меры связаны с тем, что край не выполнил годового плана к 15 декабря. С

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 136.

<sup>2</sup> Там же. Л. 178 об.

этого момента успешное завершение кампании стало зависеть от получения хлеба в колхозах. В январе 1933 г. специальная комиссия, состоявшая из членов крайкома, устанавливала сроки и размеры сдачи по отдельным совхозам (чем раньше занимались тресты). Персональную ответственность за это несли не только директора совхозов, но также секретари и райкомов и уполномоченные крайкома<sup>1</sup>. Они могли лишиться партбилета и предстать перед судом.

В сложившейся ситуации крайком широко применял репрессии. Всевозможные выговоры в условиях кампании 1932–1933 гг. были легким наказанием. Так, выговор получил директор Западно-Сибирского зернотреста Л. С. Марголин<sup>2</sup>. Но крайком шел и на более серьезные меры. 15 ноября 1932 г. на так называемой «черной доске» за «позорно низкие темпы хлебозаготовок» оказался Битковский зерносовхоз<sup>3</sup>. Это означало прекращение подвоза товаров и всяческой торговли.

С целью стимулировать ход кампании в Центре решили организовать показательную расправу над одним из отстающих совхозов. Выбор пал на совхоз сортсептреста «Степной». 1 декабря 1932 г. от имени И. В. Сталина и В. М. Молотова в Западно-Сибирский крайком пришла телеграмма, где говорится о необходимости арестовать директора совхоза Гравеля, после чего отправить его этапом в Москву. Уже на следующий день было принято постановление об аресте неугодного директора. Строгие выговоры получили секретарь Смоленского райкома и председатель райисполкома, не организовавшие выполнение плана совхоза<sup>4</sup>. Все это широко освещалось в прессе.

Интересна дальнейшая судьба «Степного». Репрессии грозили не только его руководству и рядовым рабочим, но и самому совхозу. То есть наказание ждало не людей, работавших в организации, а саму организацию. В Народном комиссариате земледелия решили ликвидировать совхоз «за сопротивление хлебодачи», против чего выступил Западно-Сибирский крайком, желавший сохранить хозяйство, передав его зернотресту. Что и было поручено сделать крайземуправлению<sup>5</sup>.

За ходом сдачи хлеба в совхозах пристально наблюдал Центр. Из Москвы санкционировались репрессии в отношении отдельных совхозов и их директоров. У Центра крайком спрашивал совета перед принятием новых действий. Так, И. В. Сталин и В. М. Молотов на предложение Р. И. Эйхе посове-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 7.

<sup>2</sup> Там же. Л. 178.

<sup>3</sup> Там же. Д. 354. Л. 176.

<sup>4</sup> Там же. Д. 469. Л. 319.

<sup>5</sup> Там же. Д. 441. Л. 5.об., 9.

товали не снимать с работы директора Бийского зерносовхоза, дав ему возможность ускорить хлебосдачу<sup>1</sup>.

В целом же Западно-Сибирский крайком, как и в хлебозаготовительную кампанию 1931–1932 г., принял защитную позицию, стараясь отстоять собственные интересы. Только на этот раз речь шла не о снижении плана. В условиях усилившегося давления со стороны Центра это было маловероятным. Крайком просил отсрочить выполнение заготовительного задания совхозами. Действия региональных властей вписывались в ранее возникшую схему, в которой они пытались корректировать аграрную политику государства с целью сделать её реализуемой на практике. При этом отводя от себя возможный удар, возникавший в случае, если требования Центра окажутся невыполненными. Так, после получения телеграммы от Сталина 1 декабря 1932 г. со словами «Берите в руки дело сдачи хлеба совхозами, если не хотите нарваться на неприятности»<sup>2</sup>, руководство Западной Сибири не только попыталось стимулировать хлебозаготовки, но и отсрочить их окончание до 1 марта 1933 г., обосновывая это трудностями обмолота и вывозки хлеба в зимних условиях<sup>3</sup>. Центр пошел на некоторые уступки и разрешил окончить сдачу хлеба в совхозах к 1 февраля 1933 года<sup>4</sup>. Сталин опасался, что оставшийся в совхозах хлеб будет пущен на местные нужды и уже не попадет на заготовительные пункты.

Говоря о совхозах необходимо определить причину возникшей ситуации. Во-первых, планирующие органы допустили промах при оценке их возможностей. Если в 1931 г. в Западной Сибири совхозы получили задание сдать государству 82,2 тыс. т. зерна, то в 1932 г. – 242,4 тысяч тонн. Даже учитывая расположение большинства совхозов в засушливой части региона, пораженной неурожаем в 1931 г., план следующего года оказался выше почти в три раза, что не могло быть обосновано ни ростом их количества, ни увеличением механизации. Это обуславливалось не только политической конъюнктурой и необходимостью получить максимальное количество зерна для проведения индустриализации. Приняв постановление заготовить в 1932 г. в Западной Сибири 85 млн. пуд., планирующие органы могли распределить план по секторам так, чтобы в ходе кампании не пришлось вновь его переписывать. Однако адекватно оценить возможности совхозов им помешала существовавшая система определения урожайности, при которой статистические данные не соответствовали реальности. Директора совхозов, стремясь получить одобрение вышестоящих инстанций, завышали сведения о

---

<sup>1</sup> Голод в СССР. 1929–1934: [сб. документов]: в 3 т. М., 2012. Т. 2: июль 1932 – июль 1922. С. 245.

<sup>2</sup> Там же. С. 238.

<sup>3</sup> Там же. С. 240.

<sup>4</sup> Там же. С. 255.

посевных площадях и ожидаемой урожайности. При этом полученные с мест цифры практически не проверялись.

Но проблема заключалась не только в том, что совхозы вырастили зерна меньше ожидаемого. Высокие потери при его сборе, хранении и транспортировке стали еще одной причиной, почему фактический урожай оказался меньше. Дирекция Ададымского зерносовхоза при обсуждении на бюро райкома прямо заявила: «план <...> был реальным, но хлеб мы потеряли, хлеб не сумели собрать»<sup>1</sup>. Высокие потери зерна допускались и в других совхозах. Иногда дело доходило до абсурда. Так, в Крутоярковском зерносовхозе три трехтонные машины, при следовании с поля до амбара, из-за неисправности короба рассыпали по пути весь груз<sup>2</sup>.

Проверявшие деятельность совхозов комиссии крайкома пытались разобраться в отчетных документах и при их сопоставлении пришли к выводу, что основной причиной потерь были бесхозяйственность местных работников и, как следствие, воровство зерна. В Ададымском совхозе мельница передала рабочему кооперативу 1348 ц. муки, в то время как им было зарегистрирована только 1297 центнеров. На вопрос, куда делся 81 ц. муки заместитель директора развел руками и заявил: «неизвестно, видимо утруска»<sup>3</sup> (то есть усушка). А водитель Алаботинского совхоза продал пятитонную машину пшеницы за три тысячи рублей. Столь крупную сделку с ним заключили казахи одного аула, вскладчину приобретшие зерно<sup>4</sup>. Заключения о работе совхозов, составлявшиеся комиссиями крайкома, пестрят подобными случаями. Зерно разворовывалось служащими совхозов при участии или попустительстве со стороны дирекции, так и без её ведома. С совхозных полей кормились крестьяне близлежащих сел или мигрировавшие казахи-голодобеженцы. Постановление от 7 августа 1932 г. их не останавливало. Недополученное государством зерно поступало на черный рынок и потреблялось оставленным без снабжения населением. Созданная колхозно-совхозная система, изымавшая максимум произведенной аграрной продукции, функционировала не идеально. Задействованные в её работе сельские жители стремились использовать в своих целях её недостатки. Для кого-то это был путь к обогащению, а кому-то позволяло выжить в условиях голода. Сколько всего было украдено зерна для проверяющих органов так и осталось неизвестно. Путанные отчетные документы совхозов, в которых одни цифры противоречат другим, не позволили им ответить на данный вопрос.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 58.

<sup>2</sup> Там же. Л. 65.

<sup>3</sup> Там же. Л. 60.

<sup>4</sup> Там же. Л. 29.

Хлебозаготовительная кампания 1932–1933 гг. в Западной Сибири требовала от краевого руководства значительных усилий. Основные сложности, с которыми ему пришлось столкнуться, заключались в ошибках планирования центральных организаций. Во-первых, план, как и в предыдущие годы, был установлен исходя из политической необходимости, диктовавшейся высокими темпами индустриализации. Поэтому Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило завышенные задания для регионов страны. Западно-Сибирский край должен был заготовить 85 млн. пуд., что на 20 млн. больше, чем в 1931–1932 годах. Центру это казалось реальным, так как в предыдущий сельскохозяйственный год пришлось столкнуться с проблемой засухи и неурожая. Лето 1932 г. оказалось более благоприятным для созревания урожая. Кроме того, колхозам и совхозам требовалось погасить семенную и продовольственную ссуды. По мере хода кампании и появления новых проблем, связанных с невозможностью создания семенных и продовольственных фондов в колхозах и совхозах, часть долга оказалось списано, либо перенесено на следующий год. Государство получило обратно 8,1 миллионов пудов. Таким образом, во время кампании 1932–1933 гг. было заготовлено 85 млн. пуд., к которым следует прибавить возврат ссуды и выполнение гарнцевого сбора, составлявшего к концу января 1933 г. 57% или 3,3 миллиона пудов. Всего с начала хлебозаготовок по официальным данным из деревни оказалось изъято порядка 96,4 млн. пуд. зерна. Это привело к новому голоду, ставшему логическим последствием событий предыдущего года, когда по причине неурожая и аграрной политики государства край столкнулся с серьезной продовольственной проблемой.

Характеризуя ход кампании, следует отметить несколько отличительных особенностей. Во-первых, она проходила под жестким нажимом со стороны крайкома на низовые звенья сети заготовительных организаций. Если в 1931–1932 гг. многие районы смогли получить скидку по причине неурожая, то теперь её давали только в исключительных случаях. Во-вторых, камнем преткновения стали совхозы, получившие нереальные задания, из-за предоставления неверных данных об урожае. Только под нажимом центральных и краевых хозяйственно-политических организаций, сопровождавшимся репрессиями, совхозы смогли сдать порядка 90 % плана. Недостающий для выполнения краевого задания хлеб был получен от колхозов и крестьян-единоличников. Просчеты при установлении плана удалось компенсировать за счет административного и репрессивного нажима на деревню. Государство заготовило установленное количество хлеба благодаря значительным жертвам со стороны сибирской деревни.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

*Аграрная политика* советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. 608 с.

*Голод* в СССР. 1929–1934: [сб. документов]: в 3 т. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 2. 560 с.

*Голод* в СССР. 1929–1934: [сб. документов]: в 3 т. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2012. Т. 2: июль 1932 – июль 1922. 912 с.

*Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. 543 с.

*Ильиных В. А.* 1932 год: «левацкие перегибы» в Полтавском районе Западно-Сибирского края // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 90–96.

*Кондрашин В. В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. 350 с.

*Сельское хозяйство* Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреевков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск, 2012. 408 с.

**V. B. LAPERDIN**

**GRAIN PROCUREMENT CAMPAIGN 1932–1933 IN WEST SIBERIAN REGION.**

PHD in Historical Sciences, Junior Researcher  
Institute of History SB RAS

Article analyses progress and results of grain procurement campaign 1932–1933 in West Siberian region. Task, given by Politburo CPSU(b), to procure 85 million pood of grain was accomplished by the middle of January 1933. One of the main problems of regional governance was to get from the state farms missing grain. It was solved by administrative pressure and repressions against both the direct producers of bread, as well as administrative staff.

*Keywords:* Siberia, grain procurement campaign 1932–1933, agricultural policy of the state, collective and state farms system.

УДК 94(47+571).084.8

**Р. Е. РОМАНОВ****В ТИСКАХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА:  
НАТУРАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ РАБОЧИХ КРУПНЫХ  
ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ СИБИРИ (1941–1945)**канд. ист. наук, научный сотрудник  
Институт истории СО РАН

В статье рассматривается влияние продовольственного кризиса на становление, развитие и эффективность механизмов натурального стимулирования промышленных рабочих в крупных городах Сибири в годы Великой Отечественной войны. Показана роль карточно-талонной системы распределения продуктов питания в расширении занятости населения, повышении производительности труда и укреплении дисциплины на заводах региона. Автор делает вывод о том, что применявшиеся в рамках этой системы материальные стимулы являлись результативными в плане привлечения новых кадров на военное производство, роста выпуска оборонной продукции и профилактики дисциплинарных проступков в рабочей среде. В то же время относительно низкий уровень нормированного снабжения и коррупционно-бюрократические пороки оставались в рассматриваемый период одним из факторов неустойчивости трудовой мотивации персонала сибирских предприятий.

*Ключевые слова:* Великая Отечественная война, Сибирь, военно-промышленные «мегаполисы», продовольственный кризис, рабочие, натуральные стимулы, занятость, высокопроизводительный труд, производственная дисциплина.

Одной из характерных черт советской модернизации (конец 1920-х – середина 1980-х годов) являлись продовольственные кризисы. Наиболее крупномасштабный и глубокий из них пришелся на годы Второй мировой войны. Пик данной кризисной волны совпал с периодом борьбы против фашистской агрессии. В это время население СССР балансировало на грани физического выживания, связанного, главным образом, с низким уровнем и качеством потребления пищи. Подобное явление было вызвано экстремальными условиями жизни граждан, способствовавшими сочетанию в отечественной промышленности форм денежного и натурального стимулирования персонала. Денежные стимулы были представлены, прежде всего, заработной платой, натуральные – распределением продуктов питания. Снабжение горожан продовольствием осуществлялось за счет всесоюзной карточной системы, действовавшей в 1929–1935 и 1941–1947 годах. Последний период, и особенно военные годы, обуславливался острейшим дефицитом и высокой инфляцией, приведшей к существенному падению значения зарплаты. В связи с этим, сфера «нормированного сервиса» приобрела наиболее актуальное

значение для обеспечения продовольствием заводских коллективов советского тыла. В рассматриваемый период возросшее влияние натуральных стимулов на мотивацию труда рабочих следует рассматривать в рамках военно-промышленных центров восточных районов СССР, включая Сибирь. В годы Великой Отечественной войны в регионе, являвшимся второй по мощи базой оборонпрома, его ведущими центрами стали крупные индустриальные города, расположенные в зоне Транссиба. Они заняли важное место в государственной социально-трудовой политике, в русле которой механизмы продовольственного снабжения использовались для расширения и интенсификации занятости населения в военной экономике.

В советской историографии карточная система периода Великой Отечественной войны традиционно изучалась как один из аспектов материально-бытового положения рабочего класса СССР<sup>1</sup>, а также деятельности восточных районов страны<sup>2</sup> в 1941–1945 годах. В ее рамках нормированная выдача продуктов питания рассматривалась в качестве основного механизма жизнеобеспечения жителей городов. По оценке исследователей, государство с помощью карточек смогло гарантировать прожиточный минимум для персонала важнейших отраслей народного хозяйства.

В постсоветской исторической науке проблемы формирования и развития системы централизованного распределения 1941–1947 гг. разрабатывались в русле как общесоюзной<sup>3</sup>, так и региональной<sup>4</sup> повседневности. В центре внимания историков оказались принципы, механизмы, масштабы, позитивные и негативные последствия нормированного снабжения для общества. С точки зрения авторов уровень продовольственного обеспечения зависел от положения человека в социальной иерархии (стратификации), поскольку ее отдельные слои и группы с различным статусом имели неравный доступ к скромным жизненным благам.

В современных исследованиях поставлен также вопрос о роли материальных (в том числе натуральных) поощрений в стимулировании труда ра-

---

<sup>1</sup> См., например: *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.

<sup>2</sup> См., например: *Докучаев Г. А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; *Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма.* Новосибирск, 1984.

<sup>3</sup> *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

<sup>4</sup> *Букин С. С., Тепляков А. Г.* Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 6–34; *Шалак А. В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998; *Букин С. С., Исаев В. И.* Новосибирцы. Очерки повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2008.

бочих, служащих и колхозников в условиях военного времени. С позиции В. А. Сомова, проанализировавшего протестные настроения рабочих, служащих и колхозников Волго-Вятского региона, денежное и натуральное вознаграждение по существу не влияло на трудовую мотивацию<sup>1</sup>. По мнению А. В. Шалака, изучившего сферу товарного распределения Восточной Сибири, это вознаграждение, напротив, служило одним из важных условий поддержания у трудящихся заинтересованности в производственной деятельности. Исследователь констатировал наличие в советском тылу «вполне работающей системы мер материального воздействия, имеющих отношение прежде всего к высококвалифицированному труду»<sup>2</sup>. Наличие противоположных оценок актуализирует поиск решения проблемы воздействия кризисных тенденций в сфере потребления населения на формирование, функционирование и результативность системы трудовых стимулов в годы войны.

Методологической базой исследования является концепция о трех универсальных факторах мотивации труда – вознаграждении, побуждении и принуждении. К вознаграждению и побуждению относились материальные и моральные поощрения, принуждению – наказания. Система нормированного снабжения также функционировала как совокупность поощрительных и санкционных механизмов. Среди первых следует выделить неравномерное перераспределение продуктовых пайков между различными категориями персонала, среди вторых – сокращение хлебных пайков прогульщикам. Целью данной статьи является выявление становления, развития и эффективности механизмов натурального стимулирования рабочих военно-промышленных центров Сибири в условиях продовольственного кризиса 1941–1945 годов. Предметом анализа являются практики усиления мотивации к занятости, высокопроизводительному труду и соблюдению производственной дисциплины. Последние применялись как к опытным, так и новым рабочим кадрам, неоднозначно реагиовавшим на практиковавшиеся поощрения и наказания.

---

<sup>1</sup> *Сомов В. А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского района) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19.

<sup>2</sup> *Шалак А. В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.

## Характеристика продовольственного кризиса военного времени

Одной из типичных черт продовольственного кризиса в годы войны являлось резкое сокращение продажи продуктов питания. В 1941 г. по 15 наименованиям основных продтоваров розничный оборот по сравнению с 1940 г. составлял от 52 до 98 %, в 1943 г. – от 5 до 72,5 %, в 1945 г. – от 18 до 119 %<sup>1</sup>. В тыловых районах дефицит продовольствия обострился уже в первые месяцы войны. Если до 1 сентября 1941 г. жителям городов Новосибирской области сбывалось в среднем 408,5 т. хлеба в сутки, то после 1 сентября – 330,0 тонн<sup>2</sup>. Сужение продуктовой корзины негативно отражалось как на бытовом положении, так и трудовой деятельности рабочих.

На фоне сокращения «предложения» продовольственных товаров, на востоке страны за счет эвакуантов и местных селян выросло число горожан. С 1 января 1941 до 1 мая 1945 г. в Сибири оно увеличилось с 4943,3 до 5860,3 тысяч человек<sup>3</sup>. Основная масса новоселов осела в военно-промышленных центрах региона. В этих условиях возросло не только количество рабочих рук, но и потребителей. Увеличение спроса на продукты питания при падении их торгового оборота было особенностью продовольственного кризиса в глубоком тылу.

Сочетание двух данных факторов в итоге породило взрывную инфляцию в городской рыночной торговле. На колхозных рынках 43 городов СССР с апреля 1941 по апрель 1943 г. средняя стоимость одного килограмма картофеля выросла в 36,5 раза, капусты – 14,4, говядины – 10,7, молока – 24,2, масла – 15,9 раза<sup>4</sup>. Инфляционный маховик особенно активно раскрутился в городах с численно выросшим населением. В 1942 г. в Новосибирске и Кузбассе диапазон цен на хлеб, картофель, мясо, молоко и масло составлял от 13 руб. 91 коп. до 526 руб. 11 коп., в 1944 г. – от 12 руб. 37 коп. до 459 рублей 60 копеек<sup>5</sup>. Огромный ценовой рост по сравнению с предвоенным временем являлся еще одним проявлением продовольственного кризиса в сибирских городах.

Кризисные явления в сфере личного потребления горожан обуславливали трансформацию трудовой мотивации рабочих. «Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Получали зар-

<sup>1</sup> *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне*. Стат. сборник. М., 1990. С. 18.

<sup>2</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 40. Л. 75.

<sup>3</sup> *Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 64, 80, 84.

<sup>4</sup> *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945*. С. 17.

<sup>5</sup> *Букин С. С.* Бюджеты рабочих семей в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сборник научных трудов. Вып. II. Новосибирск, 2004. С. 117.

плату. Собственно, на величину зарплаты особого внимания не обращали. Все равно, на полученные деньги в магазине нечего было покупать, все давалось по карточкам»<sup>1</sup> – вспоминал в мемуарах ветеран новосибирского завода № 386 Наркомата боеприпасов (НКБ) А. М. Чуркин. Следовательно, в процессе стимулирования занятости на первый план вышло нормированное снабжение, позволявшее выжить в военное лихолетье.

### **Натуральные стимулы занятости населения**

В годы войны трудоустройство населения на производстве материально стимулировалось, прежде всего, за счет карточной системы. В июле 1941 г. карточки на продовольственные товары были введены в Москве, Ленинграде, ряде городов Московской и Ленинградской областей. С 1 сентября 1941 г. началось нормированное распределение хлеба, сахара и кондитерских изделий в 197 городах и рабочих поселках страны, включая Сибирь. Движущей «пружиной» складывавшегося механизма стимулирования занятости в ведущих отраслях военной экономики являлась социально-производственная дифференциация снабжения. Продовольственное обеспечение было ранжировано по четырем группам городского населения, каждая из которых подразделялась на две категории. В первую включались рабочие и ИТР, служащие тяжелой, торфяной и рыбной промышленности, электростанций, железнодорожного и морского транспорта, важных индустриальных строек, а также их иждивенцы и дети. Ко второй категории были отнесены труженики остальных отраслей народного хозяйства и незанятые члены их семей. Продуктовые пайки в разных группах и категориях горожан существенно отличались по своему весу. Рабочие получали хлеба, сахара и кондитерских изделий в полтора – два раза больше, чем неработающее население (см. табл. 1). В конце 1941 г. заводской персонал, трудившийся в тяжелых и опасных производственных условиях, был переведен на повышенные (1000 г.) и особо повышенные (1200 г.) хлебные нормы. Они были призваны побуждать жителей городов и сел к поступлению, главным образом, в оборонную и тяжелую промышленность.

---

<sup>1</sup> Чуркин А. М. Мое поколение. Новосибирск, 2006. С. 58–59.

Таблица 1

Нормы снабжения городского населения СССР хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями с 1 сентября 1941 г. (в граммах)

Группы	Хлеб, в граммах (в сутки)		Сахар и кондитерские изделия, в граммах (в месяц)	
	1-я категория	2-я категория	1-я категория	2-я категория
Рабочие и ИТР	800	600	800	600
Служащие	500	400	600	600
Иждивенцы	400	400	400	400
Дети до 12 лет	400	400	600	400

Составлено по: *О введении* карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа [Народный комиссариат торговли СССР]. Вологда, 1941. URL: <http://www.booksite.ru/trade/main/war/1.htm> (Дата обращения: 1 августа 2016 г.)

С 1 ноября 1941 г. советское правительство установило нормированную продажу мяса, рыбы, жиров, крупы и макаронных изделий в 42 крупных административных и промышленных центрах страны. Рабочие и ИТР, занятые в шахтах, «горячих» и «вредных» цехах предприятий, снабжались по повышенным и особо повышенным нормам, в оборонной и смежной с ней индустрии – по нормам особого списка. Их потребительская «корзина» по мясу и рыбе превышала иждивенческую в 4,5 – 9 раз, крупе и макаронам – в 2,5 – 5 раз, жирам – в 3–5, пайки рабочих и ИТР остальных отраслей – соответственно в 1,2 – 2,5, в 1,25 – 2,5 и в 1,5 – 2,5 раза (см. табл. 2). Углубление дифференциации продовольственного обеспечения было нацелено на привлечение трудовых ресурсов на самые ответственные и трудные участки военной индустрии, где работа была сопряжена с большим риском для жизни и здоровья персонала.

Таблица 2

Нормы снабжения городского населения СССР мясом, рыбой, жирами, крупой и макаронами с 1 ноября 1941 г. (в граммах)

Группы	Мясо и рыба		Крупа и макароны		Жиры	
	1-я категория	2-я категория	1-я категория	2-я категория	1-я категория	2-я категория
Рабочие и ИТР, снабжавшиеся по особо повышенным нормам	4500		3000		1000	
Рабочие и ИТР, снабжавшиеся по повышенным нормам	3200		2000		900	
Рабочие и ИТР, снабжавшиеся по нормам особого списка	2200		1500		600	

Рабочие, снабжавшиеся по нормам остальной промышленности, транспорта и связи						
		1800		1200		400
Служащие	1200	1200	800	600	300	300
Иждивенцы	500	500	600	600	200	200
Дети до 12 лет	400	400	800	800	300	300

Составлено по: Кузнецова О. Д., Аверченко М. А. Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 54–55.

В ноябре 1943 г. в связи с неурожаем высшее руководство СССР было вынуждено сократить хлебные пайки. Особо повышенные нормы снабжения основным продуктом питания снизились с 1200 до 1000 г., повышенные – с 1000 до 800 г., особого списка – с 800 до 600 г., остальных отраслей промышленности, транспорта и связи – с 600 до 500 грамм. В то же время горнякам, металлургам, рабочим ведущих профессий оборонных предприятий (особый список) полагались 650–700 грамм хлеба<sup>1</sup>. При уменьшении его ограниченной продажи правительство стремилось усилить дифференцированный характер продовольственной корзины для сохранения стимулов к труду.

Сформировавшейся к началу 1942 г. карточной системой были охвачены широкие массы городского населения СССР. В декабре 1942 г. хлебом централизованно снабжалось 38,1 млн. чел., другими продуктами питания – 15,3 млн., в декабре 1943 г. – 41,8 и 20,5 млн., в декабре 1944 г. – 47,2 и 27,9 миллионов человек<sup>2</sup>. Данные контингенты росли и в индустриальных центрах сибирского тыла. В январе 1942 г. в городах Западной Сибири было выдано 2980 тыс. продовольственных карточек, в марте 1943 г. – 3279,6 тысяч<sup>3</sup>. Среди их получателей доля производственного персонала выросла с 38,5 до 47,9 %, а иждивенцев – сократилась с 33,4 до 25,9 %<sup>4</sup>. Следовало, в течение войны влияние натуральных стимулов на трудовые ресурсы существенно расширилось. Кроме того, в регионе продуктовые пайки получали почти все рабочие и служащие. Однако, в целом по СССР эти социальные группы полностью обеспечивались только хлебными карточками. В конце войны лишь

<sup>1</sup> Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 134–135.

<sup>2</sup> Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. Стат. сб. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php> (Дата обращения 1 августа 2016 г.).

<sup>3</sup> Исупов В. А. Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. С. 322.

<sup>4</sup> Подсчитано по: Там же.

три четверти трудящихся страны Советов могли приобрести мясо, рыбу, жиры, крупу и макароны в сфере нормированной торговли<sup>1</sup>.

За годы войны увеличилось число рабочих, снабжавшихся хлебом по повышенным нормам. К декабрю 1942 г. в СССР в данную категорию были включены 175 тыс. чел. или 0,5 % всех получателей карточек, к декабрю 1944 г. – 1602 тыс. чел. или 3,4 %<sup>2</sup>. В промышленности Западной Сибири эта группа тружеников тыла являлась наиболее многочисленной. В январе 1943 г. в Новосибирске, Кемерово и Сталинске карточками повышенной нормы обладали 186 тыс. шахтеров, металлургов, работников «горячих» и «вредных» цехов оборонных и гражданских предприятий, особо повышенной нормы – 11,9 тысяч<sup>3</sup>. В августе 1944 г. на новосибирском заводе № 759 Наркомата химической промышленности (НКХП) по 800 г. хлеба в день получали 107 рабочих или 30,8 %, по 1000 г. – 35 чел. или 10,0 %<sup>4</sup>. В целом по данным категориям продукты питания получали немногие труженики военно-промышленного производства.

Социальное неравенство в сфере нормированного потребления являлось одним из основных факторов повышения мотивации к занятости в военной индустрии. «На завод меня привел старший брат Алексей. Мне было 13,5 года. Пришел на завод ради хлебной пайки»<sup>5</sup> – вспоминал бывший рабочий красноярского завода № 4 Наркомата вооружения А. В. Волков. Ветеран новосибирского завода № 386 НКБ А. М. Романова в воспоминаниях отмечала: «... я проработала табельщицей недолго и решила пойти в работницы, чтобы получать рабочую хлебную карточку»<sup>6</sup>. В первом случае речь идет о трудоустройстве подростка, во втором – о переходе девушки-служащей в рабочие. В обоих случаях мотив поступка объяснялся стремлением обеспечить себя хлебом. Фактически же имели место перемещения из низших категорий снабжения в более высокие, что позволяло людям улучшить шансы на выживание. В военное время в эти процессы были вовлечены сотни тысяч незанятых горожан и селян, прибывавших на предприятия крупных городов Сибири по призыву или вольному найму. Введенные в

---

<sup>1</sup> Подсчитано по: *Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны*. Стат. сб. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php> (Дата обращения 1 августа 2016 г.).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> *Исупов В. А.* Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. С. 322.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 21. Л. 92, 95.

<sup>5</sup> Цит. по: *Шевченко В. Н.* Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. С. 157–158.

<sup>6</sup> «Доля на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 96.

действие натуральные стимулы способствовали крупномасштабной мобилизации людского потенциала в военную экономику региона.

После поступления на заводы новые рабочие были вынуждены адаптироваться к тяжелому труду и барачному быту. Одиннадцатичасовая смена и жесткий ритм производственных операций сопровождалась колоссальной физической нагрузкой, требовавшей высококачественного питания. Но в действительности оно являлось настолько низкокалорийным, что вызывало постоянное недоедание и иногда серьезные заболевания. В 1942 г. в столовых новосибирского завода № 69 НКВ энергетическая ценность одного обеда без хлеба составляла 335 килокалорий, в 1943 г. – 338, в 1944 г. – 440 килокалорий. В течение 1943 г. в системе общепита Красноярска данный показатель увеличился лишь с 654 до 682 килокалорий<sup>1</sup>. При трехразовом употреблении пищи вместе с хлебным пайком общий рацион едва достигал физиологического минимума взрослого человека (1800–2000 килокалорий). Продовольственный минимум спасал работников от смертельного голода, но не позволял компенсировать их колоссальные трудозатраты. Данное обстоятельство существенным образом ослабляло трудовую мотивацию промышленного персонала.

Экстремальные условия жизни приводили к возникновению в неоднородной рабочей среде различного спектра критических настроений. Эти настроения выявлялись бригадами инструкторов центральных или региональных комитетов партии и комсомола во время проверки предприятий. Так, по итогам одного из посещений комбината № 179 НКБ функционеры Новосибирского обкома ВКП(б) зафиксировали следующие высказывания: «Я могу выдать 200, 300 и 500 % нормы за смену, только питание надо улучшить» (токарь Куребин); «Я дам и 500 % нормы после улучшения питания в столовой. А то приходится за 15–18 часов есть один раз и то чай или суп» (токарь Бутенко)<sup>2</sup>. В этих высказываниях отчетливо видна готовность кадровых рабочих к повышению производительности труда при условии адекватного продовольственного снабжения.

В отличие от опытных производственников, реакция юных тружеников на материально-бытовые проблемы зачастую принимала форму пассивного протеста. В 1942 г. по сведениям инструктора Новосибирского обкома комсомола Хесиной среди рабочей молодежи завода № 564 НКБ «появились разговоры и толкования, если не создадут условий, убежим и случаев убега

---

<sup>1</sup> Шумилов В. Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). П-26. Оп. 4. Д. 19. Л. 2.

<sup>2</sup> Цит. по: Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 365–366.

очень много»<sup>1</sup>. В 1943 г. комсорг завода № 65 НКБ Некрасова в справке, адресованной Новосибирскому горкому ВЛКСМ, сообщала: «... ребята, которые прожили зиму 1942/43 г. в тяжелых материальных условиях бегут по 15–22 чел. в день, заявляя, что мы все разбежимся»<sup>2</sup>. Эти данные свидетельствуют о стремлении ряда несовершеннолетних рабочих к нарушению трудовой дисциплины, обусловленному повседневными тяготами и лишениями.

Преобладание в составе заводских кадров юношей и девушек способствовало распространению в промышленности девиантного поведения. В январе – октябре 1942 г. на предприятиях Новосибирска было установлено 36 тыс. дисциплинарных нарушений, в том числе 4,1 тыс. опозданий, 21,1 тыс. прогулов, 10,8 тыс. самовольных уходов. В первом полугодии 1943 г. в Омске на заводах № 29 Наркомата авиационной промышленности (НКАП) и № 174 Наркомата танковой промышленности (НКТП) отделы кадров зафиксировали не менее трех тысяч случаев «дезертирства»<sup>3</sup>. За 1942–1944 и первый квартал 1945 г. из военной индустрии Красноярска ушли 18,6 тысяч человек<sup>4</sup>. Основная масса правонарушителей состояла из молодежи с трудовым стажем не более одного года.

В сложившейся в условиях продовольственного кризиса социально-трудовой ситуации перед центральными, местными органами власти, общественными организациями и заводским руководством стояли две важные задачи. С одной стороны, были необходимы дополнительные натуральные стимулы для перевыполнения норм выработки потенциальными стахановцами и ударниками. С другой стороны, следовало материально мотивировать неустойчивых рабочих к соблюдению жесткого производственного режима. От решения этих задач зависело сохранение и усиление их первоначальной мотивации для обеспечения роста производительности труда и укрепления дисциплины.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.

<sup>2</sup> Там же. Ф. П-198. Оп. 1. Д. 186. Л. 182.

<sup>3</sup> *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 6. Д. 111. Л. 144–145; Ф. П-17. Оп. 122. Д. 33. Л. 11.

<sup>4</sup> *Шевченко В. Н.* Сибирский арсенал Победы... С. 96.

### Натуральные стимулы высокопроизводительного труда

В военное время повышение норм выработки на предприятиях материально стимулировалось за счет дополнительного продовольственного обеспечения. С мая 1942 г. в меню стахановцев и ударников стали включаться вторые блюда и порции хлеба, выдававшиеся не по карточкам, а отдельным талонам. В октябре 1942 г. с подачи советского правительства все труженики, перевыполнявшие задания по изготовлению изделий оборонного значения, получили право на первоочередное приобретение карточных пайков, а также горячее питание сверх установленных продуктовых лимитов. Усиление социально-производственной дифференциации снабжения способствовало развитию оформившейся к концу 1941 г. системы натуральных стимулов в направлении преимущественного поощрения высокопроизводительного труда. Особую роль здесь играл вес хлебной пайки, варьировавшийся не только в зависимости от отраслевой принадлежности и условий занятости, но и показателей выпуска продукции для фронта. Сто или двухсотграммовые надбавки к суточной норме потребления основного продукта, полагавшиеся передовикам, повышали их шансы на выживание. Стахановская порция хлеба в различных категориях снабжения до 21 ноября 1943 г. являлась больше обычной на 8–33 %, позднее – на 10–40 % (см. табл. 3). Хлебные «премии» и вторые обеды давали возможность стахановцам рассчитывать на более удовлетворительное питание, чем рабочим без почетных званий.

Таблица 3

Нормы снабжения хлебом стахановцев и ударников на предприятиях СССР с мая 1942 г. (в граммах)

Категории снабжения	Нормы снабжения стахановцев		В том числе			
			По карточкам		Без карточек	
	до 21.11 1943 г.	после 21.11 1943 г.	до 21.11. 1943 г.	после 21.11. 1943 г.	до 21.11. 1943 г.	после 21.11. 1943 г.
особо повышенная	1300–1400	1100–1200	1200	1000	100–200	100–200
повышенная	1100–1200	900–1000	1000	800	100–200	100–200
особого списка	900–1000	850–900	800	650–700	100–200	100–200
промышленности, транспорта и связи	700–800	600–700	600	500	100–200	100–200

Составлено по: Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 134–135.

За годы войны руководство предприятий перевело на бескарточное снабжение значительную часть производственного персонала. В конце 1942 г. в СССР второе горячее питание получали 0,6 млн. чел., конце 1943 г. – почти три миллиона, а в начале 1945 г. – около шести миллионов человек. В ведущих отраслях промышленности расширенным меню было охвачено 60–70 %

рабочих, занимавшихся изготовлением конечной оборонной продукции<sup>1</sup>. На важнейших предприятиях сибирского тыла контингент заводчан, потреблявший наиболее калорийную пищу, также отличался многочисленностью. В 1942 г. на красноярском заводе № 477 НКАП по повышенным нормам регулярно питались двести – триста передовиков<sup>2</sup>. В феврале 1943 г. на новосибирском заводе № 617 Наркомата электропромышленности (НКЭП) на сверхлимитном обеспечении находилось 1036 работников или 35,5 %, в том числе семьсот стахановцев или 24,0 %<sup>3</sup>. В 1944 г. на комбинате № 179 НКБ дополнительные обеды ежедневно выдавались в среднем 11700 производственникам (половина трудового коллектива), «премиальные» сто грамм хлеба – 4500 (одна пятая)<sup>4</sup>. К концу войны эти натуральные стимулы стали оказывать широкое влияние на рабочую массу, побуждая ее к стахановским рекордам.

Становление механизма продовольственного поощрения ударного труда в военно-промышленных центрах Сибири происходило постепенно. Первоначально (май – октябрь 1942 г.) он распространялся в основном на персонал, временно мобилизованный на выполнение плана. 21 мая 1942 г. руководство Наркомата боеприпасов СССР перевело на казарменное положение коллектив комбината № 179 НКБ для ликвидации отставания предприятия от производственного графика. Один из способов его успешной реализации виделся «в выделении дополнительного питания для рабочих, перевыполняющих нормы и остающихся для работы во вторую смену»<sup>5</sup>. 20 августа 1942 г. директор завода № 617 НКЭП утвердил неотложные меры по улучшению деятельности инструментального цеха. В частности, помощник директора Петренко обязался организовать трехразовое питание для 15 рабочих-инструментальщиков, выполнявших сверхурочные задания<sup>6</sup>. Следовательно, дополнительные обеды эпизодически выдавались лишь трудящимся, остававшимся на рабочих местах до полного осуществления месячной программы производства.

Осенью 1942 г. заводское руководство перешло к постоянному применению введенных ранее практик стимулирования стахановцев и ударников независимо от условий и режима их занятости. С конца октября передовики комбината № 179 НКБ, кроме основного меню, каждую смену получали стакан молока и пирожок<sup>7</sup>. В феврале 1943 г. на новосибирском заводе «Труд»

---

<sup>1</sup> Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 133.

<sup>2</sup> ГАКК. Ф. Р-1341. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.

<sup>3</sup> ГАНУ. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 8. Л. 53, 54.

<sup>4</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 175. Л. 36.

<sup>5</sup> ГАНУ. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 15. Л. 137.

<sup>6</sup> Там же. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

<sup>7</sup> Там же. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 19. Л. 61.

Наркомата цветной металлургии (НКЦМ) производственникам, перевыполнившим нормы, стали выдаваться два блюда при сохранении карточного пайка<sup>1</sup>. С этого времени на заводе № 617 НКЭП продуктовые талоны распределялись между рабочими за выработку, превышавшую ее средний показатель на той или иной операции, технический брак, сниженный на один процент по сравнению с его нормой. Начальникам смен, технологам, мастерам, бригадирам и служащим талоны вручались за успешное выполнение суточного задания<sup>2</sup>. Принятые меры позволили дирекциям предприятий увеличить численность тружеников, обеспеченных дополнительным питанием.

В 1943 г. данный механизм усиления трудовой мотивации заводчан получил дальнейшее развитие. В рассматриваемый период в крупных промышленных городах Сибири в систему стахановского снабжения был внедрен принцип сдельно-прогрессивной оплаты труда. С апреля 1943 г. на новосибирском комбинате № 179 НКБ за выработку одной нормы к хлебной пайке полагалась надбавка весом сто грамм, более одной – двести грамм. Во «вредных» и «горячих» цехах предприятия эти надбавки либо удваивались, либо к ним добавлялись горячие блюда, также не включавшиеся в карточные лимиты. В цехе № 12 при выполнении сменного задания от 100 до 114 % выдавалось одно блюдо и сто грамм хлеба, от 115 до 124 % – два блюда и сто грамм хлеба, от 125 % и выше – два блюда и двести грамм хлеба. В 1944 г. стахановцам комбината было предоставлено без вырезки талонов из карточек 4265,7 тыс. блюд и 1658,6 тыс. стограммовых порций хлеба<sup>3</sup>. Победившие в соцсоревновании цеха поощрялись семенным картофелем, поросятами и рыбой, полученными за счет подсобного хозяйства и децентрализованных заготовок. Эти натуральные премии позволяли лучшим цеховым коллективам в меньшей степени зависеть от системы централизованного жизнеобеспечения.

Чтобы заслужить максимальное вознаграждение требовалось не только повысить выработку, но и планомерно выполнять месячную программу. С этой целью на предприятиях устанавливались почетные звания, с помощью которых из общей стахановской массы выделялись «лучшие из лучших» – «стахановцы военного времени», «гвардейцы трудового фронта». В 1943 г. на омском заводе № 29 НКАП было введено звание «стахановца-гвардейца сталинского графика». Данный престижный статус могли завоевать трудящиеся, не имевшие сбоев в реализации графика выпуска изделий для фронта. Занявшие такую позицию производственники получали солидный по меркам во-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1092. Оп. 1. Д. 116. Л. 144.

<sup>2</sup> Там же. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 8. Л. 55, 56.

<sup>3</sup> Там же. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 10, 11.

енного времени материальный «бонус» – два килограмма хлеба и два талона на дополнительное питание<sup>1</sup>. Его наличие свидетельствовало о дальнейшей дифференциации снабжения, выступавшего инструментом стимулирования высокопроизводительного труда.

Рост социального неравенства при распределении продуктовых фондов усиливал заинтересованность персонала в повышении производственных показателей. Ветеран Томского подшипникового завода Е. Р. Квятковский отмечал, что в столовой часто кормили супом с мороженой капустой, несколькими картофелинами, перловкой и хлопковым маслом. По его воспоминаниям подростков «выручал» стахановский талон, позволявший немного улучшить питание<sup>2</sup>. Эти талоны зарабатывались за счет расширения и интенсификации станочной работы. На комбинате № 179 НКБ после начала выдачи «хлебных» премий и вторых блюд рабочие Быбина, Васильев, Заева, Крупейченко, Лелюхов, Позднякова, Степанов, Сеницын, Сусойкина, Федченко перешли на обслуживание двух и более станков. На каждом станке они вырабатывали нормы от 100 до 135%. На всем предприятии только с мая по сентябрь 1943 г. число многостаночников выросло в четыре раза<sup>3</sup>. В 1943 – первом полугодии 1944 г. в промышленности Новосибирской области доля стахановцев и ударников поднялась с 20 до 60 %, в том числе двухсотников и многосотников – с 6,5 до 25,0 %, двадцатников – с 3 до 10 %<sup>4</sup>. Одной из основных причин трехкратного увеличения прослойки рабочих с высокой производительностью труда являлось широкое применение на производстве продовольственных стимулов.

Наряду с положительными результатами, дифференциация общественного питания вызвала и отрицательные последствия. Наличие многочисленных категорий потребителей, питавшихся по различным нормам, создавало почву для организационных сбоев и злоупотреблений в сфере «нормированного сервиса». Несмотря на усиление контроля над ней со стороны общественных организаций, периодические недопоставки, нецелевое расходование, воровство и нелегальная продажа продтоваров снижали стимулирующий эффект натуральных поощрений.

По оценке секретаря ЦК ВЛКСМ Сахаровой, в июле 1944 г. средняя энергетическая ценность завтрака, обеда и ужина на ряде заводов и фабрик советского тыла составляла от 1600 до 2000 килокалорий<sup>5</sup>. Питание на уров-

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 119. Л. 11.

<sup>2</sup> *Из истории земли Томской. Кто был для фронта мал.* Сб. документов. Томск, 2003. С. 120. С. 107.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

<sup>4</sup> Букин С. С., Романов Р. Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 215, 233.

<sup>5</sup> РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 236. Л. 59.

не физиологического минимума получала в основном заводская молодежь, которой доставалась лишь небольшая доля дополнительных пайков.

В этих условиях партийные и комсомольские функционеры при проверке сибирских предприятий нередко сталкивались с негативными настроениями среди передовиков. В 1944 г. заведующий отделом рабочей молодежи Красноярского крайкома ВЛКСМ Литвак в аналогичной ситуации зафиксировал высказывание токаря завода «Красный Профинтерн» Матвея Колятного: «Не было такого, чтобы хоть раз не выполнил норму. И что мы видим. За обедом съешь свои 700 гр. хлеба и сутки ждешь следующего обеда. Считается, что у нас есть завтраки, но никто не ходит за ними, потому, что одна черемша с водой и ничем не заправленная. Выпьешь эту баланду, еще больше сердце засосет... Так и живешь, едим один раз в сутки. Как время обеда подходит, все жилки трясутся. Выйдешь из столовой еще больше есть хочется»<sup>1</sup>. В данном случае рабочий стремился обратить внимание проверяющего на несоответствие питания добросовестному труду. Нерешенность этой проблемы ослабляла трудовую мотивацию и вела к распространению дисциплинарных нарушений, в том числе и в среде стахановской молодежи.

Необходимость противодействия нарушителям производственной дисциплины требовала от советского государства и подчиненных ему хозяйственников применения разного рода санкционных мер против незаконопослушных рабочих. Неотъемлемой частью этих мер являлась борьба с прогулами за счет натуральных взысканий.

### **Натуральные стимулы трудовой дисциплины**

В первый период войны (до конца 1942 г.) органы государственной власти и руководство предприятий пытались бороться с массовыми нарушениями трудового законодательства с помощью уголовных и дисциплинарных наказаний, а также денежных штрафов. В октябре 1942 г. советское правительство дополнило действовавший набор санкций практикой уменьшения хлебных пайков осужденным прогульщикам во время отбывания ими исправительно-трудовых работ (ИТР). В данном случае расширение социально-производственной дифференциации снабжения направило развитие созданной системы натуральных стимулов в русло профилактики дисциплинарных проступков на производстве. За прогул из карточек рабочих и специалистов, обеспечивавшихся по нормам особого списка и повышенным нормам, вырезались талоны на 200 г. хлеба, по нормам промышленности, транспорта и связи – на 100 грамм. Эти «штрафные» санкции, являвшиеся весьма ощутимыми, снижали их шансы на выживание. До 21 ноября 1943 г. лимиты выда-

---

<sup>1</sup> ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 34–35.

чи основного продукта питания сокращались для недобросовестных работников на 17–25 %, позднее – на 20–30 % (см. табл. 4). Если в течение месяца наказанные прогульщики не совершали правонарушений, то хлебные нормы восстанавливались до прежнего уровня.

Таблица 4

Нормы снабжения хлебом прогульщиков на предприятиях СССР  
с октября 1942 г. (в граммах)

Категории снабжения	Нормы снабжения прогульщиков					
	До отбывания ИТР		Во время отбывания ИТР		Норма уменьшения пайка	
	до 21.11. 1943 г.	после 21.11. 1943 г.	до 21.11. 1943 г.	после 21.11. 1943 г.	до 21.11. 1943 г.	после 21.11. 1943 г.
особо повышенная	1200	1000	1000	800	200	200
повышенная	1000	800	800	600	200	200
особого списка	800	650–700	600	450–500	200	200
промышленности, транспорта и связи	600	500	500	400	100	100

Составлено по: Орлов И. Б. «Нормированный сервис» в советской повседневности: карточная система // Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 134–135.

В отличие от аналогичных рычагов усиления мотивации к стахановскому труду, механизм продовольственного стимулирования производственной дисциплины сложился в военно-промышленных центрах Сибири более быстрыми темпами. В конце октября – ноябре 1942 г. в промышленности региона была проведена оперативная перерегистрация карточек. В ходе нее администрации предприятий всем наказанным прогульщикам снизили нормы выдачи хлеба. 10 ноября 1942 г. директор новосибирского завода № 759 Наркомата химической промышленности (НКХП) распорядился вместе «с перерегистрацией произвести изъятие /200 гр./ хлебных талонов у лиц приговоренных к исправительно-трудовым работам»<sup>1</sup>. В следующем его ноябрьском распоряжении отмечалось, что на изъятые талоны карточное бюро обязывалось накладывать штампы, свидетельствовавшие об их погашении без отоваривания<sup>2</sup>. В этих нормативных документах устанавливался способ нового материального взыскания, осуществлявшийся с помощью уже привычных инструментов распределения продуктов питания в заводских коллективах. Такая практика взимания натуральных «штрафов» использовалась в советской индустрии вплоть до отмены карточек в 1947 году.

С учетом большого числа прогулов данное наказание с самого начала распространилось на значительный контингент трудящихся. Уже в ноябре и

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 6. Л. 57.

<sup>2</sup> Там же. Л. 58.

первой декаде декабря 1942 г. на 17 предприятиях Омска ста или двухсот грамм хлеба лишились 1280 прогульщиков<sup>1</sup>. В последующие военные годы продовольственные санкции применялись еще более широко. В 1944 г. в Новосибирске на комбинате № 179 НКБ ими были охвачены 2348 чел. или 15% от среднегодовой численности рабочих, на заводе № 230 Наркомата станкостроения (НКСС) – 131 чел. или 34,2%<sup>2</sup>. Эти сведения показывают, что данный натуральный стимул мог оказывать влияние на существенную часть промышленного персонала. Основная масса последней состояла из юных заводчан, испытывавших трудности при адаптации к индустриальному труду и барачному быту.

Наряду с прогрессивной системой стахановского питания, сокращение норм потребления хлеба для прогульщиков усиливало социальное неравенство в сфере жизнеобеспечения тружеников тыла. Данная тенденция способствовала не только повышению выработки, но и укреплению дисциплины. О силе воздействия хлебных санкций на трудовую мотивацию работников свидетельствует численная динамика нарушений режима военного производства после введения этой стимулирующей практики. В 1942 г. в Новосибирске на заводе № 759 НКХП было зафиксировано 307 прогулов, в 1943 г. – 188, в 1944 г. – 177, в 1945 г. – 111<sup>3</sup>. В 1942–1944 гг. на заводе № 230 НКСС количество установленных прогулов сократилось с 260 до 131<sup>4</sup>. В первом случае число дисциплинарных проступков уменьшилось в 2,8 раза, во втором – в два раза. Его значительное снижение обуславливалось постепенным осознанием рабочими потенциальной вероятности ухудшения питания при девиантном поведении на производстве.

Следует отметить, что эта вероятность действовала далеко не на всех производственников. В 1942–1943 гг. на новосибирском заводе № 69 НКВ юного слесаря Логунова за прогулы суд несколько раз приговаривал к исправительным работам сроком от двух до пяти месяцев с вырезкой талонов из хлебной карточки. Но вместо исправления, подросток сбежал с предприятия. На новосибирском заводе № 208 НКЭП молодого станочника Курванова за опоздание на 23 минуты перевели на три месяца в подсобный цех со снижением нормы выдачи хлеба. Однако юноша отказался там трудиться и был осужден как «дезертир»<sup>5</sup>. Несмотря на стимулирование производственной дисциплины, некоторые заводчане, по-прежнему, продолжали недобросо-

---

<sup>1</sup> Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. С. 133.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 85.

<sup>3</sup> Там же. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 17. Л. 48; Д. 24. Л. 39; Д. 31. Л. 47.

<sup>4</sup> Там же. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 71. Л. 9; Д. 85. Л. 9.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1187. Л. 96; Ф. 190. Оп. 2. Д. 797. Л. 31.

вестно относиться к своим профессиональным обязанностям. Большинство «злостных» нарушителей трудового законодательства относилось к юному поколению, оставшемуся на протяжении военного времени одной из малоуправляемых групп рабочего класса.

\*\*\*

В годы Великой Отечественной войны крупные сибирские города, выполнявшие функцию военно-промышленных центров советского тыла, переживали острый продовольственный кризис. Данное явление оказало глубокое трансформационное влияние на сферы повседневной жизни городского населения, включая трудовую деятельность. В частности, важным элементом этого процесса стало изменение материальных стимулов труда в сторону ослабления денежного и усиления натурального их компонента. На фоне нарастания кризисных тенденций, осенью 1941 г. в индустриальных центрах Сибири сложилась карточная система, игравшая с экономической точки зрения роль нового механизма стимулирования занятости. В его основе лежало приоритетное снабжение продуктами питания работников стратегически важных отраслей и участков военного производства. Распределяя продовольствие по социально-производственному критерию, советское государство приступило к выстраиванию в обществе особой стратификации, мобилизующей людской потенциал в народное хозяйство. Инструментом этой мобилизации являлось осязаемое неравенство шансов на физическое выживание, усиливавшие у незащитного населения мотивацию к производственной деятельности.

В целом применявшийся стимул обеспечил привлечение неиспользованных трудовых ресурсов в экономику сибирского тыла. Однако продовольственный кризис быстро размывал мотивационную основу занятости, что выражалось в распространении среди рабочих критических настроений и форм пассивного протеста. В попытке снизить градус напряженности в социально-трудовой ситуации советские «менеджеры» сделали ставку на совершенствование сконструированной ими стратификации общества, еще не исчерпавшей свои мобилизационные возможности. В конце 1942 – первой половине 1943 г. неравенство шансов на физическое выживание было усилено за счет формирования и развития механизмов стимулирования высокой производительности труда и производственной дисциплины. С одной стороны, путем введения дополнительных бескарточных талонов расширилось продовольственное снабжение стахановцев и ударников. С другой стороны, посредством уменьшения числа талонов в хлебных карточках сократилось продуктовое обеспечение прогульщиков. На предприятиях Сибири эти меры дали значительный положительный эффект в плане повышения выработки и сокращения количества прогулов. Вместе с тем, этот эффект отчасти нивелировался как коррупционно-бюрократическими пороками системы распре-

деления продоваров, так и спецификой возрастного состава рабочих кадров оборонной индустрии региона.

В целом военно-промышленные центры сибирского тыла являлись неотъемлемой частью советского социально-экономического пространства, в рамках которого была проверена эффективность натуральных трудовых стимулов в условиях самого острого продовольственного кризиса в СССР второй четверти XX века. Можно отметить их заметную результативность в плане комплектования новых кадров, улучшения показателей выпуска продукции для фронта и профилактики девиантного поведения рабочих. Однако полностью устранить негативные тенденции социально-производственных отношений в промышленности военного времени с помощью применявшихся стимулирующих практик не удалось. Сохранявшиеся на протяжении рассматриваемого периода недостатки системы нормированного снабжения не позволяли стабилизировать положение с питанием, что придавало трудовой мотивации заводского персонала весьма неустойчивый характер.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Букин С. С.* Бюджеты рабочих семей в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сборник научных трудов. Вып. II. Новосибирск, 2004.

*Букин С. С.* Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. 111 с.

*Букин С. С., Исаев В. И.* Новосибирцы. Очерки повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2008. 269 с.

*Букин С. С., Романов Р. Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. 430 с.

*Букин С. С., Тепляков А. Г.* Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 6–34.

*Докучаев Г. А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973.

*Исупов В. А.* Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. 378 с.

*Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. 231 с.

*Кузнецова О. Д., Аверченко М. А.* Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 52–67.

*Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. 525 с.

*Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 317 с.

*Рабочий класс* Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. 375 с.

*Савицкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 449 с.

*Сомов В. А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского района) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19.

*Чуркин А. М.* Мое поколение. Новосибирск, 2006. 299 с.

*Шалак А. В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.

*Шалак А. В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998. 183 с.

*Шевченко В. Н.* Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. 448 с.

*Шумилов В. Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. 180 с.

**R. E. ROMANOV**

**IN THE GRIP OF FOOD CRISIS:  
THE NATURAL INCENTIVES OF WORKERS IN THE SIBERIAN  
MILITARY-INDUSTRIAL MEGALOPOLISES (1941–1945)**

PhD in Historical Sciences, Researcher  
Institute of History of SB RAS

In the article considers the influence of the food crisis on the formation, development and the effectiveness of the natural stimulation mechanisms of industrial workers in the big cities of Siberia during the Great Patriotic War. Shown the role of card-coupon food distribution system in expanding employment, increasing productivity and strengthening discipline in the factories in the region. The author concludes that applied under this system productive incentives were effective in respect of attracting new personnel to military production, growth of manufacture of defense products and prevention of disciplinary offenses in the work environment. At the same time a relatively low level and corrupt bureaucratic vices of normalized supply are remained in the reporting period, one of the factors of labor motivation instability of Siberian enterprises personnel.

*Keywords:* the Great Patriotic War, Siberia, military-industrial megalopolises, food crisis, workers, natural incentives, employment, high-performance labor, industrial discipline.

УДК 314.148

**Е. Е. ТИНИКОВА****ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДСКОГО  
НАСЕЛЕНИЯ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ  
В 1970-Е – 1980-Е ГОДЫ**

канд. ист. наук, старший научный сотрудник  
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

В статье рассмотрены особенности формирования возрастной структуры горожан юга Красноярского края в 1970-е – 1980-е годы, когда в условиях урбанизационного перехода, в регионе произошли радикальные ее изменения. Основной акцент в работе сделан на анализе и сопоставлении соотношения численности разных возрастных групп населения Левобережной и Правобережной части юга края. Анализ выполнен на основе шкалы демографического старения ООН, согласно которой если доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет меньше 4 %, то население считается молодым, если эта доля меньше 7 %, то население находится на пороге старости, а если она равна 7 % и более, то население считается старым. На этом основании сделан вывод, что отличительной особенностью возрастной структуры региона было преобладание молодых когорт населения.

*Ключевые слова:* возрастная структура, трудоспособный возраст, городское население, Хакасия, южные районы Красноярского края.

Целостная картина о демографическом развитии региона не может сложиться без учета возрастной структуры населения, которая оказывает порой решающее влияние на величину всех демографических показателей. В первую очередь, возрастная структура населения является фактором динамики показателей воспроизводства, так как уровень рождаемости и смертности напрямую зависит от соотношения таких возрастных категорий как «дети», «население трудоспособного возраста» и «население старше трудоспособного возраста». В связи с этим возрастная структура населения традиционно является объектом изучения специалистов в области исторической демографии.

В последние годы в условиях роста интереса к исторической урбанистике к проблемам возрастной структуры населения стали обращаться исследователи, интересующиеся городской историей Сибири<sup>1</sup>. Изучением протекания

---

<sup>1</sup> *Копылов И. В.* Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.). // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2013. № 4 (26). С. 259–263; *Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б.* Возрастно-половой состав городского населения Западной Сибири в 1959–1989 гг. // Вестник Новосибирского педагогического университета. Новосибирск, 2015. № 4 (26). С. 38–46; *Урожаева Т. П.* Возрастной состав населения новых индустриальных городов Иркутской области в 1970–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 10 (24). С. 195–198.

демографических процессов в городах Хакасско-Минусинской котловины занимают Т. А. Кискидосова<sup>1</sup> и Е. Е. Тиникова<sup>2</sup>. Однако особенности трансформации возрастной структуры городского населения юга Красноярского края в период формирования крупного Саянского территориально-производственного комплекса до сих пор не являлись предметом отдельного исследования. Вместе с тем, именно в этот период в связи с масштабным индустриальным освоением региона произошел урбанизационный переход, появились новые города и поселки городского типа, расширялось влияние городского образа жизни и городской культуры.

Интенсивное индустриальное развитие региона в 1970-е – 1980-е годы повлияло на изменения возрастной структуры городского населения. Данное явление связано, в первую очередь, с большим притоком мигрантов, прибывавших на строительство объектов Саянском ТПК, большинство из которых располагались либо в городской местности, либо позже стали базой для возведения новых городов.

Возрастную структуру городского населения региона целесообразно сравнивать с общероссийской, с целью выявления ее характерных особенностей. В 1970-е – 1980-е годы здесь, как и в РСФСР в целом, произошли существенные изменения в соотношении численности разных возрастных групп населения, вследствие снижения удельного веса жителей молодых возрастов. Так, согласно Всесоюзным переписям 1959, 1970, 1979 и 1989 г. в РСФСР доля населения трудоспособного возраста (в возрасте от 15 до 59 лет) в 1959 г. составляла 58 %, в 1970 г. – 56 %, 1979 г. – 60 %, 1989 г. – 57 %. Эти данные свидетельствуют о том, что доля населения старше 15 и моложе 60 лет в течение трех десятилетий примерно оставалась на одинаковом уровне. Вместе с тем, удельный вес подрастающего поколения (до 15 лет) неуклонно уменьшался. В 1959 г. он составлял 29 % от всего населения, 1970 г. – 26 %, 1979 г. – 23 %, 1989 г. – 24 %<sup>4</sup>. Численность населения трудоспособного возраста в городе была на 6–8 % выше, чем на селе.

---

<sup>1</sup> Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан, 2012. С. 45–65; Она же. Смертность населения в городских поселениях Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: история. 2015. № 4 (12). С. 98–104.

<sup>2</sup> Тиникова Е. Е. Демографическая ситуация на юге Красноярского края в 1970 – 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 4 (30). С. 173–178; Она же. Влияние миграционных процессов на изменение структуры населения Хакасии в 1970–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 8 (58). С. 180–183.

<sup>4</sup> Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. С. 16–17; Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 30.

Население моложе трудоспособного возраста в городе, напротив, изначально уступало по численности сельским жителям в возрасте до 15 лет. В 1959 г. оно составляло в городе 26 %, на селе – 32 %, в 1970 г. – 23 % и 29 %, в 1979 г. – 22 % и 24 %, в 1989 г. – 24 % и 24 % соответственно<sup>5</sup>. Таким образом, с конца 1970-х годов наметилась тенденция выравнивания доли населения моложе трудоспособного возраста в возрастной структуре городского и сельского населения, что было обусловлено увеличением рождаемости в городе и снижением данного показателя на селе<sup>6</sup>.

На юге Красноярского края также наблюдался процесс снижения удельного веса населения моложе трудоспособного возраста. В Хакасской автономной области в 1959 г. 34 % составляли дети до 15 лет, в 1970 г. – 33 %, в 1979 г. – 26 %, в 1989 г. – 28 %<sup>7</sup>. Хотя этот показатель имел тенденцию к уменьшению, вместе с тем, он был значительно выше общероссийских показателей.

В городской местности доля населения младше трудоспособного возраста в 1959 г. составляла 31 %, в 1970 г. – 30 %, в 1979 г. – 25 %, 1989 г. – 27 %<sup>8</sup>. Эти цифры свидетельствуют о том, что на протяжении 1960-х – 1980-х годов численность данной возрастной категории в городе неуклонно снижалась, хотя по сравнению с общесоюзными показателями численность населения моложе 15 лет в составе всего населения юга края была на три – семь процентов выше.

В Минусинском районе ситуация складывалась несколько иначе. В двух городских поселениях района – г. Минусинске и поселке городского типа Зеленый Бор – в возрастной структуре населения количество детей до 15 лет уже в 1970-е годы начало резко снижаться. Так, уже в 1979 г. данная возрастная категория составляла не более 21 % населения, что было даже ниже общероссийских показателей. Всесоюзная перепись показала, что численность детей шестилетнего возраста составляла всего девятьсот человек<sup>9</sup>. В 1989 г. ситуация несколько исправилась, что было обусловлено увеличе-

---

<sup>5</sup> *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.* Т. 2. С. 18–19; *Демографический ежегодник СССР.* 1990. С. 31–32.

<sup>6</sup> *Тиникова Е. Е.* Демографическая ситуация на юге Красноярского края в 1970 – 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 4 (30). С. 175.

<sup>7</sup> *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.* Т. 2. С. 81; *Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. С. 12.

<sup>8</sup> *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.* Т. 2. С. 81; *Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. С. 15.

<sup>9</sup> *Архив города Минусинска.* Ф. 372. Оп. 1. Д. 1059. Л. 9.

нием рождаемости в середине 1980-х годов. Доля населения младше трудоспособного возраста увеличилась до 26 %<sup>10</sup>.

Возрастная структура городского населения Курагинского района также имела ряд особенностей. Во-первых, доля населения младше 15 лет здесь была выше, чем по стране, и даже Хакасии. В 1959 г. она составляла 32 %, в 1989 г. – 29 %. Во-вторых, численность горожан этого возраста превышала численность сельского населения. Так, в 1989 г. в сельской местности она составляла 27 % от всего населения, а в городе – 29 %<sup>11</sup>.

Главным эволюционным изменением возрастной структуры населения страны стала тенденция к его старению, то есть увеличение доли пожилых людей (старше 60 лет) в общей численности населения. В 1959 г. она составила 9 % (в городской местности – 7,6 %, в сельской – 10,5 %), в 1970 г. – 11,9 % (в городе – 10,6 %, на селе – 14,1 %), в 1979 г. – 13,7 % (в городе – 12,2 % и 17 % на селе), в 1989 г. – 15,3 % (в городе – 14,2 %, на селе – 18,4 %)<sup>12</sup>.

Цифры свидетельствуют о постоянном росте доли лиц старше 60 лет. Причем в 1989 г. в сельской местности она достигла 18,4 %, то есть почти каждый пятый сельский житель СССР был старше 60 лет. В городе данный показатель традиционно был ниже, несмотря на более высокую рождаемость на селе. Этот показатель нивелировался массовой миграцией молодежи в городскую местность.

В Хакасской автономной области удельный вес населения старше трудоспособного возраста в 1959 г. составлял 7,3 % (в городе – 6,8 %, на селе – 7,9 %), в 1970 г. – 12 % (в городе – 11,4 %, на селе – 12,8 %), в 1979 г. – 12,6 % (в городе – 11,6 %, на селе – 14,7 %), в 1989 г. – 15,2 % (в городе – 14,3 %, на селе – 17,3 %)<sup>13</sup>. В целом, в Правобережье также наблюдалась тенденция старения населения. Причем, если в 1959 и 1979 г. данный показатель был ниже, чем общероссийский, то в 1989 г. они сравнялись.

Подобным образом выглядела возрастная структура городского населения Минусинского района, где на долю населения старше трудоспособного возраста в 1979 г. приходилось 13,2 %, а в 1989 г. – 14,2 %<sup>14</sup>. В Курагинском районе в городской местности доля населения старше 60 лет в 1959 г. со-

<sup>10</sup> *Архив города Минусинска*. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1059. Л. 10.

<sup>11</sup> *Архивный отдел администрации Курагинского района*. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 142. Л. 130; Д. 806. Л. 9–12; Д. 814. Л. 73–76.

<sup>12</sup> *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.* Т. 2. С. 16–17; *Демографический ежегодник СССР*. 1990. С. 30–31.

<sup>13</sup> *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.* Т. 2. С. 16–17; *Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. С. 12, 15, 18.

<sup>14</sup> *Архив города Минусинска*. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1059. Л. 9–10.

ставляла 7,2 %, в 1970 г. – 11,6 %, в 1989 г. – 16 %<sup>15</sup>. То есть среди городских поселений юга Красноярского края именно поселения Курагинского района отличались высокой концентрацией населения старше трудоспособного возраста.

Особенностью возрастной структуры в СССР было также скрытость процесса постарения населения. В 1970-е – 1980-е годы ежегодная смертность в стране была относительно небольшой, что было связано с низкой численностью пожилых людей. Огромная часть этих поколений погибла в войнах и сталинских ссылках. В результате, существенной разницы между рождаемостью и смертностью относительно высоким был естественный прирост населения. Если бы таких потерь не было, то, по мнению исследователей, естественный прирост населения сменился бы его убылью еще в 1970 году<sup>16</sup>.

Половая диспропорция населения, особенно в старших возрастах являлась еще одной характерной чертой развития возрастной структуры населения в рассматриваемый период. Она отличалась крайне низкой долей мужчин в возрасте 60 лет и старше.

В половозрастной структуре населения РСФСР во второй половине XX в. просматривается следующая тенденция. До 34 лет количество мужчин незначительно превышало количество женщин. С 34 до 59 лет количество женщин начинало постепенно превосходить численность мужского населения, а после 60–65 лет женщин уже становилось в два раза больше, чем мужчин.

В 1989 г. женщин в возрасте 30–34 года было 6389950 чел., мужчин – 6472869 (то есть наблюдался незначительный численный перевес мужского населения). В возрастной группе 35–39 лет женщин было больше, чем мужчин на 41473 человек. В возрасте 65–69 лет женщин было уже в полтора раза больше мужчин<sup>17</sup>.

В Хакасской автономной области сложилась кардинально иная ситуация. Здесь в 1970 г. численный перевес женщин наблюдался уже с 16–19-летнего возраста, причем за счет городского населения. В городе на 1000 мужчин данного возраста приходилось 1177 женщин, в то время как на селе – 821. Однако вследствие миграции мужчин из деревни в возрасте 20–35 лет, в городских поселениях в этой возрастной группе преобладали мужчины, а на селе – женщины. В 1979 г. численность женщин превышала численность мужчин начиная с 45–49 лет, в 1989 г. – с 50–54 лет<sup>18</sup>.

<sup>15</sup> Архивный отдел администрации Курагинского района. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 142. Л. 130; Д. 806. Л. 9–12; Д. 814. Л. 73–76.

<sup>16</sup> Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 213.

<sup>17</sup> Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 30.

<sup>18</sup> Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. С. 43.

В городах Правобережья численный перевес женщин согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г. был зафиксирован с 45 лет. В целом среди сельского и городского населения он наблюдался лишь после 50 лет<sup>19</sup>. Эти цифры подтверждали тот факт, что соотношение мужского и женского населения проявляется особенно ярко.

В целом, к 1989 г. половозрастная структура городского населения юга Красноярского края имела качественные характеристики, отраженные в таблице 1. Подобного рода половозрастную структуру населения, согласно шкале демографического старения ООН, можно с уверенностью назвать старым, так как доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляла более 7%. Несмотря на то, что ситуация в городах в целом складывалась более благополучно, здесь также процент населения старше трудоспособного возраста был выше 12%. Особенно высокой являлась доля стареющего населения среди женщин, так как значительная масса мужчин просто не доживала до пенсионного возраста. Вместе с тем, доля детей до 15 лет все же превышала процент стареющего населения.

Таблица 1

Половозрастная структура населения юга Красноярского края  
в 1989 году, %\*

Возраст, лет	Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
< 15	28	26	33	29
16–60	64	54	57	46
> 60	8	20	10	25

\* Рассчитано по: *Сборник* по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. С. 16, 17, 19, 20; АОАКР. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 806. Л. 9–12; Д. 814. Л. 73–76; АГМ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1059. Л. 9–10.

Таким образом, половозрастная структура населения юга Красноярского края характеризовалась, в основном, теми же тенденциями, что и общероссийская. Они в целом заключались в неуклонном старении населения и все большем выравнивании половой структуры. Отличительными особенностями региона являлись более молодой возрастной состав населения и меньший разрыв в численности мужчин и женщин трудоспособного возраста, что свидетельствует о более благоприятной демографической ситуации.

<sup>19</sup> Архивный отдел администрации Курагинского района. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 806. Л. 9–12; Д. 814. Л. 73–76; Архив города Минусинска. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1059. Л. 9–10.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боже-Гарнье Ж.* Очерки по географии городов. М., 1967. 424 с.
- Вишневецкий А. Г.* Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. 608 с.
- Демографический ежегодник СССР.* 1990. М., 1990. 639 с.
- Динамика естественного движения населения Республики Хакасия.* Абакан, 2008. 38 с.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2.* М., 1972. 576 с.
- Кискидосова Т. А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан, 2012. 312 с.
- Кискидосова Т. А.* Смертность населения в городских поселениях Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: история. 2015. № 4 (12). С. 98–104.
- Копылов И. В.* Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.). // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2013. № 4 (26). С. 259–263.
- Лызденова В. В., Дашинамжилов О. Б.* Возрастно-половой состав городского населения Западной Сибири в 1959–1989 гг. // Вестник Новосибирского педагогического университета. Новосибирск, 2015. № 4 (26). С. 38–46.
- Куцев Г. Ф.* Новые города: социологический очерк на материалах Сибири. М., 1982. 269 с.
- Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968. 510 с.
- Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям.* Абакан, 1991. 54 с.
- Тиникова Е. Е.* Влияние миграционных процессов на изменение структуры населения Хакасии в 1970 – 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 8 (58). С. 180–183.
- Тиникова Е. Е.* Демографическая ситуация на юге Красноярского края в 1970 – 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 4 (30). С. 173–178.
- Урожаева Т. П.* Возрастной состав населения новых индустриальных городов Иркутской области в 1970 – 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 10 (24). С. 195–198.

**E.E TINIKOVA**

**SPECIFICS OF THE AGE STRUCTURE OF URBAN POPULATION  
OF THE SOUTH OF THE KRASNOYARSK TERRITORY  
IN THE 1970-IES – 1980-IES**

PhD in Historical Sciences, senior researcher  
Khakass research Institute of language, literature and history

In the article the peculiarities of formation of the age structure of residents of the South of Krasnoyarsk region in the 1970-ies – 1980-ies, when the conditions of urbanization in the region witnessed its changes. The main focus of the work done on the analysis and comparison of the proportion of different age groups of the population left-Bank and right-Bank part of the South region. The analysis is performed on the basis of a scale of demographic ageing of the UN, according to which if the proportion of persons aged 65 years and older is less than 4 %, the population is considered young if the proportion is less than 7 %, the population to be on the threshold of old age, and if it is equal to 7 % or more, the population is considered old. On this basis it is concluded that the distinctive feature of the age structure of the region was the prevalence of young cohorts of the population.

Key words: age structure, working age, urban population, Khakassia, southern districts of the Krasnoyarsk territory.

**ВОЙНЫ В ЗЕРКАЛЕ АНАЛИТИКИ И ПРОПАГАНДЫ**

УДК 94(47).084.8. 94(100)"1939/45"

**И. Э. МАГАДЕЕВ****КРАСНАЯ АРМИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА  
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ  
ВОЕННЫХ (ИЮНЬ 1941 – ФЕВРАЛЬ 1943 ГГ.)**

канд. ист. наук, доцент

Московский государственный институт международных отношений

Статья посвящена выявлению эволюции оценок боеспособности Красной армии и ситуации на советско-германском фронте военными и разведывательными органами Великобритании, а также их места в общей стратегии Великобритании в июне 1941 – феврале 1943 года. На основе документов Национального архива Великобритании и новейших сборников документов, показана радикальная трансформация британских оценок (от ожиданий быстрого краха СССР до перспектив его доминирования в Восточной Европе после войны) и характерные черты видения Лондоном положения на «русском фронте». Автор делает вывод, что британское руководство рассматривало этот фронт, прежде всего, исходя из собственных интересов. Оно выстраивало рискованную стратегию, базировавшуюся на том, что Красная армия сдержит основные силы Германии и преградит путь последней в стратегически важные для Великобритании регионы.

*Ключевые слова:* Красная армия, СССР, Великобритания, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, советско-германский фронт, оценки боеспособности.

Анализ боеспособности сил союзника в ходе любых коалиционных войн является важным фактором, влияющим не только на восприятие руководством того или иного государства общей стратегической ситуации на фронтах, но и на принятие им собственных решений. В этом смысле не была исключением и Вторая мировая война, в которой страны антигитлеровской коалиции (как, впрочем, и «оси») внимательно изучали и оценивали шансы своих союзников на победу или поражение на том или ином участке глобального вооруженного противостояния.

Целью данного исследования является выявление характерных черт оценок боеспособности Красной армии (КА) и ситуации на советско-германском фронте британскими военными (Комитет начальников штабов (КНШ), Военное министерство, британская военная миссия в Москве) и разведывательными (Объединенный разведывательный комитет (ОРК)) органами. Анализируются эволюция британских военных оценок, их место в общей стратегии Великобритании в период с июня 1941 по февраль 1943 года. Хро-

нологические рамки исследования охватывают во многом решающий период Великой Отечественной войны – с нападения Германии на СССР до начала коренного перелома в войне, ознаменованной победой под Сталинградом.

Новизна исследования определяется как его источниковой базой, так и выбранной научной проблематикой. Статья основана на малоизученных в отечественной (отчасти зарубежной) историографии материалах Национального архива Великобритании (фонд Кабинета министров и Комитета начальников штабов), а также архивных документах, опубликованных в новейшем сборнике «Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников», подготовленном коллективом авторов из МГИМО МИД РФ<sup>1</sup>. На фоне обширной отечественной и зарубежной литературы о ключевых операциях Второй мировой войны, о ходе и перипетиях военных действиях на ее многочисленных фронтах, проблематика восприятия друг друга союзниками по противоборствующим блокам остается менее исследованной. При этом, как отмечается в новейшем фундаментальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», подобная проблематика «становится все более актуальной, причем ее охват весьма широк: от роли, которая придается союзнику в рамках "большой стратегии", до "образа союзника" в общественном сознании и политики его целенаправленного формирования»<sup>2</sup>.

На фоне повышенного внимания в отечественной историографии к истории советско-британских отношений в годы Второй мировой войны на уровне высшего государственного руководства и дипломатических ведомств<sup>3</sup>, в разрезе восприятия друг друга обществами двух стран<sup>4</sup>, количество работ по взаимодействию и взаимным оценкам со стороны военных и разведывательных органов менее значительно<sup>5</sup>. Уклон в сторону изучения отношений СССР и Великобритании на базе материалов МИД Великобрита-

---

<sup>1</sup> *Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников*. М., 2015.

<sup>2</sup> *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. Т. 9. М., 2014. С. 17.

<sup>3</sup> Среди недавних работ см.: *Ржеишевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004; *Печатнов В. О., Магадеев И. Э.* Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1–2. М., 2015; *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М., 2015.

<sup>4</sup> *Поздеева Л. В.* Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000.

<sup>5</sup> *Мяжков М. Ю.* Военные ведомства СССР и Англии в 1941–1945 годах: союз и противоборство // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 67–81; *Великая Отечественная война*. Т. 9; *Печатнов В. О.* Сталинградская битва и проблема второго фронта // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 86–94; *Портнягин Д. И.* Внешняя политика СССР в оценках Объединённого разведывательного комитета Соединённого королевства Великобритании и Северной Ирландии (1944–1947 годы) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 139–145.

нии (Форин Офиса) характерен и для зарубежной историографии<sup>1</sup>. Хотя в ней имеются и фундированные исследования, посвященные британским военным и разведывательным оценкам в отношении Советского Союза в годы Второй мировой войны в целом и его вооруженных сил в частности<sup>2</sup>. Таким образом, проблематика британских оценок боеспособности и состояния Красной армии актуальна и еще недостаточным образом разработана в отечественной историографии.

К 22 июня 1941 г., моменту нападения Германии на СССР, британские оценки в отношении КА и ее возможностей оказать сопротивление вермахту были проникнуты скепсисом. В докладе ОРК от 14 июня отмечалось, что количественно КА являлась внушительной силой (по британским оценкам – 3,5 млн. бойцов и командиров, 18 тыс. танков, 6,5 тыс. самолетов). Однако ее техническое оснащение рассматривалось как устаревшее, а способность противостоять вермахту – как незначительная<sup>3</sup>. Иные документы ОРК и КНШ также строились на допущении о том, что в случае войны СССР продержится от трех до шести недель<sup>4</sup>. Подобные прогнозы совпадали и с настроением премьер-министра и министра обороны У. Черчилля: «... хотя нападение Германии на Россию неизбежно и Россия, несомненно, потерпит поражение ... он будет лезть из кожи вон, чтобы помочь России». Эти мысли его личный секретарь Дж. Колвилл записал в своем дневнике 21 июня<sup>5</sup>.

Первые колоссальные поражения КА, казалось, лишь подтверждали мрачные довоенные прогнозы. В конце июня 1941 г. британская военная разведка в Лондоне строила свои оценки на вероятности кампании вермахта длительностью три – четыре недели и опасалась, прежде всего, доступа, который Германия, как ожидалась, получит к кавказским нефтяным месторож-

---

<sup>1</sup> *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945* / Ed. by G. Ross. Cambridge, 1984; *Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War*. London, 1986; *Folly M. Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940–1945*. London, 2000.

<sup>2</sup> *Smith B. F. Sharing Secrets with Stalin: How the Allies Traded Intelligence, 1941–1945*. Lawrence, 1996; *Kahn M. Measuring Stalin's Strength During Total War: U.S. and British Intelligence on the Economic and Military Potential of the Soviet Union During the Second World War*. Göteborg, 2004; *Searle A. Uneasy Intelligence Collaboration, Genuine Ill Will, with an Admixture of Ideology: The British Military Mission to the Soviet Union, 1941–1945* // *Military Advising and Assistance: From Mercenaries to Privatization, 1815–2007* / Ed. by D. Stocker. London, 2008. P. 61–80.

<sup>3</sup> *Kahn M. 'Russia Will Assuredly Be Defeated': Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential before Operation Barbarossa* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2012. Vol. 25. No. 2. P. 228.

<sup>4</sup> *Gorodetsky G. The Origins of the Cold War: Stalin, Churchill and the Formation of the Grand Alliance* // *Russian Review*. 1988. Vol. 47. No. 2. P. 156.

<sup>5</sup> *Colville J. The Fringes of Power: Downing Street Diaries, 1939–1955*. London, 1985. P. 404.

дениям<sup>1</sup>. Аналогичным настроем – минимизировать возможные приобретения Германии после прогнозируемого поражения СССР – были проникнуты инструкции британской военной миссии, прибывшей в Москву 26 июня. Миссия должна была способствовать продлению советского сопротивления Германии, не допустить перехода в ее руки советского флота. Члены миссии должны были даже попытаться в случае необходимости затопить советские корабли<sup>2</sup>. Те же мотивы заметны в демарше посла Великобритании С. Криппса во время встречи с И. В. Сталиным 21 июля 1941 года. Тогда Криппс впервые поставил вопрос о британской помощи в подрыве нефтяных месторождений на Кавказе<sup>3</sup>.

Первые изменения в подобных оценках стали проступать к концу июля – началу августа 1941 года<sup>4</sup>. Идея о том, что «русские смогут удержать восточный фронт», крайне осторожно была сформулирована в докладе КНШ «Общая стратегия» от 31 июля<sup>5</sup>. Умеренно-оптимистичным, по сравнению с прошлыми суждениями, был и один из выводов еженедельной разведсводки КНШ для Кабинета министров от 7 августа: «Хотя немцы до сих пор удерживают инициативу и осуществили небольшое продвижение (по сравнению с прошлой неделей – *И.М.*) ... русские упорно сопротивляются и не демонстрируют сигналов коллапса»<sup>6</sup>. К началу октября 1941 г. настрой КНШ остался примерно тем же. В сводке от 2 октября, констатируя дальнейшее продвижение вермахта на Украине, ликвидацию основного сопротивления в киевском «котле», КНШ вместе с тем подчеркнул: «Масштаб русских потерь не может быть точно определен, но как бы значительны они ни были, имеющиеся сведения демонстрируют, что сопротивление русских далее на восток от зоны окружения является упорным и эффективным»<sup>7</sup>.

Прошедшая с 29 сентября по 1 октября Московская конференция представителей СССР, Великобритании и США, завершившаяся достижением конкретных решений по оказанию материально-технической помощи Советскому Союзу, подтверждала, что наиболее мрачные прогнозы Лондона не

---

<sup>1</sup> Своими оценками британцы поделились с американской военной разведкой. См.: *Путь к Великой Победе*. С. 47–50.

<sup>2</sup> *Smith B. F. Sharing Secrets with Stalin*. P. 24.

<sup>3</sup> История вопроса позже была суммирована в меморандуме лорда М. Хэнки, главы специального комитета по недопущению стран «оси» к нефтяным месторождениям. См.: W.P. (42) 97, Memo by Hankey, 25/02/1942 // The National Archives of Great Britain (далее – TNA), Cabinet Office (далее – CAB) 66/22.

<sup>4</sup> *Kahn M. From Assured Defeat to 'The Riddle of Soviet Military Success': Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential 1941–1943* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2013. Vol. 26. No. 3. P. 465.

<sup>5</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 59.

<sup>6</sup> W.P. (41) 189, Weekly Resume (No. 101), 07/08/1941 // TNA, CAB 66/18.

<sup>7</sup> W.P. (41) 231, Weekly Resume (No. 109), 02/10/1941 // TNA, CAB 66/19.

оправдались. Анализируя потребности КА в поставке танков, противотанковых и зенитных орудий, военный советник Черчилля генерал-майор Г. Исмей пришел к выводу, что советские производственные возможности «оказались адекватными в рамках довоенных концепций о том, что из себя будет представлять современная война». Однако при формировании последних, с его точки зрения, не до конца учитывался факт «приоритетного значения, которое будут иметь самолеты и танки»<sup>1</sup>. Подобное суждение, хотя и спорное само по себе, звучало относительно оптимистично на фоне британских довоенных оценок оборонно-промышленного потенциала СССР<sup>2</sup>.

Вместе с тем о серьезном снижении градуса обеспокоенности по поводу возможных дальнейших успехов Германии речи не шло. В середине ноября 1941 г. КНШ призывал командующих британскими войсками на Ближнем Востоке и в Индии разработать планы на случай отправки британских сил на Кавказ (две дивизии и восемь эскадрилий), подчеркивая не только геополитическую роль Кавказа (выход в Ближний Восток) и его нефтяные месторождения, но и фактор времени: «Мы полагаем, что даже при наличии сильного сопротивления со стороны русских немцы смогут выйти к Баку в течение трех месяцев после захвата ими плацдарма к югу от Дона. Тем самым мы должны быть готовы передислоцироваться быстро, если хотим оказаться вовремя»<sup>3</sup>.

Военные успехи КА в конце 1941 г. оказали значительное влияние на трансформацию британских оценок. Уже освобождение Ростова-на-Дону (29 ноября) рассматривали в Лондоне как важный сигнал. «На самом южном участке фронта ситуация решительно изменилась в результате событий последних дней», – говорилось в разведсводке КНШ от 4 декабря<sup>4</sup>. Начало контрнаступления под Москвой (5 декабря) вкупе с деблокированием важного ливийского порта Тобрук самими британцами (27 ноября), что стало их первой крупной победой над вермахтом на суше с начала войны, и вовсе настроило британских военных на весьма оптимистичный лад. В меморандуме КНШ «Совместная стратегия с Россией» (5 декабря) не только осторожно упоминалась возможность того, что «русские смогут продолжать сдерживать врага и, в частности, не дать ему прорваться к кавказским нефтяным месторождениям», но и делались далеко идущие выводы: «Поддерживая цельное кольцо вокруг Германии и еще больше изматывая ее, мы и русские не просто уходим от поражения. Мы делаем окончательную победу реальностью»<sup>5</sup>. Менее оптимистичными, но положительными были в кон-

<sup>1</sup> *Military Report by Ismay, 06/10/1941 (in W.P. (41) 238) // Ibid.*

<sup>2</sup> *Kahn M. 'Russia Will Assuredly Be Defeated'. P. 237.*

<sup>3</sup> *From COS to C-i-C (ME), C-i-C (India), 14/11/1941 (in W.P. (41) 274) // TNA, CAB 66/19.*

<sup>4</sup> *W.P. (41) 297, Weekly Resume (No. 118), 04/12/1941 // TNA, CAB 66/20.*

<sup>5</sup> *Путь к Великой Победе. С. 126.*

це 1941 – начале 1942 г. и сведения, поступавшие от немаловажных иностранных информантов британской военной разведки – главы чехословацкой военной миссии в Москве полковника Г. Пика и главы польского правительства в эмиграции В. Сикорского, посетившего СССР в декабре 1941 года<sup>1</sup>.

В феврале 1942 г., когда Форин Офис уже изучал возможные сценарии изгнания вермахта с советских территорий к весне<sup>2</sup>, британские военные смотрели на ситуацию сдержаннее. Глава военной миссии в Москве генерал Ф. Н. Макфарлейн, еще осенью 1941 г. сетовавший Исмэю на недостаток информации о ситуации на советско-германском фронте, предоставляемой советскими Верховным командованием<sup>3</sup>, получил ценную возможность лично ознакомиться с ситуацией на фронте. С 26 по 28 января 1942 г. он осуществил поездку в расположение частей пятой армии в район Можайска.

Вынесенные им впечатления, оперативно сообщенные в Лондон, были двойственными<sup>4</sup>. Отметив приобретение советскими войсками ценного боевого опыта, положительную роль комиссаров, высокий боевой дух, он вместе с тем предостерегал об угрозе отрыва частей от основных линий коммуникаций, критически отзывался о работе штабов и предупреждал, что РККА «окажется весной в тяжелом положении». Против излишнего оптимизма в докладе от 14 февраля 1942 г. предупреждал ценимый британцами наблюдатель – полковник Пика. Он отмечал, что советское контрнаступление постепенно замедлялось, и объяснял это явление четырьмя основными факторами: подтягиванием немцами резервов и строительством укрепленных позиций (их подробному описанию уделял внимание и Макфарлейн); «исключительно суровыми условиями зимы в этом году, которые препятствуют не только немцам, но и русским развивать широкомасштабные стратегические операции»; проблемами с железнодорожными коммуникациями; затрудненностью действий советских ВВС ввиду погодных условий<sup>5</sup>.

Личный визит помог Макфарлейну лучше представить себе тактику боя частей РККА и специфику условий советско-германского фронта. Британский генерал обращал внимание на суровые погодные условия (температура до -40°, значительный снежный покров); значительную широту линии фронта при разреженности дорожной сети, препятствовавшей сосредоточению немцами массивных танковых групп и заставлявшую «распылять» имеющиеся танки; значительную роль пехоты и лыжных отрядов, использо-

---

<sup>1</sup> Reports by Pika, 25/10/1941, 29/10/1941 (in W.P. (41) 256) // TNA, CAB 66/19; *Путь к Великой Победе*. С. 158–162.

<sup>2</sup> См.: *Путь к Великой Победе*. С. 172–176.

<sup>3</sup> *Military Report by Ismay*, 06/10/1941 (in W.P. (41) 238) // TNA, CAB 66/19.

<sup>4</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 170–171, 180–183.

<sup>5</sup> *Report by Pika*, 14/02/1942 (in W.P. (42) 98) // TNA, CAB 66/22.

вавших тактику «проникновения» в ряды противника (нередко без танкового сопровождения). Все эти явления значительно отличались от реалий Западного фронта, как в 1939–1940 г., так и в 1944–1945 годах.

Взоры британских военных были обращены к весне 1942 г. – ожидаемому времени перехода вермахта в контрнаступление. Глава оперативного управления Имперского Генштаба генерал-майор Дж. Кеннеди, обеспокоенный возможным прорывом германских войск в ближайшем будущем через Кавказ в Иран и Ирак, еще 23 февраля записал в своем дневнике: «... мы рискуем, делая ставку на то, что Россия будет хорошо держаться весной и защитит наш северный фланг»<sup>1</sup>. Крах наступательной Харьковской операции КА в мае предвещал ответный удар немцев. В докладе ОРК от 1 июня, получившего одобрение Черчилля, отразилось несколько черт, характерных для британских оценок второй половины 1942 года<sup>2</sup>.

Во-первых, налицо имел место недостаток точной и конкретной информации о КА и о ситуации на советско-германском фронте. Если количество дивизий вермахта ОРК определял точной цифрой (182), то в оценке численности КА разброс был достаточно велик (170–250 дивизий). По сути, на протяжении всей войны британская разведка (в т.ч. благодаря расшифровке немецких кодов) была лучше осведомлена о силах противника, нежели союзника. Во-вторых, в докладе ОРК налицо существовала неопределенность, ощущение того, что война на советско-германском фронте находилась в состоянии «развилки». Британские аналитики, считая, что решающие события развернутся в августе – сентябре 1942 г., исходили из возможности двух совершенно противоположных стратегических сценариев: 1) немцы, не добившись до зимы решительного военного успеха в СССР и при наличии угрозы «англо-американского вторжения с запада», потерпят неожиданный крах (как в 1918 г.); 2) «с другой стороны, не следует исключать возможности краха русских». Неопределенности общей стратегической картины в июне 1942 г., с точки зрения ОРК, способствовало наличие факторов, в определенной степени уравновешивавших преимущества вермахта и РККА: более высокая эффективность бронетанковых соединений, превосходство в командовании, наличие выгодных для наступления позиций у немцев сглаживалось численным превосходством советских войск, успехами эвакуации промышленности на восток, что позволяло снабжать фронт, несмотря на потерю значительных территорий.

На протяжении лета 1942 г. (особенно июля, отмеченного, среди прочего, новым взятием Ростова-на-Дону немцами), когда под массивным уда-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Tamkin N.* Britain, the Middle East, and the 'Northern Front', 1941–1942 // *War in History*. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 324.

<sup>2</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 218–222.

ром вермахта КА отступала к Кавказу и Сталинграду, британские оценки оставались достаточно изменчивыми. Пессимизм и планирование на случай худшего сценария сочетались с подспудным, и постепенно укреплявшимся мнением, что СССР может выстоять. Из вероятности обоих сценариев (крах СССР и выход Германии на Средний Восток к иранским нефтяным месторождениям / способность КА продержаться до наступления холодов) на переговорах с американскими военными в конце июня исходил глава Имперского Генштаба генерал (позднее фельдмаршал) А. Брук<sup>1</sup>. Той же точки зрения придерживались ОРК (доклад от 16 июля) и Черчилль, воодушевленный услышанным от Сталина во время личных встреч в Москве в августе<sup>2</sup>. Однако Брук, посетивший СССР в составе британской делегации, опираясь на свои собственные наблюдения, полученные во время полета над западным побережьем Каспия, был меньше, чем премьер-министр уверен в солидности советских оборонительных порядков<sup>3</sup>.

Сдержанными, но без тревожных нот, оставались и разведсводки КНШ июля – августа 1942 года. Британских военных пугала скорость отступления КА за Дон, в чем они видели проявление того, что «русские не смогли вывести значительные силы к югу от реки» и что «их возможности оказывать способности были тем самым серьезным образом ослаблены» (30 июля)<sup>4</sup>. Подчеркивая силу сопротивления КА в районе Сталинграда (удержание города, «действительно, является крайне важным для обеспечения поставок нефти из Баку в северную Россию по Волге»), британцы с тревогой смотрели на ситуацию на Кавказе: «Скорость немецкого наступления на западном Кавказе ... указывает на некоторую дезорганизацию русских сил» (13 августа)<sup>5</sup>. Даже нередко более оптимистично смотревший на ситуацию полковник Пика, хотя и не исключал последующего перехода КА в контрнаступление, все же предупреждал, что войска, измотанные потерями, отступлениями и умелыми действиями вермахта, «теряют свою храбрость, спокойствие и упорство при удержании отдельных оборонительных позиций» (доклад от 15 августа). Намекая на известный приказ № 227 («Ни шагу назад!», 28 июля), Пика писал о том, что «случаи проявления трусости становятся все более частыми, равно как и кардинальные меры по борьбе с ними»<sup>6</sup>.

На то, что худший сценарий не исключался, указывал целый ряд важных британских документов: директивы КНШ (9 июля) главнокомандующим

---

<sup>1</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 258.

<sup>2</sup> Там же. С. 231–235, 248.

<sup>3</sup> *War Diaries 1939–1945*. Field Marshal Lord Alanbrooke / Ed. by A. Danchev, D. Todman. Berkeley, 2001. P. 305.

<sup>4</sup> W.P. (42) 324, Weekly Resume (No. 152), 30/07/1942 // TNA, CAB 66/27.

<sup>5</sup> W.P. (42) 360, Weekly Resume (No. 154), 13/08/1942 // Ibid.

<sup>6</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 247.

британскими силами на Ближнем Востоке и в Индии держать в уме возможное начало в первой половине октября 1942 г. немецкого наступления (три – пять дивизий при двухстах – трехстах самолетах) из района иранских городов Тебриз и Астара в южном направлении<sup>1</sup>; доклад специального комитета по контролю за нефтью (21 июля), составленный по запросу КНШ, в котором анализировались последствия потери абаданских нефтяных месторождений на юго-западе Ирана<sup>2</sup>; расчеты министерства экономической войны (12 августа), какой объем нефти Германия сможет получить, захватив месторождения Майкопа, Грозного и Баку<sup>3</sup>. Пессимизмом отличалась и информация о ситуации на советско-германском фронте, приходившая в Лондон из американских источников, а также из перехваченных немецких разведывательных сводок<sup>4</sup>. Сведения из польских источников были разнонаправленными. Командующий польскими силами на Востоке генерал В. Андерс был настроен пессимистично, сообщая британцами о том, что «если немцы смогут сосредоточить ... хотя бы три четверти своих усилий от уровня 1941 года, то русские рухнут»<sup>5</sup>. Сикорский в разговоре с Бруком в сентябре полагал, что цели немцев в СССР ограничены (захват Сталинграда и Грозного, но не Баку) и зимой они передислоцируют основные ВВС для налетов на Великобританию<sup>6</sup>.

Тревожные прогнозы о будущем развитии ситуации на советско-германском фронте служили для британского руководства дополнительным резонансом в отказе от идеи открытия второго фронта во Франции в 1943 года. Как свидетельствовал доклад ОРК от 16 июля 1942 г., «страшным сном» британских аналитиков был сценарий, при котором Великобритания, сосредоточивая силы на Британских островах для будущего вторжения во Францию, лишится возможности усилить войска на Ближнем Востоке, если Германия через Кавказ прорвется в этот регион<sup>7</sup>.

На протяжении осени 1942 г., на фоне ожесточенных боев в районе Сталинграда, свидетельствовавших о колоссальной стойкости КА, британские оценки постепенно склонялись в сторону умеренного оптимизма. Уже в конце августа тон разведсводок КНШ был несколько иным. Отмечались значительные потери, которые к этому времени понес вермахт, подчеркивалось, что «немцы, стремясь приблизиться к Сталинграду, продолжают сталкиваться с сильным сопротивлением русских...»<sup>8</sup>. К концу октября для аналити-

<sup>1</sup> From COS to C-i-C (ME), C-i-C (India), 09/07/1942 (in C.O.S. (42) 357) // TNA, CAB 66/27.

<sup>2</sup> C.O.S. (42) 352, Report by Oil Control Board, 21/07/1942 (in W.P. (42) 338) // Ibid.

<sup>3</sup> W.P. (42) 357, Memo by MEW, 12/08/1942 // Ibid.

<sup>4</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 223, 259–260.

<sup>5</sup> Там же. С. 258.

<sup>6</sup> *War Diaries 1939–1945*. Field Marshal Lord Alanbrooke. P. 319.

<sup>7</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 234.

<sup>8</sup> W.P. (42) 368, Weekly Resume (No. 155), 20/08/1942 // TNA, CAB 66/27.

ков КНШ было очевидно, что наступление вермахта стало постепенно выдыхаться. «Немцы продолжают направлять свои основные усилия против Сталинграда и в район Туапсе, а также, в меньшей степени, в район Тереке. На других частях фронта инициатива в руках русских»<sup>1</sup>. Сходили на нет циркулировавшие ранее опасения по поводу крупномасштабного наступления немцев в районе Ленинграда<sup>2</sup>. Идеи о возможной дезорганизации КА также уходили в прошлое. Ликвидация института политкомиссаров (9 октября) рассматривалось британским Военным министерством как проявление того, что «правительство полагается, прежде всего, на Красную Армию и её командный состав»<sup>3</sup>.

С британской точки зрения, даже возможная потеря Сталинграда в конце 1942 г. (учитывая публичные заверения А. Гитлера в этом, в Лондоне полагали, что немцы могут сделать это, невзирая на потери<sup>4</sup>) не будет иметь принципиального значения. В начале ноября КНШ писал о том, что ввиду прекращения зимой сообщения по Волге Сталинград «теперь потерял свое стратегическое значение»<sup>5</sup>. В данном случае сказывалась не только недооценка морального-психологического и политического значения, которая приобрела в это время битва за город на Волге, но и характерная для британских оценок черта – видение ситуации на советско-германском фронте через призму собственных интересов.

Для британских стратегов принципиальным было то, чтобы КА продолжила оттягивать на себя основные силы вермахта («Совершенно очевидно, что именно война в России быстрее всего подтачивает германскую мощь», – без какой-либо двусмысленности констатировал КНШ в конце октября 1942 г.<sup>6</sup>), и не дала бы ему пробиться на Ближний Восток, жизненно важный не только ввиду нефтяных месторождений, но и в качестве «подбрюшья» Индии. В этом смысле идея Черчилля, сформулированная еще 10 июля 1941 г. («до тех пор, пока они сражаются, не так уж важно, где именно проходит линия фронта»<sup>7</sup>), продолжала сохраняться для Лондона свою актуальность. Сценарий, при котором КА была бы отброшена к линии Двина – Волга и потеряла бы Закавказье, не рассматривался ОРК в сентябре 1942 г. как наихудший: главное, чтобы СССР продолжал воевать<sup>8</sup>. Показательна и запись, сделан-

<sup>1</sup> W.P. (42) 493, Weekly Resume (No. 165), 29/10/1942 // TNA, CAB 66/30.

<sup>2</sup> W.P. (42) 471, Weekly Resume (No. 163), 15/10/1942 // Ibid.

<sup>3</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 283.

<sup>4</sup> Там же. С. 286; W.P. (42) 471, Weekly Resume (No. 163), 15/10/1942 // TNA, CAB 66/30; W.P. (42) 477, Weekly Resume (No. 164), 22/10/1942 // Ibid.

<sup>5</sup> W.P. (42) 510, Weekly Resume (No. 166), 05/11/1942 // TNA, CAB 66/30.

<sup>6</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 288.

<sup>7</sup> Там же. С. 53.

<sup>8</sup> Там же. С. 263.

ная генералом Бруком в своем дневнике еще 15 августа: «Хвала небесам, что Гитлер, среди прочих многочисленных ошибок, своим отчаянным наступлением на Сталинград вместо того, чтобы направить фон Паулюса в Персию и на Средний Восток, упустил золотую возможность ... он обнаружил бы перед собой дорогу, практически открытую и лишенную защиты, что вела бы его к одной из величайших стратегических наград»<sup>1</sup>.

Контрнаступление КА под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г. (информация о его подготовке из разных источников доходила до Лондона<sup>2</sup>), уже к концу ноября – началу декабря привнесло значительные изменения в видение британскими стратегами перспектив развития ситуации на советско-германском фронте. Если в конце октября Черчилль в своем меморандуме для Кабинета министров все еще не исключал прорыва вермахта через Кавказ, что поставило бы британцев перед необходимостью вести бои за Иран, Ирак, Сирию и Палестину<sup>3</sup>, то настрой премьер-министра, отразившийся в записке для КНШ от 25 ноября, был значительно более позитивным. Черчилль почти с полной уверенностью предлагал исходить из того, что «русские удержатся к северу от Кавказских гор и сохраняют контроль над Каспием»<sup>4</sup>. Анализируя 8 декабря угрозу немецкого вторжения в Великобританию в 1943 г., КНШ выделял несколько ключевых предпосылок, необходимых для него, во главе с сепаратным советско-германским миром, выводом Германией из СССР основных своих сил, наконец, оккупацией Германией Южного Кавказа. Британские военные резонно приходили к выводу, что симптомов реализации хотя бы одного из этих условий не имелось<sup>5</sup>.

Завершение Сталинградской битвы окружением и капитуляцией шестой немецкой армии (2 февраля 1943 г.), безусловно, заставило британские военные и разведывательные органы наметить возможные перспективы будущего развития ситуации на советско-германском фронте. Оценка ОРК от 15 февраля 1943 г. строилась на идее о том, что «русские уже совершили ряд крупных прорывов в существующей системе немецкой обороны... На данное время нет никаких признаков того, что немцы смогут замедлить русское наступление». Уже тогда ОРК намечал ряд возможных рубежей немецкого отступления, о которых затем более широко будут говорить осенью 1943 г.: Псковско-Чудское озеро – Пинские болота – Днепр, либо еще дальше на запад (Неман – Буг – Днестр / Прут). Более того ОРК, пусть и несколько спекулятивно, уже задумывался о политических последствиях «полного пора-

<sup>1</sup> *War Diaries* 1939–1945. Field Marshal Lord Alanbrooke. P. 305.

<sup>2</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 293.

<sup>3</sup> W.P. (42) 483, Memo by Churchill, 24/10/1942 // TNA, CAB 66/30.

<sup>4</sup> W.P. (42) 543, Note by Churchill, 25/11/1942 // TNA, CAB 66/31.

<sup>5</sup> C.O.S. (42) 439 (O), Report by COS, 08/12/1942 (in W.P. (42) 582) // TNA, CAB 66/32.

жения немцев на Восточном фронте»: просьба Болгарии о вступлении в СССР, переход Румынии под «русское господство», приход коммунистов к власти Венгрии, зависимость от Москвы Финляндии<sup>1</sup>.

Однако КНШ, решив разослать доклад ОРК членам Кабинета министров, предупреждал, что считает его оценки слишком оптимистичными<sup>2</sup>. Ранее на переговорах с американскими военными в Касабланке начальник Штаба ВВС маршал Ч. Портал, стремясь найти аргументы против скорого открытия «второго фронта» в северной Франции, говорил о том, что момент краха Германии «невозможно точно предсказать»<sup>3</sup>. Вместе с тем общее значение победы под Сталинградом осознавалось достаточно четко. В межведомственном докладе «Моральное состояние Германии» (23 февраля), составленном при участии военных министерств и одобренном ими, отмечалось: «Сталинград стал крупнейшим поражением, которое когда-либо терпела немецкая армия; после него русские продолжили свое наступление по всему южному фронту. Ростов и Харьков были снова взяты. На севере было вновь открыто сухопутное сообщение с Ленинградом. Нефтяные поля Майкопа и зерновые запасы Кубани потеряны [немцами]. Промышленный Донецкий бассейн оставлен, а обладание пшеницей Украины находится под серьезной угрозой»<sup>4</sup>. На советско-германском фронте намечался коренной перелом, хотя темпы и характер его завершения предсказать было отнюдь не просто.

Таким образом, самой наглядной чертой при анализе эволюции британских оценок КА и ситуации на советско-германском фронте является их радикальная трансформация в период с июня 1941 г. по февраль 1943 года. От ожиданий скорого и практически неминуемого коллапса СССР британские военные и разведывательные органы пришли к осознанию серьезности удара, нанесенного вермахту. По-настоящему рубежным и ключевым в этом отношении предстает период лета – осени 1942 года. В Лондоне хорошо понимали, что в битвах под Сталинградом и на Кавказе решается во многом и судьба Британской империи. Прорыв вермахта на территорию Ближнего и Среднего Востока при наступлении Японии на Индию на востоке грозил, перифразируя одно из черчиллевских выражений применительно к Германии<sup>5</sup>, «свернуть» карту Британской империи с двух сторон.

Несмотря на все изменения в британских оценках боеспособности КА и шансов СССР на победу, подобные оценки сохраняли и черты постоянства. Можно выделить четыре из них. Во-первых, заметный отпечаток наложили характерные

<sup>1</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 357–367.

<sup>2</sup> W.P. (43) 76, Report by COS, 22/02/1943 // TNA, CAB 66/34.

<sup>3</sup> *Путь к Великой Победе*. С. 349.

<sup>4</sup> W.P. (43) 82, Morale in Germany, 23/02/1943 // TNA, CAB 66/34.

<sup>5</sup> The Churchill Documents / Ed. by M. Gilbert. Vol. 17. Hillsdale, 2014. P. 782.

для тогдашнего британского стратегического мышления идеи о ключевой значимости региона Ближнего Востока и его нефтяных месторождений. «... необходимо максимальное сосредоточение военных усилий для защиты персидских нефтяных полей. Их потеря будет представлять бедствие ...», – говорилось в докладе комитета по контролю за нефтью от 21 июля 1942 года<sup>1</sup>. Во-вторых, британские оценки строились, прежде всего, на базе интересов собственно Великобритании, безусловно, пересекавшихся с интересами СССР в том, что касается борьбы с общим противником, но отнюдь не тождественных последним. Британским военным был необходим «русский фронт», оттягивавший бы на себя немецкие силы и прикрывавший стратегически важные для Великобритании зоны, а где этот фронт будет проходить – вопрос вторичный. Слова телеграммы советского посла в США М. М. Литвинова от 23 июля 1942 г. представляются в этом отношении весьма справедливыми: «Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы до тех пор пока они через год или два, добившись значительного превосходства в авиации, не смогут начать наступательные действия»<sup>2</sup>. В-третьих, в британских оценках 1941–1943 гг. и позже значительным был пласт идей, частично уходящих корнями в реалии, частично – в стереотипы британских военных, которые мало менялись, несмотря на трансформацию военной обстановки. Среди них оставалась убежденность в военно-техническом превосходстве вермахта над КА, относительная «примитивность» и простота (по сравнению с западными стандартами) организации советских вооруженных сил, низкий уровень образования солдат при их высокой стойкости, выносливости, развитой смекалке<sup>3</sup>. Наконец, в-четвертых, характерной чертой британских оценок было то, что они формировались в условиях незначительного количества имевшихся у них информации (в чем сами британцы винили советские власти). «У нас недостаточно сведений о советской военной машине, а те, кто ей управляют, не расположены просвещать нас на сей счет», – писал член британской военной миссии в Москве маршал авиации Дж.Т. Бабингтон в августе 1943 года<sup>4</sup>.

Действуя в подобных условиях, британские военные и разведывательные органы нередко приходили к весьма проницательным выводам, подчеркивавшим высокую квалификацию их сотрудников (к примеру, наблюдения Макфарлейна января 1942 г.), хотя не обходилось и без преувеличений и ошибок (к примеру, выводы ОРК февраля 1943 г.). Самая большая опасность, однако, состояла не в

<sup>1</sup> C.O.S. (42) 352, Report by Oil Control Board, 21/07/1942 (in W.P. (42) 338) // TNA, CAB 66/27.

<sup>2</sup> Цит. по: Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Т. 1. С. 205.

<sup>3</sup> См. подробнее: Kahn M. 'Russia Will Assuredly Be Defeated'. P. 220–240.

<sup>4</sup> Путь к Великой Победе. С. 435.

ошибочности отдельных суждений, а самой рискованности британской стратегии, особенно наглядно проявившейся в 1942 г. Оказывая минимальную помощь СССР, продолжая готовиться к «периферийным» операциям в Средиземноморье, эта стратегия держалась на очень непрочном, с точки зрения самого британского руководства, фундаменте – Красной армии, сражавшейся под Сталинградом и на Кавказе.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 9 / Ред. комиссия: А.О. Чубарьян, М.Ю. Мягков и др. М., 2014. 864 с.*

*Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. М., 2015. 840 с.*

*Мягков М. Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941–1945 годах: союз и противоборство // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 67–81.*

*Печатнов В. О. Сталинградская битва и проблема второго фронта // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 86–94.*

*Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1–2. М., 2015. 656 с., 758 с.*

*Поздеева Л. В. Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000. 306 с.*

*Портнягин Д. И. Внешняя политика СССР в оценках Объединённого разведывательного комитета Соединённого королевства Великобритании и Северной Ирландии (1944–1947 годы) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 139–145.*

*Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников / Под ред. акад. А. В. Торкунова; авт.-сост.: В. О. Печатнов, М. М. Наринский, И. Э. Магадеев. М., 2015. 926 с.*

*Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. 564 с.*

*Colville J. The Fringes of Power: Downing Street Diaries, 1939–1955. London, 1985. 640 p.*

*Folly M. Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940–1945. London, 2000. 237 p.*

*Gorodetsky G. The Origins of the Cold War: Stalin, Churchill and the Formation of the Grand Alliance // Russian Review. 1988. Vol. 47. No. 2. P. 145–170.*

*Kahn M. Measuring Stalin's Strength During Total War: U.S. and British Intelligence on the Economic and Military Potential of the Soviet Union During the Second World War. Göteborg, 2004. 478 p.*

*Kahn M. 'Russia Will Assuredly Be Defeated': Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential before Operation Barbarossa // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25. No. 2. P. 220–240.*

*Kahn M.* From Assured Defeat to ‘The Riddle of Soviet Military Success’: Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential 1941–1943 // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2013. Vol. 26. No. 3. P. 462–489.

*Kitchen M.* British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. London, 1986. 309 p.

*Searle A.* Uneasy Intelligence Collaboration, Genuine Ill Will, with an Admixture of Ideology: The British Military Mission to the Soviet Union, 1941–1945 // *Military Advising and Assistance: From Mercenaries to Privatization, 1815–2007* / Ed. by D. Stocker. London, 2008. P. 61–80.

*Smith B. F.* Sharing Secrets with Stalin: How the Allies Traded Intelligence, 1941–1945. Lawrence, 1996. 307 p.

*Tamkin N.* Britain, the Middle East, and the ‘Northern Front’, 1941–1942 // *War in History*. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 314–336.

*The Churchill Documents* / Ed. by M. Gilbert. Vol. 17. Hillsdale, 2014. – 1652 p.

*The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945* / Ed. by G. Ross. Cambridge, 1984. 316 p.

*War Diaries 1939–1945. Field Marshal Lord Alanbrooke* / Ed. by A. Danchev, D. Todman. Berkeley, 2001. 815 p.

## I. E. MAGADEEV

### **THE RED ARMY AND THE STRATEGIC SITUATION ON THE SOVIET-GERMAN FRONT IN THE BRITISH MILITARY ESTIMATES (JUNE 1941–FEBRUARY 1943)**

PhD in Historical Sciences, assistant professor  
MGIMO-University of MFA of Russia

The article focuses on the questions, how did the British military estimates of the Red Army war-capabilities and the vision of strategic situation on the Soviet-German front evolved, and what place these judgments did occupy in the general strategy of Great Britain during June 1941 – February 1943. Basing on the documents from National Archives of Great Britain and the newest published evidence, author seeks to demonstrate, how radically the British estimates changed (from the expectations of quick Soviet collapse to the ideas about the possible Soviet domination in the Eastern Europe after the war). He also underlines the essential ideas which governed the British vision of the ‘Russian front’. British decision-makers saw it in the light of strategic interests of the British Empire, building its own risky strategy on the idea that the Red Army would held the main German forces and block the way to Wehrmacht to the regions which were essential to London.

*Keywords:* the Red Army, USSR, Great Britain, Great Patriotic War, Second World War, war-capabilities estimates.

УДК 32.019.51

**Н. А. ЗУБКОВ****ИНФОРМАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД  
ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ 2008 Г.**

магистр  
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается информационная кампания Российской Федерации в период Пятидневной войны. Показано, каким образом, в течение относительно короткого промежутка времени, в результате целенаправленной работы российских СМИ в массовом сознании создавался и закреплялся образ вооруженного противостояния России и Грузии. В результате подробного анализа информационной кампании Российской Федерации можно сделать вывод о готовности России к информационной войне, а так же выделить особенности данного информационного противостояния.

*Ключевые слова:* информационная война, грузино-осетинский конфликт, Пятидневная война

В августе 2008 г. Российская Федерация вступила в вооруженный грузино-осетинский конфликт на стороне непризнанной Республики Южная Осетия, который продолжался с 8 по 12 августа включительно. Это было первое военное противостояние, когда вооруженные силы современной России использовались за пределами ее границ. Данный конфликт примечателен ещё и тем, что боевые действия разворачивались, в том числе и в медиапространстве. На фоне событий войны в кавказском регионе разворачивалась полномасштабная информационная война, участниками которой, с одной стороны, являлись страны НАТО и Грузия, с другой стороны – Россия.

Цель данного исследования заключается в выявлении приёмов информационного воздействия в период Пятидневной войны на широкие слои российского населения. Именно в этот краткий период была сконструирован и введен в массовое сознание образы и смыслы войны, которые транслировались СМИ. Именно тогда «родилась» та война, которую мы знаем, и она появилась не на поле боя, а на телевизионных экранах, страницах газет и в голосах радиозэфиров. Естественно, что и после подписания договора «Медведева – Саркози» 12 августа 2008 г., который фактически остановил активные боевые действия, тематику конфликта долго продолжали муссировать СМИ, но ключевые образы закрепились именно в тот период.

Российско-грузинское противостояние 2008 г. стало поворотной точкой в отечественной практике ведения конфликтов, когда нашей стране пришлось воевать на два фронта – в Грузии и в мировом медиапространстве. Сейчас

тезис о важности информационной войны уже не вызывает сомнений. Поэтому любого рода исследования данного вопроса имеют огромную практическую значимость. В подтверждение данного тезиса можно привести слова министра обороны Российской Федерации С. К. Шойгу, прозвучавшие в марте 2015 г.: «Настал тот день, когда все мы признали, что слово, камера, фотография стали ещё одним видом оружия, ещё одним видом вооруженных сил»<sup>1</sup>.

Наиболее значимыми для проведения исследования являются источники, задействованные непосредственно в ходе информационной войны. В данном исследовании в основном использовались источники, опубликованные в сети Интернет. При их разработке предлагалось, что информация изданий, публикуемая в электронном виде, является однородной. Группа анализируемых источников включала материал с официальных сайтов: «Первый канал», «Россия-24», «НТВ», интернет-порталы «Лента.ру» и «Газета.ру», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Русский репортер». Выборка данного рода источников базируется на принципе их популярности среди Отечественных СМИ, соответственно их популярность позволяет охватывать большее количество аудитории.

Феномен информационной войны заслуживает особого изучения и разработки при анализе военных конфликтов и любых других политических процессов начала XXI века. Информацию о процессах и событиях, которые происходят в современном мире, человек черпает из средств массовой информации (СМИ), которые являются связующим звеном, узким коммуникативным перешейком, между сознанием индивида и составными элементами объективной реальности. Благодаря поступающим из СМИ информационным импульсам (принимаящих форму целостных сообщений) субъект, при помощи когнитивных инструментов, преобразует их в целостные образы, которые и наполняют объекты действительности необходимым смыслом. Реципиенты конструировали в своём сознании, параллельно с происходящими событиями Пятидневной войны, субъективные образы конфликта, конструировали эту войну в заданном информационном контексте. Зная эту особенность человеческого сознания, СМИ создали выгодный той или иной политической конъюнктуре образ конфликта вне зависимости от его объективного хода и результатов. Широкое использование гуманитарных технологий, позволявших манипулировать сознанием, уже неоднократно обращало на себя внимание философов. Ж. Бодрийяр писал следующее о войне в Персидском заливе: «Воины пропали в пустоте (пустыне), на сцене остались

---

<sup>1</sup> Шойгу: СМИ стали ещё одним видом оружия и нельзя применять его «по-плохому» [электронный ресурс] / URL: [http://ria.ru/defense\\_safety/20150327/1054977094.html](http://ria.ru/defense_safety/20150327/1054977094.html) доступ свободный

лишь заложники, в том числе и все мы – в качестве заложников информации на глобальной сцене массмедиа»<sup>1</sup>.

В первую очередь, следует сказать о ряде особенностей информационно-го конфликта, происходивших на фоне российско-грузинской войны. Реальные боевые действия разворачивались между Грузией и Южной Осетии при военной поддержке последней со стороны Российской Федерации. Информационная же борьба велась, главным образом, между США, Западной Европой и Россией. Конфликт имел достаточно динамичный характер, заставляя стороны, в сжатый промежуток времени адаптироваться к изменявшимся условиям. При этом, взаимные агрессивные выпады в СМИ были направлены не против конкретной стороны в целом (Грузии или России), а против действий конкретных личностей и их окружения (Д. Медведев, В. Путин, М. Саакашвили, Дж. Буш). Имело место также информационное воздействие, направленное в основном на внутреннюю российскую или западную аудиторию. Кроме того, подготовленность к конфликту обеих сторон вызвала наиболее ожесточенную информационную схватку в течении пяти дней войны.

Действия России в медиапространстве имели два основных направления: заранее подготовленное конструирование негативного образа противника в сознании индивидов и работа постфактум. Конечные цели этих направлений деятельности российских СМИ сводятся к нескольким смыслам:

1. Индивидуальная демонизация противника.
2. Предотвращение Россией геноцида осетинского народа
3. Представление грузинской стороны агрессором и активное поддержание их США.
4. Попытка достижения США своих корыстных интересов, угрожавших национальным интересам России, с использованием Грузии.

Следует отметить, что данная градация искусственна и обладает известной степенью субъективности. В условиях реальной информационной войны в августе 2008 г., все эти смыслы переплетались между собой, находились один в другом, встраивались в сознание индивидов, создавая логичный, целостный образ происходивших событий.

Информационная кампания России ознаменовалась использованием такого приема как «информационная вакцинация мышления. Эта техника представляет собой подачу уже готовых ответов на вопросы, которые объективно еще не возникли. Таким образом, закладывались предпосылки для дальнейшего формирования необходимого образа Пятидневной войны. 8 августа вышла статья на информационном портале «Комсомольская правда» под названием: «9 наивных вопросов о грузино-южноосетинском кон-

---

<sup>1</sup> Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016.

фликте», построенная на приеме «вакцинации» мышления. На вопрос «Как с военной точки зрения квалифицировать действия Грузии?» следовал ответ: «Поскольку Южная Осетия (ЮО) является непризнанной республикой, объявившей о выходе из состава Грузии, действия последней можно квалифицировать как вооруженную агрессию». В данном случае однозначно расставлялись акценты по поводу того, кто именно в конфликте является агрессором, а кто – жертвой. В ответе на другой вопрос, приведенный в статье, «Каково соотношение сил грузинской и южно-осетинской армий?» звучал вывод: «Реально же соотношение боевых потенциалов конфликтующих сторон можно оценивать как 10 к 1. Иными словами, у грузин десятикратное "избыточное" преимущество». То есть Грузия выступала в отношении Южной Осетии слишком сильным агрессором. Это логически подводило читающего к мысли, что без внешней военной помощи у Южной Осетии нет шансов на успех. Именно такой смысл содержал предложенный ответ на вопрос «Как могла бы развиваться грузино-южноосетинская война без вмешательства России? Ответ звучал следующим образом: «Если бы Россия отказалась от вооруженной поддержки ЮО, то война могла закончиться быстро – дня за 2–3. Максимум через неделю». Однозначно обозначена роль Запада в конфликте: «Может ли Грузия стать "кавказским Израилем"?» – Тут все в решающей степени будет зависеть от США и НАТО. За счет помощи США Грузия всего за 5 лет подняла военный бюджет с 30 миллионов долларов до 1 миллиарда!». И далее следует однозначный вывод: «... "Кавказский Израиль" нужен США, прежде всего как плацдарм для закрепления своих антироссийских интересов на Кавказе руками грузин»<sup>1</sup>.

Другим не менее важным инструментом воздействия служила демонизация противника и его действий путём использования негативных символов и мифов. Создатели российских информационных сообщений должны были внедрить в массовое сознание блока идей о грузинской агрессии для снятия ответственности за начало войны с РФ и демонизации грузинского режима. В первую очередь, отечественные СМИ доказывали, что экономика Грузии поставлена на службу готовящейся агрессии и войне. Интернет-портал «Вести» 8 августа слова министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова: «Милитаризация стала визитной карточкой режима Саакашвили: за пять лет в пятьдесят раз, до девятистот семи миллионов долларов вырос грузинский военный бюджет. И это при сокращении финансирования, например, здравоохранения»<sup>2</sup>. Другой информационный портал «Лента.ру» так же приводил пример нара-

<sup>1</sup> Виктор Баранец 9 наивных вопросов о грузино-южноосетинском конфликте [электронный ресурс]/ URL: <http://www.kp.ru/daily/24143/361149/> Доступ свободный

<sup>2</sup> Игорь Кожевин Ложь на высоком уровне [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=199658> Доступ свободный

щивания военной мощи Грузии: «В последние годы военно-политическое руководство Грузии уделяло первостепенное внимание военному строительству и повышению боеспособности национальных вооруженных сил. Оборонный бюджет с 2005 года вырос более чем в 30 раз до уровня около 9–10 процентов от ВВП (для сравнения, в России на военные нужды тратится всего 2,9 процента). На перевооружение армии Грузия тратит даже западные кредиты»<sup>1</sup>.

СМИ акцентировали внимание аудитории на дату начала военных действий. Портал «Вести» прямо указывал на то, что начало конфликта совпало со временем открытия Олимпийских игр в Пекине: «Еще три дня назад в Минобороны Грузии заявляли, что объявляют олимпийское перемирие, еще с античных времен оно предполагает прекращение огня за семь дней до начала Игр и, разумеется, на время всей Олимпиады»<sup>2</sup>. Кроме того, этот же портал публикует слова Г. А. Зюганова: «По сути, творится международный разбой и государственный терроризм со стороны Саакашвили и его подручных. Под прикрытием натовцев и американцев, которые натравляли, война развязана в день открытия Олимпиады, что является еще большим кощунством»<sup>3</sup>. Сайт канала «НТВ» выпустил новостной сюжет под заголовком «Олимпийское перемирие нарушено»<sup>4</sup> с однозначным разъяснением событий грузино-южноосетинской войны. Портал «Лента.ру» опубликовал однозначное мнение иностранного журналиста Майка Биньона из газеты «Таймс»: «Саакашвили надеялся, что Олимпийские игры отвлекут внимание от его действий»<sup>5</sup>.

Особая роль в процессе демонизации противника отводилась фигуре грузинского президента. Российские СМИ обвиняли Саакашвили во лжи, именовали «марионеткой запада». Некоторые представители российских политических элит прямо говорили о неадекватности поступков президента Грузии. «Российская газета», ещё в мае 2008 г., писала следующее: «Это приведет к новой большой войне, которой, по крайней мере, на словах, не желает Тбилиси. Но пока одной рукой Саакашвили пытается сковать одной цепью Европу и США в борьбе за светлое будущее своей страны в целом, и себя в частности, другой – ох уж эти спектакли с участием марионеток – делает

---

<sup>1</sup> *Расстановка сил* [электронный ресурс]/URL: <http://lenta.ru/articles/2008/08/08/forces/> Доступ свободный

<sup>2</sup> *Война в зоне грузино-осетинского конфликта началась в день открытия Олимпиады* [электронный ресурс]/ URL: <http://www.1tv.ru/news/world/29715> Доступ свободный

<sup>3</sup> *Игорь Кожевин* Ложь на высоком уровне [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=199658> Доступ свободный

<sup>4</sup> *Олимпийское перемирие нарушено* [электронный ресурс]/ URL: <http://www.ntv.ru/video/137762/> Доступ свободный

<sup>5</sup> *Мастер Путин ставит мат Западу* [электронный ресурс]/ URL: <http://lenta.ru/articles/2008/08/14/checkmate/> Доступ свободный

примирительные жесты. И демонстрирует на публике – опять же американская школа – желание помириться с Россией»<sup>1</sup>. Когда Саакашвили ещё 7 августа 2008 г. сделал видеобращение, иностранные журналисты обратили внимание, что президент выступал на фоне грузинского флага и флага Евросоюза. Даже представителям западной прессы такого рода жест показался неоднозначным и вызывал известную долю недоумений. Российские СМИ истолковали его как негативный символ. «Русский репортер» писал следующее: «Европейские журналисты обратили внимание на то, что во время телеобращений М. Н. Саакашвили устанавливает у себя за спиной флаг Евросоюза. Вот мнение итальянской «La Stampa»: "Грузия не входит в состав Европы. Саакашвили, вне всякого сомнения, не действовал, не проконсультировавшись со своими основными благодетелями – Соединенными Штатами. И если он начал действовать, то он получил одобрение Вашингтона"»<sup>2</sup>. В «Комсомольской правде» опубликовано заявление Постоянного представителя РФ при ООН В. И. Чуркина: «Мы знаем, что он (Саакашвили) не отличается в последнее время адекватностью анализа и поступков, – громил далее Чуркин, – и нам бы не хотелось думать, что ему был дан какой-то приказ из Вашингтона. Нам хотелось бы надеяться, что, возможно, речь шла о той или иной неправильной интерпретации со стороны президента Грузии тех или иных сигналов, которые могли бы посылааться из Вашингтона»<sup>3</sup>.

Для оправдания правомерности действий России, демонизации противника в период грузино-югоосетинского конфликта, а также для описания действий грузинских вооруженных сил использовались словосочетания «геноцид осетинского народа» и «этнические чистки». Слово «геноцид», само по себе, является не просто звуко-информационным кодом, обозначающим данное явление. Оно является сильным негативным символом. Коннотация данного слова тесно связана, прежде всего, с нацистской Германией, Великой Отечественной войной, холокостом, фигурой А. Гитлера и социальной катастрофой в масштабах всего мира. Иными словами, термин «геноцид» объединяет в себе множество образов, которые глубоко укоренились в сознании российского человека. Соответственно, его употребление в определенном контексте вызывает мощную негативную реакцию в адрес того, с кем этот термин связывается. Этот термин дополнялся введением в набор

---

<sup>1</sup> Евгений Шестаков Игры марионеток [электронный ресурс]/ URL: <http://www.rg.ru/2008/05/16/gruzia-sindrom.html> Доступ свободный

<sup>2</sup> Екатерина Тиме Три дня войны [электронный ресурс] / URL: [http://www.rusrep.ru/articles/2008/08/11/hronika\\_gru\\_os/](http://www.rusrep.ru/articles/2008/08/11/hronika_gru_os/) Доступ свободный

<sup>3</sup> Евгений Беликов Постпред России при ООН Виталий ЧУРКИН: «Какой приличный человек станет сейчас разговаривать с Саакашвили?» [электронный ресурс]/ URL: <http://kp.ua/politics/51235-postpred-rossyy-pry-oon-vytalyi-churkynkakoi-prylychnyi-chelovek-stanet-seichas-razghovaryvat-s-saakashvily-vydeo> Доступ свободный

символов грузинской агрессии словосочетания «этнические чистки», которое достаточно близко по смыслу со словом «геноцид». В отечественной прессе эти два смысловых символа часто употреблялись рядом. Сказался опыт НАТО, обосновавшего своё вторжение в Югославию именно «этническими чистками» албанского населения. Портал «Коммерсантъ» отмечал по этому поводу следующее: «О геноциде и этнических чистках вчера говорили и в Москве, и в Цхинвали. Глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, что вмешательство России было обусловлено именно этническими чистками против осетинского населения»<sup>1</sup>. На информационном поле данные символы, посредством которых создавался негативный миф о грузинской агрессии, сработали безотказно. Популярные телеканалы достаточно часто употребляли этот термин, чтобы он однозначно ассоциировался с действиями Грузии. За период 8 и 9 августа 2008 г. на телеканале «Россия-1» в программе «Вести» этот термин прозвучал 12(!) раз. Так, в новостном сюжете от 8 августа «США поддержали территориальную целостность Грузии» сообщалось: «Президент Южной Осетии Эдуард Кокойты заявил о многочисленных жертвах среди мирных жителей Цхинвали. "Это уже третий геноцид осетинского народа со стороны Грузии. Главный убийца – это Саакашвили", – заявил Кокойты «Интерфаксу»<sup>2</sup>. Параллельно термин «геноцид» использовался в статье «Осетинская трагедия повторяется»: «Когда военными средствами уничтожается та или иная группа, нация – это геноцид. Идет война, причем по сценарию этнической чистки – заставить осетин уехать», – считает Вячеслав Никонов, президент фонда «Политика»<sup>3</sup>. Одновременно «Первый канал» опубликовал слова премьер-министра РФ В. В. Путина: «... естественный геноцид. Раненых добивают! Не дают вывезти гражданское население, сидят без пищи, без воды женщины и дети по трое – четверо суток уже»<sup>4</sup>. В другой публикации В. В. Путин вновь вернулся к этому термину: «Они выходят за рамки понимания боевых действий. Вы знаете, на мой взгляд, это уже элементы какого-то геноцида против осетинского народа»<sup>5</sup>.

Кроме реального противника, с которым столкнулась РФ в лице Грузии на информационном пространстве, ей приходилось бороться с западными

---

<sup>1</sup> Владимир Б-Соловьев Россия вывела Грузию на себя [электронный ресурс]/ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1009492?isSearch=True> Доступ свободный

<sup>2</sup> США поддержали территориальную целостность Грузии Дата посещения [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=199664> Доступ свободный

<sup>3</sup> Игорь Кожевин Осетинская трагедия повторяется [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=199786&tid=60353> Доступ свободный

<sup>4</sup> В Цхинвали, в подвалах разрушенной республиканской больницы, работают хирурги [электронный ресурс]/ URL: <http://www.1tv.ru/news/osetiya/29927> Доступ свободный

<sup>5</sup> Владимир Путин обсудил с Президентом ситуацию в Южной Осетии [электронный ресурс]/ URL: <http://www.1tv.ru/news/osetiya/29891> Доступ свободный

СМИ. В данном случае информационное противоборство шло в нескольких направлениях. Одним из них являлась демонизация политики США в Закавказском регионе. Именно США обвинялись в милитаризации экономики Грузии, переподготовке её армии и в подталкивание М. Н. Саакашвили к силовому варианту решения конфликта с осетинами. В статье «Российская агрессия» на портале «Лента.ру» отмечалось: «Разумеется, больше всего в антироссийской критике отличились воспитавшие и вооружившие нынешнюю грузинскую власть американцы»<sup>1</sup>. Портал новостной службы «Первого канала» приводил такие цифры: «На деньги США, а конгресс выделил Грузии на вооружение безвозвратных кредитов на сотни миллионов долларов, закупились самые современные системы вооружений. 15 многоцелевых вертолетов «Блэк Хоук», 175 танков, 126 бронемашин, 67 артиллерийских орудий, 8 боевых кораблей»<sup>2</sup>. Портал «НТВ» сообщал: «Вчера из Ирака была возвращена 1-я пехотная бригада вооруженных сил Грузии из состава Коалиционных сил, и доставлено значительное количество грузов военного назначения. Восемью рейсами ВВС Соединенных Штатов Америки перебросены около 800 человек личного состава и до 11 тонн груза»<sup>3</sup>.

Западная и грузинская пресса обвинялась в искажении действительности и информационной войне против России. Логика приема заключалась в том, чтобы обвинить во лжи противников и придать своим сообщениям более правдоподобное содержание. Портал «Лента» ссылаясь на слова грузинского журналиста: «По его словам, грузинских журналистов «можно разделить на две части: на членов агитационных бригад и на свободных, объективных журналистов. Примерно 80 процентов журналистов – это именно члены агитационных бригад»<sup>4</sup>. Газета «Коммерсантъ» уже после войны упрекала грузинские власти в неприкрытой дезинформации: «Информационная война достигла апогея во вторник, когда появилась новость о том, что российские войска взяли Гори и движутся на Тбилиси. Уже на следующий день грузинские власти признали, что это была дезинформация – никаких российских танков в окрестностях столицы не появлялось. Истинной причи-

---

<sup>1</sup> *Российская агрессия* [электронный ресурс]/ URL: <http://lenta.ru/articles/2008/08/11/coverage> Доступ свободный

<sup>2</sup> *Хроника* необъявленной войны [электронный ресурс]/ URL: <http://www.1tv.ru/news/osetiya/29946> Доступ свободный

<sup>3</sup> *Вездесущая «рука»* Америки [электронный ресурс]/ URL: <http://www.ntv.ru/novosti/137948> Доступ свободный

<sup>4</sup> *Информационный фронт* [электронный ресурс]/ URL: <http://lenta.ru/articles/2008/08/09/pressruga> Доступ свободный

ной сообщений об этих виртуальных танках была необходимость ведения информационной войны»<sup>1</sup>.

Отечественные СМИ постоянно проводили исторические параллели между вводом войск НАТО в Югославию и введением РФ войск в Южную Осетию («фактор Косово»). То есть, легитимность происходящих событий поддерживалась при помощи исторического прецедента. Портал «Вести» приводил слова В. И. Чуркина: «Когда ведется такого рода операция, подавляются цели не только непосредственно в районе конфликта, но иногда и за его пределами. Скажем, в случае с Косово – никто себя особыми дефинициями не ограничивал, а просто стали бомбить столицу Белград и мосты на Дунае, которые находились в сотнях километров от зоны конфликта»<sup>2</sup>. На том же портале были опубликованы слова Э. Кокойты: «Южная Осетия и Абхазия имеют больше прав на независимость, чем Косово»<sup>3</sup>. Новости «Первого канала» также указывали на существование косовского прецедента и поднимали вопрос о двойных стандартах: «Газета проводит параллель с ситуацией на Балканах, когда те же западные страны, которые сейчас ревностно защищают территориальную целостность Грузии, с легкостью признали независимость Косова от Сербии»<sup>4</sup>. Следовательно, стоило только западной прессе начать говорить о неправомерных действиях России, то отечественная пресса поднимала тему косовского конфликта и «двойных стандартов».

Важным направлением информационных сообщений отечественных СМИ являлась так называемая «работа постфактум». Информационная война обладает достаточно обширным инструментарием, где всегда есть место для новаторства и непредсказуемости. Поэтому обязательным элементом для успешного противодействия информационной агрессии является работа постфактум с инфо-сообщениями противника. Данный феномен может быть представлен несколькими видами, например, детальное опровержение или игнорирование. Именно первый приём широко использовался отечественными СМИ во время Пятидневной войны.

В период грузино-югоосетинского конфликта российские средства массовой информации столкнулись с двумя основными негативными мифами, подвергнутыми в дальнейшем детальному опровержению. Во-первых, опровергался миф о том, что Россия вмешалась в «пятидневную» войну для сме-

---

<sup>1</sup> Пятидневная война [электронный ресурс]/ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1011909?isSearch=True> Доступ свободный

<sup>2</sup> На передовой дипломатического фронта [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=201749> Доступ свободный

<sup>3</sup> Эдуард Кокойты: наш народ имеет больше прав на признание, чем Косово [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=203714> Доступ свободный

<sup>4</sup> С призывом к западным политикам и журналистам обратился бывший Президент Италии [электронный ресурс]/ URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/30047> Доступ свободный

щения президента Саакашвили и приведения к власти в Грузии марионеточного правительства. Базой данного мифа послужил исторический прецедент, в частности события в Чехословакии 1968 года. Портал «Первого канала» опубликовал слова госсекретаря США Кондолизы Райс: «Что касается выбора, Америка твердо стоит на стороне Грузии. Сейчас не 1968 год, когда Россия вошла в Чехословакию, могла угрожать своим соседям, свергнуть правительство и избежать последствий. Ситуация изменилась»<sup>1</sup>. Этот миф приходилось опровергать на разных уровнях: «"Россия не ставит целью свержение президента Грузии М. Н. Саакашвили, это должен решать грузинский народ", – заявил замдиректора департамента информации и печати МИД РФ Борис Малахов»<sup>2</sup>. В 2013 г. экс-президент Д. А. Медведев в интервью отметил: «Я никогда не давал как верховный главнокомандующий, установку зайти в Тбилиси, поменять там политический режим и казнить Саакашвили»<sup>3</sup>.

Другой миф заключался в «непропорциональном (неадекватном) применении силы» Россией против Грузии. Сам по себе миф является достаточно опасным, поскольку он манипулировал не реальными обстоятельствами и событиями, а оценочными суждениями. Кроме того, российские власти прекрасно понимали, что находились не в самом выгодном положении в связи с очевидным военным превосходством над противником. Поэтому, к этому мифу при опровержении всегда относились с крайней осторожностью. Портал «Лента» обращал на внимание на данный момент: «Идея о "непропорциональности" действий российской стороны впоследствии в заявлениях американцев доминировала»<sup>4</sup>. О непропорциональности применения силы говорили и европейцы, о чем свидетельствовал портал «Первый канал»: «Меркель называет применение силы Россией непропорциональным, но отдает себе отчет в реалиях, сложившихся в зоне конфликта»<sup>5</sup>. Этот миф стремился опрокинуть премьер-министр В. В. Путин: «Почему мы действовали так, а не иначе, а что вы хотели? Чтобы мы там только перочинным ножиком размахивали? Слышу о неадекватности применения силы. А что такое адекватное применение силы? Когда против нас применяют танки, системы залпового огня, артиллерию, мы что, из рогатки должны стрелять?»

---

<sup>1</sup> *Война* велась не только на улицах Цхинвала. Дипломатические бои шли на заседаниях ООН [электронный ресурс] / URL: <http://www.1tv.ru/news/osetiya/30433> Доступ свободный

<sup>2</sup> Россия не ставит целью свержение Саакашвили с поста президента [электронный ресурс] / URL: [http://ria.ru/osetia\\_news/20080811/150277062.html](http://ria.ru/osetia_news/20080811/150277062.html) Доступ свободный

<sup>3</sup> *Медведев*: РФ не планировала штурмовать Тбилиси и казнить Саакашвили [электронный ресурс] / URL: <http://ria.ru/politics/20130804/954113838.html> Доступ свободный

<sup>4</sup> «*Российская агрессия*» [электронный ресурс] / URL: <http://lenta.ru/articles/2008/08/11/coverage> Доступ свободный

<sup>5</sup> *Война* велась не только на улицах Цхинвала. Дипломатические бои шли на заседаниях ООН [электронный ресурс] / URL: <http://www.1tv.ru/news/osetiya/30433> Доступ свободный

Конечно, этого следовало ожидать тем, кто затеял эту провокацию, что они получат по морде, как следует»<sup>1</sup>. Некоторые официальные лица делали выпады в сторону НАТО. Постоянный представитель РФ при НАТО Д. О. Rogozin отмечал: «Чья бы корова мычала, а натовская молчала по вопросу о том можно ли применять силу для защиты своих соотечественников, и не говорила о пропорциональном и чрезмерном применении силы. НАТО в моральном отношении не та организация, которая может делать России замечания на сей счет»<sup>2</sup>. Данный миф пытались нейтрализовать и «Вести» со ссылкой на слова А. Пекаева: «Ну, вы знаете, пропорциональное применение силы – это категория не математическая, а скорее политическая. И в каждом конкретном случае она трактуется к выгоде того, кто ее трактует. Насколько можно судить, [российские силы] были даже меньше тех грузинских сил, которые в этот момент уже практически захватили Цхинвал»<sup>3</sup>. Для опровержения миф о непропорциональной силе российские СМИ давили и на «больные точки» США. «НТВ» приводил слова сотрудника ИТАР-ТАСС, присутствовавшего на пресс-конференции госсекретаря США Кондолизы Райс: «Это был один из ее основных тезисов по ходу брифинга, что если бы сидели там только в Осетии или в Абхазии, то и все бы было нормально, а вы полезли как бы вне. И я ей сказал: «Ваш ответ на теракты 11 сентября тоже был непропорционален»<sup>4</sup>.

Следует отметить, что в период российской информационной кампании никто явно не сообщал о позитивных действиях российской армии. Но создание вышеописанных негативных представлений о политике Грузии, и её президенте, информационной войне, которую ведет против РФ Запад, активная работа СМИ постфактум способствовали формированию позитивного имиджа России в военном конфликте. Быстрая и уверенная победа вооруженных сил РФ также благоприятно влияла на информационный климат. Человеческое поведение строится на когнитивных моделях сознания и под-сознания. В период кризисов на первый план выходят самые простые модели бинарного типа «друг – враг», «свой – чужой», «хорошо – плохо» и т.д. В процессе формирования национального самосознания индивида бинарные модели переносятся на национальный уровень и срабатывают также эффективно, как и в личном отношении. Поэтому, чем страшнее миф о враге, тем в

---

<sup>1</sup> "Аморально и нечестно". Владимир Путин о реакции Запада на события в Южной Осетии [электронный ресурс]/ URL: <http://www.1tv.ru/news/osetiya/31670> Доступ свободный

<sup>2</sup> Rogozin: чья бы корова мычала, а натовская молчала [электронный ресурс]/ URL: <http://www.ntv.ru/novosti/138942> Доступ свободный

<sup>3</sup> Пекаев: грузины не скрывают, что для них Россия – главный враг [электронный ресурс]/ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=200251> Доступ свободный

<sup>4</sup> Америка выбрала «виртуальный грузинский проект» [электронный ресурс]/ URL: <http://www.ntv.ru/novosti/138135> Доступ свободный

более выгодном свете будут представляться собственные действия. Такого рода модель позволяет создать в массовом сознании иллюзию, что к этому выводу люди пришли сами, не подозревая о том, что когнитивный сдвиг, созданный информационными сообщениями, весьма предсказуем.

Все вышеописанное относится к приемам импозитивного воздействия. Первоочередным объектом воздействия становятся не информационные системы противника, а свои собственные. Создаются два разных медиапространства: российское и Западное, в каждом из которых СМИ ведут монолог сами с собой. Поэтому создается две совершенно разных системы образов, которые, безусловно, могут соперничать между собой, но зачастую они даже не поддаются сравнению. В основе процесса конструирования того или иного образа в сознании лежат определенные социокультурные системы кодеков (код\декод) и в зависимости от социальной общности они являются кардинально различными и использование одних, в применение к другим принципиально невозможно. Именно поэтому сам термин войны или информационного противостояния становится некорректен, поскольку «боевые действия» противники разворачивают в первую очередь против самих себя.

Таким образом, Россия оказалась готова к информационной агрессии со стороны Запада и Грузии. В пользу данного факта свидетельствует применение приема «вакцинации мышления» масс и постоянное упоминание в качестве оправдывающего момента «косовского прецедента». Кроме того, отечественные создатели информационных сообщений умело пользовались моментами, которые нельзя было предвидеть (Саакашвили, жующий галстук). Эффективному проведению инфо-атак способствовал образ «маленькой победоносной войны», закончившейся очень быстро и успешно. Россия выдержала испытание информационной войной, что подтверждают результаты социологического опроса среди россиян, проводившегося 15–18 августа 2008 г. Левада-центром<sup>1</sup>. Они демонстрируют, что информационное воздействие отечественных СМИ на общественное мнение являлось эффективным. Подавляющее большинство населения РФ считало, что война носит справедливый и освободительный характер, а действия Саакашвили носят преступный характер. Кроме того, большинство считало, что грузино-югоосетинский конфликт случился в следствии геополитических интересов США, стремившихся «выдавить» Россию из Закавказья.

---

<sup>1</sup> *Мнение* россиян о конфликте в Грузии: опрос 15–18 августа [электронный ресурс]/ URL: <http://www.levada.ru/21-08-2008/mnenie-rossiyan-o-konflikte-v-gruzii-opros-15-18-avgusta> Доступ свободный

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

*Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.

**N. A. ZUBKOV**

**INFORMATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING  
THE ARMED CONFLICT IN SOUTH OSSETIA, 2008**

Master  
National Research Tomsk State University

Here is analyzed and attributed the information policy of the Russian Federation during the Five-day War. Based on a wide range of Russian media sources, the article demonstrates how the image of the war has been creating and fixing in the minds of people in a relatively short period of time. The article shows how the image of the Five-day war was created by the purposeful work of Russian media. During the work it is proved that modern military conflicts do not play such a significant role. It is much more important how these conflicts are perceived by the broad masses and how by means of consciousness manipulation the media create an image of a conflict.

*Keywords:* information war, the Georgian-Ossetian conflict, the Five-day war